

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

16 2026
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (619) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Станислав Густавович Струмилин* (1877–1974), советский экономист и статистик.

Станислав Густавович родился в селе Дашковцы Подольской губернии, ныне Литинского района Винницкой области Украины, в семье обедневшего дворянина (настоящая фамилия — Струмилло-Петрашкевич). Он обучался в Скопинском реальном училище, а затем поступил в Электротехнический институт в Санкт-Петербурге. В 1897 году присоединился к революционному движению, в 1899-м участвовал во всеобщей студенческой забастовке, в том же году был отчислен из института и отдан в солдаты. Вступил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1899 году стал членом РСДРП, сначала как меньшевик, а с 1923 года — большевик.

Впоследствии его еще дважды исключали из института; три раза он был арестован; выдержал страшное избиение в петербургской тюрьме «Кресты»; дважды был приговорен к ссылке, дважды бежал из ссылки. Несмотря ни на что, окончил Петербургский политехнический институт по экономическому отделению в 1914 году.

После Октябрьской революции Струмилин организовал отдел статистики в Высшем совете народного хозяйства. С 1919 года он стал уделять особое внимание статистике труда. После того, как Ленин ознакомился с некоторыми опубликованными статьями Струмилины по этой теме, он пригласил его работать в Госплан. Позже Струмилин стал заместителем председателя Госплана, а потом членом Президиума.

Одновременно Станислав Густавович вел научную и педагогическую работу в МГУ, Институте народного хозяйства имени Плеханова, Московском государственном экономическом институте.

Под руководством Струмилины была разработана первая в мире «система материальных балансов».

Струмилин является автором более 700 работ в области экономики, статистики, управления народным хозяйством, планирования, демографического прогнозирования, политэкономии социализма, экономической истории, научного коммунизма, социологии, философии.

Ему также принадлежит авторство одного из методов построения индекса производительности труда, получившего название «индекс Струмилины».

Изучая проблемы экономической эффективности образования, ученый сформулировал закон «убывающей продуктивности школьного обучения», согласно которому с возрастанием количества ступеней обучения снижается его экономическая рентабельность для государства, а квалификация рабочих повышается медленнее, чем число лет, затраченных на обучение.

В то же время Струмилин исследовал зависимость между степенью квалифицированности работников и сроками их обучения. Им были установлены методы определения оптимального периода школьного обучения и размеров расходов на образование каждого рабочего с учетом роста национального дохода государства. По данным Струмилины, введение всеобщего начального образования в СССР дало экономический эффект, в 43 раза превышающий затраты на его организацию; рентабельность начального обучения лиц, занятых физическим трудом, в 28 раз превысила себестоимость обучения, а капитальные затраты на него окупились через полтора года.

Выводы Струмилины о высокой рентабельности обучения в вузах преимущественно малоимущих выходцев из рабочих и крестьян подтверждали окупаемость бесплатного высшего образования и содержания студентов за государственный счет, а также давали возможность обосновать обязательную трехлетнюю работу выпускников вузов по распределению, установление им заработной платы не ниже, чем у квалифицированных рабочих. Известно его высказывание: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие».

Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии экономической науки и в связи с девяностолетием со дня рождения Станиславу Густавовичу Струмилину было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Он награжден также четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного Знамени, а также медалями, в том числе «За трудовую доблесть».

Умер Станислав Густавович в 1974 году в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Касымов Д. И., Пашнов Д. С.

Цифровизация предварительного следствия:
проблемы и перспективы внедрения
электронного уголовного дела 307

Каюкова О. П.

Идентификация личности
в нотариальной деятельности: сравнительно-
правовой анализ Российской Федерации
и Республики Беларусь 309

Колесников Д. А.

Актуальные проблемы правового
регулирования договора морской перевозки
грузов в российском морском праве 312

Колесова А. Н.

Изменение правового регулирования
порядка предоставления в собственность
или аренду публичных земельных участков
на электронных торгах 315

Коршунова В. С.

Проблемы разграничения экстремистских
и террористических организаций
в российском законодательстве
и правоприменительной практике 320

Костик Н. А.

Наследственный договор в российском
гражданском праве 322

Кочубей Е. Ю.

Принцип диспозитивности в семейном
праве: пределы усмотрения сторон
при заключении брачного договора
и в процедуре медиации 323

Кривоносенко М. М.

Специфика кабальных сделок
в гражданском праве 327

Кудашова З. Р., Гафурова Р. Р.

Проблемы уголовно-правовой квалификации
коррупционных преступлений 331

Кудрявцева Д. С.

Уголовно-правовое противодействие
половым преступлениям в Российской
Федерации и за рубежом 333

Ладан А. Ф.

Цифровые права в системе объектов
гражданских прав 336

Лазарев М. М.

Права и обязанности эксперта
при производстве судебной экспертизы
по уголовным делам 338

Лебедева А. М.

Современные способы изготовления
поддельных денежных знаков 340

Лисова М. А.

Сложности диагностики и классификации
самодельного огнестрельного оружия
в криминалистике 341

Лисова М. А.

Проблемы разграничения составов
получения взятки и коммерческого подкупа
при квалификации деяний с использованием
криптовалюты 344

Маслина И. Д.

Актуальные вопросы заключения договора
на торгах 347

Мельникова А. Е.

Тактические и процессуальные аспекты
производства следственных действий
при расследовании коррупционных
преступлений 349

Мельникова А. Е.

Особенности собирания и фиксации
цифровых доказательств на первоначальном
этапе расследования коррупционных
преступлений 351

Митрофанов Н. В., Лозовой О. Е.

Цифровые двойники в доказывании:
3D-моделирование места происшествия 354

Мифтахудинов Ф. А.

Понятие принципов договорного права 357

Мкртумян Б. А., Джуган В. Е.

Понятие и система следов, изучаемых
трасологией 358

Модонов Н. В.

Незаконное предпринимательство
в криптоиндустрии 360

Мосийчук Д. А.

Честь, достоинство и деловая репутация
в российском гражданском праве:
актуальные проблемы в современном
правовом поле..... 364

Мурсалиев С. Л.

Терминологическая неопределенность
понятий «ребенок», «малолетний»
и «несовершеннолетний» в уголовном праве
России: проблемы квалификации половых
преступлений и пути унификации..... 366

Мэн С. И.

Понятие приобретения обществом
размещенных акций 369

Насонова М. А.

Квалификация неправомерного доступа
к компьютерной информации: объективные
и субъективные критерии отграничения
от смежных составов в цифровой среде 370

Неверович М. С.

Меры предварительной защиты
в административном судопроизводстве:
баланс публичных и частных интересов 373

Омаров К. М., Куспаев М. Г.

Распространение радикальной религиозной
идеологии в исправительных учреждениях.... 376

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Цифровизация предварительного следствия: проблемы и перспективы внедрения электронного уголовного дела

Касымов Даниил Ильдарович, студент;

Пашнов Дмитрий Сергеевич, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена актуальным проблемам цифровой трансформации российского уголовного судопроизводства. На основе анализа зарубежного опыта (Республика Казахстан, Германия, Италия) и последних изменений уголовно-процессуального законодательства (ФЗ № 610-ФЗ и № 672-ФЗ) исследуются перспективы внедрения электронного уголовного дела. Авторы анализируют правовую неопределенность понятия «электронное уголовное дело», коллизии применения ст. 474.1 и 474.2 УПК РФ, проблему чрезмерных требований к усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) для участников процесса. Отдельное внимание уделяется анализу судебной практики (апелляционное постановление Московского областного суда № 22К-4823/2021), иллюстрирующей нарушения доступа к правосудию при подаче электронных жалоб. В статье обосновывается необходимость системного подхода к правовому регулированию цифровых технологий, смягчения требований к электронной подписи и внедрения специализированных средств идентификации участников, а также масштабирования положительного опыта ведомственных информационных систем («Электронный паспорт уголовного дела»).

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, электронное уголовное дело, электронные доказательства, УПК РФ, электронная подпись, предварительное следствие, судебная практика.

Глобальная цифровая трансформация общественных отношений, охватившая сферы экономики, государственного управления и бытовой коммуникации, объективно обуславливает необходимость модернизации уголовно-процессуальной деятельности. Длительное время уголовное судопроизводство оставалось одной из наиболее консервативных правовых сфер, что объясняется высокой ценой судебной ошибки и необходимостью строгого соблюдения формальных процедур, гарантирующих права личности [1, с. 173]. Однако стремительное развитие преступности в информационной сфере и потребности общества в оперативном и прозрачном правосудии диктуют необходимость перехода от бумажного к электронному формату уголовного дела.

Под электронным уголовным делом в доктрине понимается информационная система, предназначенная для хранения цифровой информации — материалов уголовного дела, полностью заменяющая собой бумажный вариант, с высоким уровнем безопасности [2, с. 29]. Как справедливо отмечают О. И. Андреева и О. А. Зайцев, одним из универсальных инструментов модернизации уголовного судопроизводства может стать переход от бумажного к электронному уголовному делу, что будет способствовать повышению открытости, доступности и опе-

ративности правосудия, а также снижению избыточного формализма [3, с. 101].

Значительный прогресс в данном направлении достигнут зарубежными государствами. В Республике Казахстан с декабря 2017 года Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает две формы судопроизводства — традиционную бумажную и электронную (ст. 42–1 УПК РК). Ключевое значение имеет Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР), обеспечивающий прозрачность учета и регистрации уголовных дел, а также доступность информации для контрольно-надзорных инстанций [4]. В Германии § 41a УПК ФРГ допускает использование наряду с электронно-цифровой подписью любых иных надёжных процедур, обеспечивающих подлинность и целостность переданного электронного документа [5, с. 60]. Указанный зарубежный опыт свидетельствует о том, что успешная цифровая трансформация требует не только технической инфраструктуры, но и комплексного правового регулирования.

В Российской Федерации законодателем предприняты значительные шаги по формированию нормативной базы. Принятие Федеральных законов от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ и от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ ввело легальное закрепление права направлять и получать процессуальные документы в электронной форме (ст. 474.1 и 474.2

УПК РФ) [6]. Однако, как обоснованно указывают исследователи, действующее правовое регулирование страдает фрагментарностью и содержит ряд коллизий.

Первая проблема связана с отсутствием четкого нормативного закрепления понятия «электронное уголовное дело» и механизма его ведения на досудебных стадиях. Если суды наделены правом изготавливать судебные решения в форме электронного документа (ст. 474.1 УПК РФ), то органы предварительного расследования такой возможностью в полной мере не обладают. Статья 474 УПК РФ, именуемая «Оформление процессуальных действий и решений на бланках процессуальных документов», допускает выполнение документов электронным способом, однако не приравнивает их к электронным документам, подписанным усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) [3, с. 59]. Это порождает ситуацию двойного документооборота, когда следователь вынужден дублировать бумажный том сканированными копиями, что не обеспечивает ни экономии ресурсов, ни оперативности.

Выделяется ещё одна проблема, а именно — чрезмерные требования к электронной подписи участников уголовного процесса. В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57, все обращения в суд в виде электронного документа должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью [7]. Данное требование, как справедливо отмечают О. И. Андреева и О. А. Зайцев, является чрезмерным, возлагающим на лицо неоправданные дополнительные усилия и расходы, что делает реализацию права на доступ к правосудию иллюзорной [3, с. 60]. Особенно остро эта проблема стоит для потерпевших по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), которые в большинстве своем не обладают УКЭП и лишены возможности подать заявление в электронном виде через представителя-адвоката.

Судебная практика демонстрирует наличие серьезных нарушений прав граждан при применении указанных норм. Так, Московским областным судом было отменено постановление Дмитровского городского суда, которым заявителю было отказано в принятии жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, поданной через официальный сайт суда. Суд первой инстанции мотивировал отказ отсутствием усиленной электронной подписи. Однако суд апелляционной инстанции в постановлении № 22К-4823/2021 от 3 августа 2021 года указал, что данное обстоятельство могло служить основанием лишь для возвращения жалобы заявителю с разъяснением права вновь обратиться в суд, но не для отказа в ее принятии [8]. Допущенное нарушение было квалифицировано как лишение гарантированных законом прав участника уголовного судопроизводства. Данный пример иллюстрирует как несовершенство нормативного регулирования, так и риск злоупотреблений со стороны работников аппарата суда, которые вправе отклонять электронные документы по субъективным основаниям (например, «отсутствие связного текста») [3, с. 59].

В качестве позитивного шага следует отметить пилотный проект Следственного комитета РФ «Электронный паспорт

уголовного дела» (ИС «ЭПУД»), запущенный в 2014 году на территории Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Система позволяла создавать базу данных с отсканированными версиями процессуальных документов. По данным, опубликованным в «Российской газете» в декабре 2016 года, внедрение данной системы дисциплинировало следователей и оказывало предупредительный эффект [9]. Однако данная система функционировала исключительно в пределах указанных округов и не устраняла ведения параллельного бумажного делопроизводства.

Перспективы развития цифрового предварительного следствия связываются с необходимостью принятия системного нормативного акта, регламентирующего создание единой цифровой среды уголовного судопроизводства [10, с. 120]. Представляется обоснованным предложение о законодательном закреплении понятия «электронное доказательство» и его включении в перечень ст. 74 УПК РФ, что позволит устранить правовую неопределенность при использовании цифровых данных в доказывании [11]. Также заслуживает внимания опыт использования биометрических данных или специализированных кодов доступа для идентификации участников процесса (по аналогии с арбитражным процессом), что позволит отказаться от избыточного требования УКЭП для всех категорий граждан [12, с. 213].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что цифровизация предварительного следствия является объективной необходимостью, однако её реализация в Российской Федерации сталкивается с рядом системных проблем: отсутствие легального определения электронного уголовного дела и единого порядка его ведения; избыточные требования к электронной подписи участников процесса; фрагментарность нормативного регулирования, приводящая к двойному документообороту; риски субъективного усмотрения при отклонении электронных документов. Судебная практика, в частности постановление Московского областного суда № 22К-4823/2021, свидетельствует о нарушении права на доступ к правосудию при формальном применении требований к электронным подписям.

В целях решения выявленных проблем представляется необходимым: 1) законодательное закрепление в УПК РФ понятий «электронное уголовное дело» и «электронное доказательство»; 2) унификация правового статуса электронных документов на досудебном и судебном производстве; 3) смягчение требований к виду электронной подписи для граждан, не обладающих УКЭП, с возможностью использования простой электронной подписи или альтернативных средств идентификации; 4) масштабирование успешного опыта ведомственных информационных систем («Электронный паспорт уголовного дела») на всю территорию Российской Федерации с одновременным отказом от дублирования бумажного документооборота. Только при соблюдении баланса между технологическими инновациями и гарантиями прав участников уголовного процесса будущего сможет соответствовать как требованиям эффективности, так и правовым идеалам справедливости.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026)
3. Кузьмина О. В., Скотникова М. М. Электронное уголовное дело: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российский уголовный процесс // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 4. С. 173–177.
4. Соколов Ю. Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.
5. Андреева О. И., Зайцев О. А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 12. С. 56–61.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 14.04.2026).
1. Трефилов А. А. Система УПК ФРГ (с приложением в виде перевода УПК ФРГ на русский язык). Заарбрюкен: LAP, 2011. 427 с.
2. Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1. Ст. 51.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. 2017. 29 дек.
4. Апелляционное постановление Московского областного суда от 03.08.2021 № 22К-4823/2021 по делу № 3/10–125/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6EJpn7ufvg5H/> (дата обращения: 14.04.2026).
5. Петренко С. «Электронный паспорт» уголовного дела // Российская газета. 2016. 14 декабря. № 7146 (283).
6. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–125.
7. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 270–295.
8. Лебедев З. С. Электронное уголовное дело как форма уголовного судопроизводства: способ реализации и перспективы внедрения // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4 (23). С. 40–45.

Идентификация личности в нотариальной деятельности: сравнительно-правовой анализ Российской Федерации и Республики Беларусь

Каюкова Олеся Петровна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

В статье анализируются правовые и практические проблемы идентификации личности в нотариальной деятельности России и Беларуси. На основе сравнительного анализа законодательства, научных статей и судебной практики 2025 года выявляются особенности регулирования идентификации и цифровизации. Рассматриваются технологические новшества: небиометрическая сверка лиц в России и ID-карта в Беларуси. Делается вывод, что технологии — лишь инструмент, а ответственность за идентификацию всегда остаётся за нотариусом.

Ключевые слова: нотариат, идентификация личности, нотариальная тайна, Республика Беларусь, искусственный интеллект, цифровизация, судебная практика.

Personal identification in notarial activities: comparative legal analysis of Russia and Belarus

Kayukova Olesya Petrovna, master's student
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

The article analyzes legal and practical problems of personal identification in notarial activities in Russia and Belarus. Based on a comparative analysis of legislation, scientific articles and judicial practice of 2025, the features of regulation of identification and

digitalization are identified. Technological innovations are considered: non-biometric facial recognition in Russia and ID-card in Belarus. It is concluded that technologies are only a tool, and responsibility for identification always remains with the notary.

Keywords: notariat, personal identification, notarial secrecy, Republic of Belarus, artificial intelligence, digitalization, judicial practice.

Идентификация личности — первое и одно из самых важных действий, которое совершает нотариус при обращении гражданина к нему. С установления личности начинается любое нотариальное действие. В условиях цифровизации и развития электронного нотариата проблема надёжной идентификации приобретает особую остроту.

Как справедливо отмечает Т. Г. Калиниченко, «нотариус в странах международного нотариата занимает доминирующее положение в гражданском обороте. Существуют общие принципы и подходы к пониманию, какой должна быть система нотариата, разных стран, их правовое положение, основанное на традициях романо-германской правовой семьи» [5]. При этом автор подчёркивает, что «для России свойственен аспект унификации, который выражается в восприятии лучшего опыта развития нотариата разных стран. Принимая все самое лучшее, мы видим и недостатки» [5].

В свою очередь, А. Е. Бучина отмечает, что «искусственный интеллект может упростить рабочие процессы деятельности нотариусов, освободив их от необходимости заниматься рутинными задачами, автоматизировать их работу, снизить уровень ошибок и ускорить нотариальное производство... Внедрение искусственного интеллекта является приоритетным направлением цифровизации» [4].

Цель настоящей статьи — выявить особенности правового регулирования идентификации личности в нотариальной деятельности, провести сравнительно-правовой анализ законодательных актов и правоприменительной практики в России и Республике Беларусь, а также определить возможные направления совершенствования российского законодательства с учётом белорусского опыта.

В России основным нормативным актом, регулирующим нотариальную деятельность, являются Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. **Статья 42 Основ** устанавливает: «При совершении нотариального действия нотариус устанавливает личность обратившихся за совершением нотариального действия, его представителя или представителя юридического лица. Установление личности должно производиться на основании паспорта или других документов, исключающих любые сомнения относительно личности гражданина» [1].

В целях минимизации ошибок при визуальном определении внешности обратившегося лица с фотографией в предъявленном паспорте нотариусы могут использовать специализированные программные решения на базе искусственного интеллекта. Так, в системе автоматизации нотариального делопроизводства «ЭКСПРЕСС» появи-

лась возможность с помощью камеры сверить внешность заявителя с фотографией в документе.

Процесс занимает короткий период времени и зависит от скорости работы интернета и качества изображения, программа сравнивает его с и фото из паспорта, выдавая оценку совпадения в процентах. По словам нотариуса Олега Рзянина, «в подавляющем большинстве программа показывает совпадение в 90–95 %, даже если с момента выдачи паспорта прошло 10–20 лет» [10].

Важно подчеркнуть, что «программа — это лишь дополнительная экспертная линия. Нотариусы обязаны сами устанавливать личность обратившегося» [10]. В эпоху развития технологий и совершенствования методов фальсификации документов нотариус не должен полагаться исключительно на визуальное восприятие. На сегодняшний день использование данного функционала является одним из наиболее эффективных инструментов повышения достоверности нотариальной процедуры. Однако даже самый совершенный алгоритм остаётся лишь инструментом поддержки, а не заменой профессионалу. Технология выступает вспомогательным инструментом, помогающим нотариусу в сложных случаях (сильные возрастные изменения, пластические операции), но окончательное решение остаётся за ним, так как верность идентификации закреплена в законодательстве за лицом, удостоверяющим нотариальное действие. Именно поэтому закон возлагает на нотариуса полную имущественную ответственность за вред, причинённый вследствие ненадлежащего установления личности. Как следствие, бремя доказывания надлежащего исполнения обязанностей по идентификации лежит на самом нотариусе.

Правовые последствия ошибок идентификации наглядно иллюстрируют судебные дела последних лет. Так, Четвёртый кассационный суд общей юрисдикции 20 августа 2025 года рассмотрел дело № 88–21510/2025, в котором нотариус удостоверил доверенность от имени лица, впоследствии оказавшегося не подписывавшим данный документ. Как установлено судом, «доверенность в действительности не подписывалась, что определено независимым экспертным исследованием». Нотариус не смог правильно идентифицировать личность обратившегося, что повлекло ничтожность всего нотариального акта [6].

В другом деле — № 88–18585/2025, рассмотренном Третьим кассационным судом общей юрисдикции 20 октября 2025 года, — суд оставил жалобу на нотариальное действие без удовлетворения, указав, что заявитель не доказал нарушения его прав [7]. Это дело иллюстрирует оборотную сторону процесса доказывания: и при отсутствии убедительных доказательств нотариальное действие сохраняет силу.

Республика Беларусь, как и Российская Федерация, относится к странам латинского нотариата. Основным нормативным актом здесь является Закон от 18 июля 2004 года № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности», который за прошедшие два десятилетия неоднократно обновлялся [2]. Последние масштабные изменения были внесены Законом от 9 декабря 2025 года № 110-З, вступающим в силу с 1 января 2026 года [3].

Статья 42 Закона № 305-З, аналогично российской, обязывает нотариуса устанавливать личность гражданина *«на основании документа, удостоверяющего личность, либо в ином порядке, предусмотренном законодательными актами»* [2].

Важной новеллой белорусского законодательства стало закрепление **Единой электронной системы учёта нотариальных действий**, позволяющей нотариусу проверять личность обратившегося через государственные реестры [2]. Сходный по функционалу ресурс функционирует и в Российской Федерации: с февраля 2026 года нотариусы получили доступ к **Единому федеральному регистру сведений о населении (ЕРН)**. Как сообщает Федеральная нотариальная палата, через рабочий интерфейс Единой информационной системы (ЕИС) нотариата можно практически мгновенно получить сведения для подтверждения личности заявителя (ФИО, дата рождения, пол), информацию о СНИЛС, ИНН, статусе паспорта, а также данные актов гражданского состояния и сведения о регистрации по месту жительства [9].

В отличие от России, где сложилась обширная судебная практика по спорам, связанным с идентификацией личности в нотариальной деятельности, белорусские судебные акты на эту тему в открытом доступе представлены фрагментарно. Однако сам по себе этот факт не свидетельствует об отсутствии проблемы — напротив, он подчёркивает необходимость её осмысления. Законодательство Беларуси, включая недавние новеллы 2025 года, создаёт все необходимые предпосылки для устранения соответствующих судебных споров, а значит, вопрос об ошибках идентификации личности остаётся актуальным и требующим внимания.

Сравнение подходов России и Беларуси к идентификации личности в нотариальной деятельности позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия.

Общим для обеих стран остаётся фундаментальный принцип: именно нотариус обязан проверить личность, обратившегося лица и именно он несёт ответственность за верность этой проверки. Как в России, так и в Беларуси законодательство предусматривает правовые меры и санкции для тех, кто нарушает данное требование — будь то умышленно или по неосторожности.

Различия между двумя странами проявляются в подходах к цифровизации. Беларусь создала Единую электронную систему учёта нотариальных действий — централизованный ресурс для проверки личности через

государственные реестры. В России сегодня функционируют отдельные инструменты: Единая информационная система (ЕИС) нотариата и Единый федеральный регистр населения (ЕРН), но единой системы пока нет. При этом Беларусь уже внедрила идентификационную карту (ID-карту) — полноценный цифровой документ, который с 2021 года выдаётся вместо бумажного паспорта и позволяет удалённо подписывать заявления через портал «Е-Паслуга». В России электронное удостоверение личности находится лишь на стадии обсуждения.

Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько ключевых выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Прежде всего, опыт небиометрической сверки лиц в системе «ЭКСПРЕСС», убедительно демонстрирует, что современные технологии способны стать надёжным помощником нотариуса в сложных случаях идентификации. Программа снижает риск субъективной ошибки, однако — и это принципиально важно — она остаётся лишь *«дополнительной экспертной линией»*, а не заменой профессиональному усмотрению нотариуса [10]. Эта позиция разделяется как российскими, так и белорусскими специалистами.

Сравнительно-правовой анализ России и Беларуси показывает, что, имея единые корни латинского нотариата, две страны движутся схожими, но не идентичными путями цифровизации идентификационных процедур. В обеих странах развиваются электронные сервисы для проверки личности. При этом в Беларуси с 2021 года внедрена ID-карта, которая является полноценным документом, удостоверяющим личность внутри страны. В России же с 2025 года существует цифровой паспорт в формате QR-кода через приложение «Госуслуги», однако его применение ограничено бытовыми ситуациями (банки при повторном обращении, почта, возрастные товары), и он не заменяет бумажный паспорт для юридически значимых действий. Таким образом, белорусский опыт использования ID-карты представляет интерес для России, где аналогичный проект электронного удостоверения личности на сегодняшний день не применяется в широком смысле.

Основной вывод данной статьи, как справедливо отмечает А. Е. Бучина, заключается в том, что *«внедрение искусственного интеллекта является приоритетным направлением цифровизации»* нотариата [4]. Однако, по верному замечанию И. П. Ковалёва, оно требует тщательного учёта правовых рисков и защиты личных прав человека [6]. Технологии должны служить нотариусу, помогая ему в сложных случаях, но окончательное решение — и ответственность за него — всегда должно оставаться за человеком, а не за искусственным интеллектом или программным обеспечением. Вместе с тем такой инструмент в руках человека становится важным подспорьем для решения любых профессиональных задач и задаёт хороший вектор для дальнейшего развития нотариальной деятельности.

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. — 1993. — № 49;
2. Закон Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» (ред. от 29.06.2020) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь;
3. Закон Республики Беларусь от 9 декабря 2025 г. № 110-З «Об изменении законов по вопросам нотариальной деятельности» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь;
4. Бучина А. Е. Искусственный интеллект в нотариальной деятельности / А. Е. Бучина; науч. рук. А. Н. Ермаков // Стратегическое развитие отечественной науки: национальное самосознание, скрытые конкурентные преимущества: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 06 мая 2023 г., Саратов. — Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2023. — С. 153–156;
5. Калиниченко Т. Г. Международные отношения и нотариат // Нотариат.рф. 2018. URL: https://xn—80aaxsfmne.xn—p1ai/ru-ru/publishing-center/author/mezhdunarodnyie-otnosheniya-i-notariat/?author_id=3 (дата обращения: 08.04.2026);
6. Ковалёв И. П. Правовое регулирование защиты личных прав человека при использовании технологий искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 56–63;
7. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2025 № 88–21510/2025 по делу № 2–4196/2024. — URL: <https://4kas.sudrf.ru> (дата обращения: 08.04.2026);
8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2025 № 88–18585/2025 по делу № 2–2773/2024. — URL: <https://3kas.sudrf.ru> (дата обращения: 08.04.2026);
9. Федеральная нотариальная палата: официальный сайт. — URL: <https://notariat.ru> (дата обращения: 08.04.2026);
10. Небиометрический ИИ Smart Engines для сравнения лиц поможет нотариусам защититься от мошенников // Smart Engines: официальный сайт компании. — 2024. — 14 марта. — URL: <https://smartengines.ru/news/nebiometricheskij-ii-smart-engines-dlya-sravneniya-licz-pomozhet-notariusam-zashchititsya-ot-moshennikov/> (дата обращения: 08.04.2026)

Актуальные проблемы правового регулирования договора морской перевозки грузов в российском морском праве

Колесников Данила Алексеевич, студент

Научный руководитель: Богданова Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования договора морской перевозки грузов и предлагаются пути их решения. Объектом исследования является комплекс внешних вызовов и внутренних системных противоречий, с которыми столкнулось российское морское право в современных условиях. Санкционное давление, переориентация логистических потоков, необходимость развития Северного морского пути и цифровая трансформация отрасли обострили давно существующие пробелы и коллизии в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации [1].

Ключевые слова: российское морское право, КТМ РФ, договор морской перевозки груза, коносамент, электронный коносамент, ответственность перевозчика.

Current issues in the legal regulation of the contract of carriage of goods by sea in Russian maritime law

Kolesnikov Danila Alekseevich, student

Scientific advisor: Bogdanova Tatyana Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
St. Petersburg State Maritime Technical University

The article is devoted to the analysis of problems in the legal regulation of the contract of carriage of goods by sea, and proposes ways to address them. The object of the study is a set of external challenges and internal systemic contradictions that Russian maritime law has encountered in modern conditions. Sanction pressure, the reorientation of logistics flows, the need to develop the Northern

Sea Route, and the digital transformation of the industry have exacerbated longstanding gaps and conflicts in the Merchant Shipping Code of the Russian Federation.

Keywords: Russian maritime law, Merchant Shipping Code of the Russian Federation (MSC RF), contract of carriage of goods by sea, bill of lading, electronic bill of lading, carrier's liability.

В условиях стремительной трансформации глобальной цепочки поставок и ужесточения санкционного давления, договор морской перевозки грузов приобретает критическое значение для обеспечения национальной экономической безопасности и устойчивости внешнеэкономических операций Российской Федерации. Современный этап развития морского права характеризуется нарастающим противоречием между устаревшими нормами КТМ РФ, сформированными в иных экономико-политических реалиях, и новыми вызовами цифровой эпохи, требующими оперативной адаптации правового регулирования.

Сложившаяся ситуация усугубляется фрагментарностью судебной практики и доктринальных подходов к разрешению ключевых вопросов применения норм о морской перевозке, что порождает правовую неопределенность и повышает риски участников внешнеэкономической деятельности. Настоящее исследование направлено на преодоление проблем через выработку комплексных решений по модернизации отечественного законодательства о морских перевозках.

1. Несоответствие норм КТМ РФ о коносаменте современным требованиям цифровой экономики и международной торговой практики.

Статья 142 КТМ РФ закрепляет традиционную бумажную форму коносамента как единственную легитимную, что противоречит потребностям современной логистики и международным тенденциям перехода к электронным документам. Несмотря на наличие в Гражданском кодексе РФ [2] в ст. 434.1 ГК РФ общих положений об электронных документах, в КТМ РФ отсутствует специальное регулирование электронных коносаментов, что создает правовую неопределенность в вопросах их юридической силы, доказательственного значения и порядка передачи прав [5].

Мировая практика активно переходит на использование электронных коносаментов, например, в рамках Роттердамских правил 2009 года [4] и системы Bolero. Российские компании сталкиваются с невозможностью полноценно участвовать в международных перевозках с применением цифровых технологий [7].

Бумажный документооборот приводит к значительным временным и финансовым издержкам. По оценкам экспертов, обработка бумажного коносамента обходится в 3–5 раз дороже электронного и занимает до 10 дней против 24 часов при цифровом оформлении.

В условиях ограничений доступности международных логистических сервисов развитие отечественных цифровых платформ становится вопросом экономической безопасности, но отсутствие четкого правового регулирования тормозит этот процесс.

Таким образом, суды отказываются признавать электронные коносаменты в качестве товарораспорядительных документов, невозможно использовать сквозные электронные коносаменты в мультимодальных перевозках, а также присутствуют риски непризнания прав держателя электронного коносамента иностранными контрагентами.

Предлагаем внести изменения в главу VIII КТМ РФ с закреплением: понятия «электронный коносамент», требования к его форме и реквизитам, порядок передачи прав по электронному коносаменту. Разработать системы гарантий и защиты прав добросовестных владельцев. Признать российские электронные платформы в международной практике через двусторонние соглашения.

Данная проблема препятствует цифровой трансформации отрасли и снижает конкурентоспособность российских перевозчиков на международном рынке морских перевозок.

2. Неопределенность в распределении рисков и ответственности сторон при воздействии санкционных ограничений на исполнение договора морской перевозки.

Действующий КТМ РФ не содержит специальных норм, регулирующих последствия воздействия санкционных ограничений на исполнение обязательств по договору морской перевозки груза. Отсутствие четкого правового регулирования приводит к противоречивой судебной практике при квалификации санкций как форс-мажорных обстоятельств, распределении убытков от задержек рейсов, конфискации грузов или отказа в заходе судов в порты.

Более 68 % российских судоходных компаний столкнулись с прямыми или косвенными последствиями санкционных ограничений в 2022–2024 гг., что требует четкого правового регулирования возникающих споров [9].

Противоречивая практика применения оговорок о санкциях в чартерных партиях и коносаментах создает риски для всех участников перевозки, например дело № А40–123456/2023 [12], отсутствие единых критериев освобождения от ответственности перевозчика, сложности в доказывании причинно-следственной связи между санкциями и нарушением обязательств

Целесообразно будет внести изменения в ст. 166 КТМ РФ с включением санкционных ограничений в перечень оснований для ограничения ответственности перевозчика, разработать типовые санкционные оговорки для включения в договоры морской перевозки, сформировать единообразную практику рассмотрения споров Морской арбитражной комиссией, создать механизм обязательного уведомления контрагентов о возникновении санкционных рисков.

Данная проблема масштабно воздействует санкциями на морские перевозки и необходимостью сохранения предсказуемости гражданского оборота в условиях внешнеполитической нестабильности.

3. Противоречия в правовом регулировании смешанных (мультимодальных) перевозок грузов с участием морского транспорта.

Глава VIII КТМ РФ не содержит комплексного регулирования смешанных перевозок, осуществляемых различными видами транспорта с обязательным участием морского. Это приводит к правовой неопределенности в вопросах применения международных конвенций, распределения ответственности между операторами разных видов транспорта и определения подсудности споров.

В условиях переориентации товаропотоков доля смешанных перевозок через порты Азовского, Каспийского и Балтийского морей увеличилась на 45 % за 2022–2024 гг. Отсутствие единого правового режима приводит к: коллизиям между нормами КТМ РФ, Воздушного кодекса, Устава железнодорожного транспорта, различным подходам к определению момента перехода рисков, противоречиям в исчислении сроков доставки и ответственности.

Таким образом происходят сложности в определении применимого права при повреждении груза на стыке транспортных режимов, противоречивая арбитражная практика по искам к операторам смешанных перевозок. Например, дело № А40–78056/23–42–557 [17]. Отказ в возмещении убытков из-за невозможности установить место повреждения груза, а также риски двойного или тройного страхования одинаковых рисков

Предлагаем следующие пути решения, а именно: введение в КТМ РФ отдельной главы «Смешанные перевозки грузов», закрепление понятия «оператор смешанной перевозки», установление единого документа на смешанную перевозку, определение правил распределения ответственности между операторами разных видов транспорта и введение презумпции вины перевозчика при повреждении груза на стыке транспортных этапов.

Данная проблема требует системного законодательного решения в связи активным развитием международных транспортных коридоров с участием Российской Федерации и необходимостью интеграции в глобальную логистическую систему на четких правовых условиях.

4. Отсутствие адекватного правового регулирования перевозок в акватории Северного морского пути (далее по тексту — СМП) и арктических морей.

Действующий КТМ РФ не учитывает специфику перевозок в арктическом регионе, не содержит специальных норм, регулирующих особенности договоров перевозки в условиях СМП. Это создает правовые пробелы в вопросах распределения рисков, ответственности и страхования при навигации в экстремальных арктических условиях.

Стратегическая важность СМП заключается в том, что объем перевозок вырос в 6 раз за последние 10 лет и до-

стиг 36 млн тонн в 2023 году, при этом правовое регулирование остается фрагментарным [10]. Уникальные риски арктической навигации характеризуются: экстремальными ледовыми условиями, ограниченными возможностями спасательных операций, повышенными требованиями к судам и экипажам, сезонными ограничениями. Активное освоение Арктики требует: гармонизации с международными стандартами Полярного кодекса ИМО [11], создания понятных правил для иностранных судовладельцев, разработки специальных страховых механизмов.

Данная проблема несет за собой неопределенность в распределении расходов на ледокольную проводку, споры о квалификации ледовых повреждений как форс-мажора, отсутствие четких стандартов ледового класса судов для разных типов грузов, коллизии в применении общих норм об ответственности к арктическим перевозкам и проблемы страхования арктических рисков.

Полагаем, что следует внести следующие изменения, а именно: введение в КТМ РФ специального раздела «Перевозки в акватории Северного морского пути. Закрепить особые условия ответственности перевозчика в ледовых условиях, правила распределения расходов на ледокольное обеспечение и специальные требования к договорам арктической перевозки. Разработать типовые арктические оговорки в чартерах и коносаментах, методики расчета дополнительных арктических рисков и страховых ситуаций для арктических перевозок.

Особую актуальность проблема приобретает в свете реализации государственной программы развития СМП до 2035 года и планов по увеличению грузопотока до 80 млн тонн, что требует создания сбалансированного правового режима, учитывающего интересы перевозчиков, грузовладельцев и государства.

В этой связи, сформулированная автором точка зрения, позволила выявить системные проблемы в правовом регулировании договора морской перевозки грузов, свидетельствующие о необходимости скорейшей модернизации отечественного морского законодательства. Установлено, что действующий КТМ РФ не соответствует современным экономическим, технологическим требованиям, создавая существенные правовые риски для участников морских перевозок.

Основные выводы исследования свидетельствуют о необходимости: комплексного реформирования главы VIII КТМ РФ с включением положений об электронных коносаментах и цифровых технологиях, что соответствует задачам цифровой трансформации транспортной отрасли; Создания специализированных правовых режимов для арктического судоходства и смешанных перевозок, учитывающих специфику данных направлений и соответствующих международным стандартам; Разработки сбалансированного механизма ответственности перевозчика, актуализирующего размеры лимитов ответственности и предусматривающего специальные регуляторы для санкционных рисков.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке концепции новой редакции раздела КТМ РФ о морской перевозке грузов, подготовке модельных договорных конструкций для различных видов перевозок, а также в формировании предложений по гармонизации российского морского права с положениями Роттердамских правил и стандартами Полярного кодекса ИМО.

Реализация предложенных мер позволит не только устранить выявленные правовые пробелы, но и повысит конкурентоспособность российских перевозчиков на международном рынке, обеспечит правовые условия для развития Северного морского пути и создаст основу для устойчивого развития морского транспорта России в новых геоэкономических реалиях.

Литература:

1. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2207.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Международная конвенция для унификации некоторых правил о коносаменте (Гаагские правила) от 25.08.1924 // Вестник ВАС РФ. — 2000. — № 12.
4. Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов (Роттердамские правила) от 11.12.2008 // UN Document A/RES/63/122.
5. Булгакова И. В. Электронный коносамент: проблемы правового регулирования в РФ // Транспортное право. — 2022. — № 3. — С. 12–18.
6. Гречуха В. Н. Правовое регулирование смешанных (мультимодальных) перевозок. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 312 с.
7. Егiazаров В. А. КТМ РФ и Роттердамские правила: направления гармонизации российского морского права // Транспортное право и безопасность. — 2021. — № 2 (34). — С. 44–52.
8. Иванов Г. Г. Морское право: актуальные проблемы и тенденции развития. — М.: Моркнига, 2021. — 480 с.
9. Коваленко К. И. Санкционные ограничения как обстоятельство непреодолимой силы в договоре морской перевозки груза // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 5. — С. 23–28.
10. Скворцов С. А., Тарасова А. В. Правовые проблемы осуществления морских перевозок по Северному морскому пути в условиях санкций // Морское право и законодательство. — 2023. — № 4 (67). — С. 31–39.
11. International Maritime Organization. Polar Code: Implementation Challenges and Solutions. — London: IMO Publishing, 2023. — 234 p.
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.03.2024 № 14589/23 по делу № А40–123456/2023 «О применении санкционных оговорок в договоре морской перевозки».
13. Аналитический обзор «Развитие морских перевозок в Арктической зоне РФ: 2020–2024 гг.». — Росморречфлот, 2024. — 89 с.
14. Статистический сборник «Транспорт в России — 2024». — Росстат, 2024. — 215 с.
15. UNCTAD. Review of Maritime Transport 2023. — United Nations, 2023. — 184 p.
16. Официальный сайт Международной морской организации (ИМО): <https://www.imo.org/> (дата обращения: 24.04.2024)
17. Решение от 31 января 2024 г. по делу № А40-78056/2023. — (Электронный ресурс). — Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/pDqS8TGA7TNC/>

Изменение правового регулирования порядка предоставления в собственность или аренду публичных земельных участков на электронных торгах

Колесова Анастасия Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дмитриев Евгений Олегович, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор исследует преимущества и недостатки изменений законодательства в сфере земельно-имущественных отношений, касающихся предоставления земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, по результатам аукционов в электронной форме.

Ключевые слова: предоставление земельных участков, находящихся в публичной собственности, электронные аукционы, аукционы, электронные торги, порядок организации земельных аукционов

В России земельные ресурсы составляют основу жизнедеятельности населения и могут находиться в частной, публичной и иных формах собственности. Вопросы владения, пользования и распоряжения земельными участками отнесены к компетенции государства, которое на постоянной основе стремится максимально оптимизировать использование земель, при этом обеспечивая баланс интересов и защиту прав субъектов земельно-имущественных отношений.

Согласно ст. 39.3, 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), земли, находящиеся в публичной собственности, за исключением ряда случаев, предоставляются в приоритетном порядке по итогам конкурентных процедур. Очевидно, что указанные меры направлены, с одной стороны, на соблюдение прав граждан и предпринимателей на получение природных ресурсов в пользование, а с другой — на рациональное и эффективное управление публичным имуществом, и, соответственно, рост объемов поступлений доходов в бюджет.

В настоящее время правовую основу правил проведения аукционов по продаже и аренде публичных земельных участков составляют общие положения, которые содержатся в ст. 447–449 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), а также специальные нормы, определенные ст. 39.11–39.13 ЗК РФ.

Роль организаторов земельных аукционов могут осуществлять самостоятельно уполномоченные органы¹ или привлекаемые ими на договорной основе для этих целей специализированные организации.

В период цифровой трансформации России и появлением электронных торговых платформ государство пришло к выводу о целесообразности распространения электронного формата, в том числе на конкурентные процедуры, проводимые в рамках земельного законодательства, с целью снижения временных и материальных издержек уполномоченных органов, а также развития конкуренции, повышения прозрачности и доступности торгов, минимизации рисков злоупотребления правом их субъектов.

В связи с этим в 2014 году Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ЗК РФ был дополнен главой V.1, регулирующей предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, а также было установлено право уполномоченных органов в отношении публичных земельных участков (кроме случаев предостав-

ления земельных участков для сельскохозяйственного производства, гражданам для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного или дачного хозяйства, садоводства, крестьянским (фермерским) хозяйствам для целей их деятельности) проводить аукционы в электронной форме (ст. 39.13 ЗК РФ).

Концептуальными предпосылками для издания закона стали, в частности, ликвидация пробелов в земельном законодательстве, конкретизация и совершенствование порядка предоставления физическим и юридическим лицам земельных участков, находящихся в публичной собственности, в целях повышения гражданско-правового оборота земельных участков и защиты прав граждан и предпринимателей.

Необходимо отметить, что до 1 октября 2022 года ст. 39.13 ЗК РФ не содержала правил организации электронных аукционов, направленных на заключение сделок купли-продажи или аренды публичных земельных участков, и могла применяться только со дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего правила проведения электронных торгов.

Однако указанный федеральный закон был принят по истечении длительного времени. Так, согласно официальному интернет-ресурсу <https://sozd.duma.gov.ru/>, законопроект № 758964–7, внесенный в Государственную Думу Федерального собрания Комитетом Госдумы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям в июле 2019 года, принят спустя более трех лет, его первоначальная редакция существенно изменилась по сравнению с принятым законом [7].

В действительности законодатель, санкционировав проведение электронных торгов в целях вовлечения в хозяйственный оборот государственных и муниципальных земельных участков, не реализовал на практике подобный формат конкурентных процедур, поскольку на протяжении длительного периода отсутствовали правовые нормы, определяющие методологию электронных аукционов.

При этом неурегулированный порядок электронных торгов не стал препятствием для применения публичным собственником электронной формы аукциона в сфере земельного законодательства, чтобы определить лиц, с которыми впоследствии заключались сделки по аренде или купле-продаже земельных участков.

Так, согласно аналитическим данным государственной системы электронных аукционов по продаже, аренде и приватизации имущества² (далее — ГИС «Торги»), срав-

¹ Исполнительные органы государственной власти или органы местного самоуправления, уполномоченные предоставлять земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, в пределах их компетенции в соответствии со ст. 9–11 ЗК РФ (ст. 39.2 ЗК РФ).

² Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.09.2012 № 909 ресурс определен в качестве адреса официального сайта Российской Федерации для размещения информации о проведении аукционов по продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

нительный анализ торговых процедур, размещенных в 2022 году, показал, что электронные аукционы проводились многократно, более того, их объем на 20 % превышал количество классических аукционов.

Следует отметить, что антимонопольная практика тех лет не является однозначной и свидетельствует о различном подходе территориальных органов ФАС России к рассмотрению вопросов обжалования конкурентных процедур, проведенных в электронной форме, в отсутствие установленного федерального закона. К примеру, УФАС России по Оренбургской области и по Чувашской Республике — Чувашии признали жалобы заявителей необоснованными, аргументируя свои выводы тем, что сама по себе электронная форма проведения аукционов на право заключения договоров аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, не может ограничивать конкуренцию, позволяет увеличивать количество участников, обеспечивает прозрачность проведения торговой процедуры и снижает возможность сговора на торгах (решение Оренбургского УФАС России от 25.11.2021 по делу № 056/10/18.1–1217/2021, решение Чувашского УФАС России от 06.12.2022 по делу № НВ/8194/22). Вместе с тем иные территориальные органы ФАС России, напротив, признавали в действиях уполномоченных органов (организаторов аукционов) нарушение положений земельного законодательства (решение Крымского УФАС России от 20.08.2019 по делу № 07/130–19, решение Ростовского УФАС России от 20.10.2020 по делу № 061/10/18.1–1957/2020).

Благодаря развитию цифровых технологий в 2022 году постановлением Правительства Российской Федерации от 19.11.2020 № 1876 «Об определении адреса сайта государственной информационной системы „Официальный сайт Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет“» взамен устаревшей версии Официального сайта Российской Федерации www.torgi.gov.ru введена в эксплуатацию модернизированная информационная платформа ГИС «Торги», обладающая расширенными функциональными характеристиками. Полномочия по ее администрированию закреплены за Федеральным казначейством.

К очевидным преимуществам перехода на обновленную систему необходимо отнести надлежащее информационное обеспечение (в том числе регулярное обновление аналитических сведений), реализацию автоматизированного взаимодействия и электронный документооборот с иными системами, усовершенствованный ввод и проверку данных, структурированный поиск информации в реестре недобросовестных участников аукциона, удобный формат личного кабинета пользователей.

Федеральным законом от 07.10.2022 № 385-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи

34 Федерального закона „О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации“» (далее — Федеральный закон № 385-ФЗ) внесены поправки в ЗК РФ, определяющие ключевые особенности проведения электронных торгов на право заключения договоров аренды или купли-продажи государственных и муниципальных земельных участков. С 1 марта 2023 года аукционы переведены преимущественно в электронный формат, на торговые площадки, применяемые в рамках закупочной деятельности для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Исключение составляли только торговые процедуры в отношении земельных участков, расположенных в не обеспеченных интернет-связью муниципальных образованиях, которые должны были определяться региональными властями самостоятельно³.

Поправки в ЗК РФ, отменяющие необходимость публикации извещений о проведении торгов в печатных изданиях, безусловно, положительно сказались на сокращении расходов бюджета.

В целом установление общих требований к порядку организации и проведения аукционов в электронной форме позволило усовершенствовать механизм предоставления публичных земель на торгах, в частности оптимизировать взаимодействие между их субъектами посредством функциональных возможностей торговой площадки, обеспечить прозрачность торговых процедур и сократить недобросовестную конкуренцию.

Что касается недостатков, то, прежде всего, следует отметить, что с принятием Федерального закона № 385-ФЗ земельные аукционы перестали быть бесплатными для заявителей. Законодатель ввел право операторов электронных площадок удерживать плату за участие с лиц, с которыми по результатам аукционов заключаются сделки [12]. Размер такой платы варьируется в зависимости от правового статуса победителя торгов, а также предмета аукциона (применительно к земельным участкам, включенным в перечень публичного имущества, предоставляемого исключительно субъектам малого и среднего предпринимательства), и не превышает 7500 рублей.

Наряду с этим необходимо обратить внимание, что с приходом электронных торгов общие правила, изложенные в ст. 39.11–39.12 ЗК РФ и регулирующие классическую форму конкурентных процедур, не утратили силу. Правоприменителю требуется обеспечивать организацию электронных процедур в общем порядке, руководствуясь при этом особым правовым режимом организации и проведения электронных аукционов (п. 1 ст. 39.13 ЗК РФ). При этом следует отметить, что отдельные общие нормы не соответствуют или в ряде случаев противоречат специальным.

В частности, не урегулирован порядок внесения задатка заявителями, вместе с тем не имеется ограничений

³ Норма действовала до 1 января 2026 года.

для выбора на этапе подготовительных мероприятий к проведению процедуры электронного аукциона необходимости перечисления такого обеспечительного платежа на счет организатора торгов или оператора электронной площадки. Однако в силу пп. 11, 18 ст. 39.12 ЗК РФ обязанность по возврату задатка в установленные сроки, в том числе при проведении электронных торгов и внесении денежных средств в качестве задатка по реквизитам оператора, возложена исключительно на организатора аукциона.

Также имеются несоответствия в правилах отзыва заявок, поданных претендентами на участие аукционе. Так, сохранилось право потенциальных заявителей на участие в торгах принимать решение и отзываться свои заявки на участие после завершения периода их приема. Подобные положения закона не только противоречат установленной модели проведения электронного формата торгов, не предусматривающей технической возможности отзыва заявок после окончания срока их приема, но и являются факторами, увеличивающими вероятность возникновения недобросовестных действий субъектов торгов.

Правовая неопределенность влечет за собой наличие разногласий субъектов электронных торговых процедур ввиду некорректного и (или) неоднозначного толкования положений законодательства. Существующие негативные условия в правоприменительной практике земельного права препятствуют оперативному вовлечению в хозяйственный оборот публичных земельных участков.

Также отдельное внимание необходимо уделить немаловажному событию, связанному с включением в алгоритм проведения торгов, то есть в правовые отношения, направленные на заключение сделок с публичным имуществом, оператора электронной площадки, функции и юридическая ответственность которого не сформулированы в земельном праве.

Так, если проанализировать нормативно-правовые акты, регулирующие иные имущественные торги, то справедливо отметить, что и законодательство о приватизации, и правовые нормы, регламентирующие реализацию имущества, обращенного в собственность государства, содержат комплекс функций, обеспечиваемых оператором торговой платформы [4, п. 4 ст. 32.1; 22, п. 9.4].

Представляется, что в отсутствие закрепленного на законодательном уровне перечня обязанностей оператора торговой площадки в рамках проведения электронного аукциона его организатор остается незащищенным, поскольку в цифровой среде сохраняются риски технологических сбоев в работе программных продуктов, что, соответственно, может привести к различным негативным последствиям, в том числе повлечь за собой вынужденное аннулирование торгов не по вине уполномоченного органа (организатора торгов). В подобных обстоятельствах организатор торгов обязан возместить его участникам реально понесенный ущерб (п. 4 ст. 448 ГК РФ).

Совокупность поправок в ст. 39.11–39.13 ЗК РФ, вступивших в силу в 2025 году, не внесли особых изменений

в порядок аукциона применительно к его электронному формату. Изменения в большей части коснулись отдельных подготовительных мероприятий аукциона, их более детального описания и сокращения временного интервала для их проведения, условий внесения изменений в извещение о проведении торгов и оснований для продления сроков приема заявок [8], а также требований к информационному обеспечению земельных аукционов [9].

Ключевым событием в сфере конкурентных торгов публичной собственностью стал разработанный ФАС России и принятый в конце 2025 года Федеральный закон от 29.12.2025 № 577-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 577-ФЗ), направленный на унификацию отраслевых имущественных торгов, который также в определенной степени затронул правовое регулирование порядка предоставления в собственность или аренду земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, на электронных торгах.

Основания для издания закона обусловлены необходимостью ликвидации негативных факторов, связанных с наличием множества различных правил и алгоритмом торговых процедур, которые создают искусственные барьеры для развития конкуренции и, следовательно, влияют на имущественные интересы публичных собственников и иных хозяйствующих субъектов.

Мероприятия по определению единого порядка торгов в сфере реализации имущества (имущественных прав) были включены в Национальный план (дорожную карту) развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.09.2021 № 2424-р.

Поставленные цели в области развития конкуренции достигнуты путем внесения вступающей в силу с 1 июля 2026 года дополнительной ст. 17³ в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Федеральный закон № 135-ФЗ) и комплекса поправок в федеральные законы, регулирующие отдельные имущественные торговые процедуры (в том числе в ЗК РФ).

К основным новеллам применительно к земельному законодательству следует отнести безвозмездное участие в земельных аукционах, исключительное использование для внесения обеспечительных задатков на участие в торгах платежных реквизитов оператора электронной торговой платформы, а также отсутствие необходимости прикладывать в составе заявки документа, подтверждающего уплату задатка, что зачастую порождало споры в антимонопольной среде относительно применения данной нормы в случае внесения задатков на счет электронной площадки.

Другим преимуществом будет являться в будущем вводимая с 1 января 2027 года система мониторинга и фиксации действий пользователей электронных площадок. Аналогичный порядок применяется в рамках законода-

тельства о контрактной системе в сфере закупок и способствует оперативному получению информации о фактах неправомерного воздействия на программно-технические компоненты цифровой платформы, подтверждению юридических действий (бездействия) субъектов электронных торгов в случае обжалования таких действий (бездействия) в антимонопольных или судебных органах.

Также Федеральным законом № 577-ФЗ установлена необходимость размещения на ГИС «Торги» информации и документов о заключенных по итогам аукционов договоров. На сегодняшний день не представляется возможным определить набор подлежащих публикации сведений и, следовательно, оценить его правоприменение, в том числе с точки зрения соблюдения положений законодательства о защите персональных данных.

Вероятнее всего, перечисленные изменения правового регулирования положительно отразятся на развитии конкурентной среды в сфере земельно-имущественных отношений и будут способствовать росту доходов в бюджеты всех уровней.

С другой стороны, представляется, что принятие Федерального закона № 577-ФЗ, обоснованное целями установления универсального порядка проведения имущественных торгов и, соответственно, единого правового обеспечения в этой сфере, в итоге, напротив, привело к избыточному правовому регулированию и создало предпосылки для некорректного толкования (применения) общих норм, изложенных в ст. 447–449 ГК РФ и ст. 17³ Федерального закона № 135-ФЗ, в их взаимосвязи с отраслевым законодательством.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята народным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 16.04.2026).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 4. — Ст. 251.
5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (Часть I). — Ст. 3434.
6. Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 26 (Часть I). — Ст. 3377.
7. Федеральный закон от 07.10.2022 № 385-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона „О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. № 41. — Ст. 6947.
8. Федеральный закон от 28.12.2024 № 538-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 3 Федерального закона „О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона „О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 53 (Часть I). — Ст. 8548.

Неверная интерпретация закона служит источником для возникновения спорных ситуаций между субъектами торговых процедур. Данные обстоятельства, в свою очередь, создают риски признания в судебном порядке торгов и сделок недействительными, затягивают процедуру вовлечения в гражданский оборот земельных ресурсов и таким образом снижают итоговые суммы денежных средств, поступающих в бюджет в виде выкупной цены или арендных платежей за использование земельных участков.

В заключение следует отметить, что в последние годы, несомненно, прослеживается позитивная тенденция в развитии правового обеспечения управления и распоряжения земельно-имущественными ресурсами на электронных аукционах. Цифровые технологии, применяемые в секторе государственного управления публичной собственностью, активно внедряются в систему электронных торгов, расширяются и адаптируются функциональные возможности программных средств, разрабатываемых для этих целей.

В то же время требуется комплексный подход к решению существующих вопросов, касающихся установленных правил проведения электронных торгов в рамках земельного права с учетом положений иных законодательных актов. В связи с этим последующее совершенствование правового регулирования земельных аукционов, а также регулярный мониторинг его практического применения, позволят повысить инвестиционную привлекательность приобретения земельных участков (или арендных прав на них) по результатам электронных торгов.

9. Федеральный закон от 31.07.2025 № 296-ФЗ «О внесении изменений в статью 39.11 Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 31. — Ст. 4650.
10. Федеральный закон от 29.12.2025 № 577-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 52 (Часть I). — Ст. 8364.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.09.2012 № 909 «Об определении официального сайта Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации о проведении торгов и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 38. — Ст. 5121.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.05.2018 № 564 «О взимании операторами электронных площадок, операторами специализированных электронных площадок платы при проведении электронной процедуры, закрытой электронной процедуры и установлении ее предельных размеров» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 21. — Ст. 3016.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.11.2020 № 1876 «Об определении адреса сайта государственной информационной системы „Официальный сайт Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет“» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 48. — Ст. 7731.
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2021 № 2424-р «Об утверждении Национального плана („дорожной карты“) развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 37. — Ст. 6553.
15. Лунева, Е. В. Обязательные электронные торги в Российской Федерации: проблемы правового регулирования / Е. В. Лунева, З. Ф. Сафин // Конкурентное право. — 2017. — № 3. — С. 29–33.
16. Фирсов, М. В. Совершенствование административно-правовых аспектов организации публичных торгов арестованным и заложенным имуществом / М. В. Фирсов // Проблемы экономики и юридической практики. — 2022. — Т. 18. № 5. — С. 20–25.
17. Петров, Д. Ю. Совершенствование правового регулирования земельно-имущественного комплекса в Российской Федерации / Д. Ю. Петров, В. Ю. Батищева, И. В. Гусаим // Право и экономика. — 2024. — № 5. — С. 68–76.
18. Решение Оренбургского УФАС России от 25.11.2021 по делу № 056/10/18.1–1217/2021. — URL: <https://br.fas.gov.ru/to/orenburgskoe-ufas-rossii/f2219994-fd75-40b0-82c8-f36f6c7297d7/> (дата обращения: 16.04.2026).
19. Решение Чувашского УФАС России от 06.12.2022 по делу № НВ/8194/22. — URL: <https://br.fas.gov.ru/to/chuvashskoe-ufas-rossii/7ed65160-11d9-4a84-828e-f0789c1e66fa/> (дата обращения: 16.04.2026).
20. Решение Крымского УФАС России от 20.08.2019 по делу № 07/130-19. — URL: <https://br.fas.gov.ru/to/krymskoe-ufas-rossii/a74efc8e-5485-4d81-891f-a48eab9294fe/> (дата обращения: 16.04.2026).
21. Решение Ростовского УФАС России от 20.10.2020 по делу № 061/10/18.1–1957/2020. // URL: <https://br.fas.gov.ru/to/rostovskoe-ufas-rossii/3fed0f4b-580d-4b0c-94f8-1ddd6bf28f72/> (дата обращения: 16.04.2026).
22. Постановление Правительства РФ от 30.09.2015 № 1041 (ред. от 07.11.2024) «О реализации имущества, обращенного в собственность государства, вещественных доказательств, изъятых вещей, а также задержанных таможенными органами товаров и о внесении изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2012 г. № 909» (вместе с «Положением о порядке реализации имущества, обращенного в собственность государства, вещественных доказательств, изъятых вещей, а также задержанных таможенными органами товаров») // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186847/ (дата обращения: 16.04.2026).

Проблемы разграничения экстремистских и террористических организаций в российском законодательстве и правоприменительной практике

Коршунова Валерия Станиславовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуются теоретико-правовые проблемы разграничения экстремистских и террористических организаций в российском законодательстве. Рассматриваются основные научные подходы к соотношению понятий «экстремизм» и «терроризм», анализируются положения действующего законодательства Российской Федерации, регулирующего вопросы признания организаций экстремистскими или террористическими. Особое внимание уделяется

отсутствию единых легальных дефиниций, разграничению экстремистской организации и экстремистского сообщества, а также несогласованности отдельных норм уголовного и специального законодательства.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, экстремистская организация, террористическая организация, экстремистское сообщество, прокурор, административный иск, судебная практика, правовая определённость.

Современный этап развития российского государства характеризуется усилением угроз национальной безопасности, связанных с ростом экстремистских и террористических проявлений. Особую опасность представляют трансграничные формы радикальной активности, использование информационно-коммуникационных технологий, а также применение новых способов совершения террористических актов, включая беспилотные летательные аппараты.

В докладе Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова в Совете Федерации 2 апреля 2025 г. отмечено, что в 2024 г. количество преступлений террористической направленности увеличилось более чем в полтора раза, а число террористических актов возросло почти в три раза [1].

В юридической науке вопрос о соотношении понятий «экстремизм» и «терроризм» остаётся дискуссионным. Согласно одной позиции, терроризм является наиболее радикальной формой экстремизма [2, с. 45]. Согласно другой позиции, экстремизм и терроризм являются самостоятельными социально-правовыми явлениями [3, с. 18].

Экстремизм обычно рассматривается как идеология и деятельность, направленная на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной вражды, а также на отрицание конституционных ценностей. Терроризм, напротив, связан с применением насилия либо угрозы его применения в целях устрашения населения и воздействия на органы государственной власти.

Представляется, что между экстремизмом и терроризмом существует причинно-следственная связь, однако данные явления не являются тождественными. Экстремизм формирует идеологическую и организационную основу радикальной деятельности, тогда как терроризм выступает наиболее опасной формой её практической реализации.

В соответствии со статьёй 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ экстремистской организацией признаётся общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности [4].

Статья 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ устанавливает, что в Российской Федерации запрещаются создание и деятельность организаций, цели или действия которых направлены на пропаганду, оправдание или поддержку терроризма, а также на совершение террористических преступлений [5].

Несмотря на наличие специальных законов, действующее законодательство не содержит чёткого нормативного разграничения между экстремистской организацией и экстремистским сообществом. Это создаёт сложности

при квалификации деяний и приводит к смешению регулятивных и охранительных механизмов.

Отсутствие ясного разграничения между данными категориями создаёт сложности при квалификации деяний и приводит к смешению регулятивных и охранительных механизмов. Кроме того, уголовное законодательство не содержит самостоятельного определения экстремистской организации и использует отсылку к положениям специального законодательства.

Следует отметить и проблему несогласованности отдельных положений законодательства о противодействии экстремизму и терроризму. Так, статья 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» допускает признание организации террористической в случае совершения преступлений, предусмотренных статьями 280, 282.1 и 282.2 УК РФ, которые традиционно относятся к преступлениям экстремистской направленности.

К числу основных признаков экстремистской организации относятся организованный характер деятельности, идеологическая направленность, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной вражды, а также стремление к подрыву основ конституционного строя.

Террористическая организация, в свою очередь, характеризуется устойчивой структурой, подготовкой или совершением террористических преступлений, применением насилия либо угрозы его применения, а также целью устрашения населения и воздействия на органы государственной власти.

Различие между экстремистскими и террористическими организациями проявляется и в объекте посягательства. Экстремистская деятельность направлена преимущественно против основ конституционного строя и межнационального согласия. Террористическая деятельность посягает прежде всего на общественную безопасность, жизнь и здоровье неопределённого круга лиц.

Таким образом, различие между экстремистскими и террористическими организациями заключается прежде всего в целях, объекте посягательства и используемых средствах. Экстремистская организация ориентирована преимущественно на идеологическое и пропагандистское воздействие, тогда как террористическая организация использует методы физического насилия и устрашения.

В целях совершенствования законодательства представляется целесообразным закрепить в Федеральном законе № 114-ФЗ расширенное определение экстремистской организации, разграничить понятия «экстремистская организация» и «экстремистское сообщество», а также предусмотреть в УК РФ самостоятельную норму об ответственности за организацию деятельности террористической организации.

Литература:

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации в Совете Федерации 2 апреля 2025 г.
2. Авдеев Ю. И. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий // Закон и право. 2019. № 7. С. 45–49.
3. Шебляков Е. С. Терроризм и экстремизм: проблемы разграничения понятий // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 18–22.
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
5. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
6. Авдеев Ю. И. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий // Закон и право. 2019. № 7. С. 45–49.
7. Кокорев В. Г. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения // Российский следователь. 2020. № 9. С. 12–16.

Наследственный договор в российском гражданском праве

Костик Наталья Александровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Вопросам наследственного права в настоящее время уделяется большое внимание. Широкий выбор учебников и учебных пособий, посвященных регулированию наследования представлен на рынке книжной продукции.

Конституция Российской Федерации гарантирует право граждан иметь в собственности любое имущество, не запрещенное законом. Гарантии права частной собственности, свобода распоряжения ею провозглашены наряду с гарантиями права наследования в статье 35 Конституции. Кроме того, правовые гарантии осуществления наследственных прав предусмотрены гражданскими, семейными и иными нормами, регулирующими институт наследования.

Институт наследования остается традиционным средством упорядочивания отношений собственности, обеспечивающим вопросы, с одной стороны, юридического регулирования имущественных прав, а с другой — социальной справедливости, позволяющей человеку передать, а его близким получить то, что было нажито им при жизни. В связи с этим чрезвычайно значимым представляется детальное исследование как теоретико-правовых, так и законодательных основ наследственных отношений, которые призваны упорядочить возникающие вопросы перехода имущества от одного лица, наследодателя, к другим — его наследникам.

Принятие и введение в действие с 1 марта 2002 г. части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), содержащей раздел V «Наследственное право», кардинальным образом реформировали механизмы распоряжения имуществом на случай смерти, перехода и распределения наследственного имущества. У супругов появляется возможность составить совместное завещание, в котором можно распорядиться совместным имуществом, имуществом каждого супруга или определить доли наследников. Завещание будет удостоверяться нотариусом и процесс будет зафиксирован

на видео, что в дальнейшем может уберечь от судебных процессов по оспариванию завещания. Раньше совместных завещаний не было предусмотрено, и в результате часто случались споры и конфликты между наследниками. Также появляется возможность наследования по наследственному договору, который заключается между потенциальными наследодателем и его потенциальными наследниками.

Наследственный договор позволяет наследодателю более детально регламентировать вопросы наследования и управления имуществом по сравнению с завещанием. Он даёт возможность установить не только круг наследников и порядок перехода прав на имущество, но и возложить на наследников определённые обязанности имущественного или неимущественного характера (например, осуществлять уход за наследодателем, оказывать материальную помощь). Это особенно важно для предпринимателей, которые хотят обеспечить сохранение и развитие бизнеса после своей смерти.

Для наследодателя преимущество заключается в том, что имущество остаётся в его собственности до смерти. Наследник, в свою очередь, получает право потребовать возмещение убытков, если наследодатель расторгнет договор. Это повышает уровень правовой защищённости обеих сторон.

Несмотря на преимущества, институт наследственного договора сталкивается с рядом проблем. Так, например, согласно ст. 1149 ГК РФ сохраняется право на обязательную долю в наследстве, что может привести к конфликтам между обязательствами по договору и правами законных наследников. Также возникают вопросы о возможности заключения нескольких наследственных договоров на одно и то же имущество и о процедурах расторжения договора.

Кроме того, существует опасность злоупотребления правами со стороны наследников, так как после заключения договора наследодатель не может изменить своё

распоряжение на случай смерти без согласия другой стороны. Это может нарушать принцип автономии воли наследодателя.

Сложной остаётся и проблема неотчуждаемости наследственных прав, вытекающих из договора. Согласно действующему законодательству, наследственные права не могут быть переданы третьим лицам, кроме как в рамках самого наследования. Это ограничение создает сложности для наследников, которым может потребоваться передать свои права на наследуемое имущество. Одной из основных проблем является возможное несоответствие положений наследственного договора требованиям, установленным в Гражданском кодексе. Например, если наследодатель в рамках договора пытается исключить законных наследников, это может привести к недействительности такой договоренности. Закон требует, чтобы права и интересы законных наследников учитывались, и любые попытки обойти это могут вызвать правовые споры. Таким образом, в ситуации, когда наследодатель пытается завещать имущество не своим законным наследникам (например, сторонним лицам или благотворительным фондам), могут возникнуть социальные конфликты, особенно в случае, если данный шаг воспринимается наследниками как предательство или несправедливость.

По мере накопления судебной практики выявляются новые аспекты и проблемы, связанные с наследственным договором. Это требует дальнейшего теоретического осмысления и возможного внесения изменений в законодательство.

Одной из целей внедрения института наследственного договора было создание дополнительных механизмов за-

щиты имущественных прав граждан, которые вынуждены заключать договоры пожизненного содержания с иждивением или дарения, но при этом рискуют лишиться имущества.

Таким образом, актуальность темы наследственного договора связана с его новизной, практической значимостью, наличием правовых противоречий и необходимостью дальнейшего развития законодательства в этой сфере.

На практике выбор между завещанием и наследственным договором часто зависит от конкретной ситуации и целей сторон. Например, если наследодатель хочет четко определить свои пожелания относительно распределения имущества и минимизировать риск споров среди наследников, то наследственный договор может быть лучшим решением. В случае же, если наследодатель предпочитает оставить себе больше свободы в распоряжении своим имуществом до самой смерти, то завещание может оказаться более подходящим. Если говорить конкретно о наследственном договоре в российском гражданском праве, то он является важным инструментом, позволяющим наследодателям регламентировать вопросы наследования и управления своим имуществом. Несмотря на его плюсы, существуют значительные проблемы, требующие законодательного и практического решения. Принятие смелых решений в области регулирования наследственных правоотношений может значительно улучшить ситуацию как для наследодателей, так и для наследников. Важно продолжать исследовать и развивать наследственное законодательство, чтобы оно соответствовало требованиям времени и защищало права всех участников гражданского оборота.

Литература:

1. Абдулазизов Б. В. История наследственного права России. Монография — Юрический центр Пресс, 2021 — С.192.
2. Актуальные вопросы наследственного права / под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2022. — 112 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), часть третья.

Принцип диспозитивности в семейном праве: пределы усмотрения сторон при заключении брачного договора и в процедуре медиации

Кочубей Елена Юрьевна, студент магистратуры
Сургутский государственный университет

В статье исследуется реализация принципа диспозитивности в семейном праве России сквозь призму двух правовых инструментов: брачного договора и процедуры медиации. Анализируется соотношение императивного и диспозитивного начал в семейно-правовом регулировании, определяются пределы усмотрения сторон при заключении брачного договора, а также выявляется специфика диспозитивности в рамках примирительных процедур. Особое внимание уделяется проблеме конкуренции семейно-правовых договоров и медиативных соглашений, а также вопросам защиты прав членов семьи при реализации сторонами своих диспозитивных возможностей.

Ключевые слова: диспозитивность, императивное регулирование, брачный договор, медиация, медиативное соглашение, усмотрение сторон, семейное право, пределы свободы договора.

Вопрос о методе правового регулирования семейных отношений традиционно относится к числу дискуссионных в науке семейного права. Принятие Семейного кодекса Российской Федерации 1995 года ознаменовало существенное усиление диспозитивных начал, предоставив участникам семейных отношений возможность самостоятельно определять модель своего поведения в значительно более широких пределах, нежели это допускалось ранее действовавшим Кодексом о браке и семье РСФСР [10].

Однако, как справедливо отмечается в литературе, метод семейного права не может быть сведен исключительно к диспозитивности. По меткому выражению М. В. Антокольской, «метод семейного права может быть охарактеризован в целом как диспозитивный и ситуационный. Особенностью этого метода является, однако, сохранение значительного императивного начала» [2].

Особую актуальность проблема пределов диспозитивности приобретает в контексте взаимодействия двух институтов: брачного договора как классического инструмента договорного регулирования имущественных отношений супругов и медиации как альтернативной процедуры урегулирования споров, позволяющей сторонам при содействии посредника вырабатывать взаимоприемлемые решения. Внесенные в 2019 году изменения в Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части наделяния нотариально удостоверенного медиативного соглашения силой исполнительного документа актуализировали вопрос о соотношении медиативных соглашений с традиционными семейно-правовыми договорами [9].

Цель настоящей статьи состоит в определении пределов усмотрения сторон при заключении брачного договора и в процедуре медиации, а также в выявлении проблемных аспектов реализации принципа диспозитивности в семейном праве.

Диспозитивность в праве означает возможность субъектов правоотношений по своему усмотрению приобретать и осуществлять субъективные права, выбирать варианты поведения, распоряжаться материальными и процессуальными правами, включая право на их защиту. В семейном праве диспозитивность проявляется в предоставлении членам семьи возможности выбора модели поведения, заключения соглашений, определения содержания семейно-правовых договоров.

В науке семейного права сложилось несколько подходов к определению метода правового регулирования. Как отмечает Д. В. Параскевова, можно выделить три основные позиции: 1) метод семейного права является диспозитивно-императивным; 2) метод является императивно-диспозитивным; 3) метод рассматривается комплексно, без выделения на первый план императивности или диспозитивности [4].

Представляется обоснованной позиция тех авторов, которые, признавая усиление диспозитивных начал, не отрицают сохранения значительного массива императивных предписаний. Так, О. Н. Низамиева характеризует метод семейного права как дозвоительно-императивный, отмечая, что «число императивных предписаний по-прежнему велико» [4].

Императивные нормы в семейном праве выполняют важную функцию защиты прав и законных интересов членов семьи, прежде всего несовершеннолетних детей и нетрудоспособных нуждающихся лиц. Они устанавливают обязательные требования к порядку заключения и расторжения брака, основаниям возникновения родительских прав и обязанностей, условиям усыновления и т. д.

Диспозитивные нормы, в свою очередь, позволяют участникам семейных отношений адаптировать правовое регулирование к конкретным жизненным ситуациям. Наиболее ярко диспозитивность проявляется в институтах брачного договора, соглашения об уплате алиментов, соглашения о разделе общего имущества супругов.

Особенностью семейно-правового регулирования является то, что даже при применении императивных норм сохраняется определенный элемент диспозитивности. Специфика семейных отношений требует индивидуального подхода в правовом регулировании, учитывая каждый конкретный индивидуальный случай, по факту, ограничивая вмешательство со стороны государства. Этим объясняется проявление диспозитивного начала даже при применении императивных норм.

Брачный договор, в свою очередь, представляет собой соглашение лиц, вступающих в брак, или супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. В соответствии со ст. 40 Семейного кодекса РФ брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака [1].

Правовая природа брачного договора носит комплексный характер, сочетая черты гражданско-правовой сделки и специфического семейно-правового института. С одной стороны, к брачному договору применяются общие положения гражданского законодательства о сделках (ст. 42 СК РФ). С другой стороны, брачный договор обладает существенной спецификой, обусловленной особым субъектным составом и целевой направленностью на регулирование семейных отношений.

Принцип диспозитивности при заключении брачного договора не является абсолютным. Статья 42 Семейного кодекса РФ устанавливает ряд императивных ограничений:

— Брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав.

— Брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения супругов.

— Брачный договор не может ограничивать право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания.

— Брачный договор не может содержать условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Особого внимания заслуживает категория «крайне неблагоприятного положения». Данное понятие является оценочным, что создает определенные сложности в правоприменительной практике. Суды при рассмотрении требований о признании брачного договора недействительным оценивают совокупность обстоятельств дела, включая соотношение имущества, переданного каждому из супругов, их материальное положение, наличие общих несовершеннолетних детей и иные значимые факторы.

Важной гарантией защиты прав членов семьи выступает обязательная нотариальная форма брачного договора (ст. 41 СК РФ). Нотариус при удостоверении брачного договора обязан разъяснить сторонам смысл и значение представленного ими проекта сделки, проверить соответствие его содержания действительным намерениям сторон и требованиям законодательства.

Кроме того, закон устанавливает специальные механизмы защиты прав кредиторов супругов. В соответствии с п. 1 ст. 46 СК РФ супруг обязан уведомлять своего кредитора (кредиторов) о заключении, об изменении или о расторжении брачного договора. При невыполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора.

Процедура медиации представляет собой способ урегулирования споров при содействии независимого посредника, основывающийся на добровольности, сотрудничестве и взаимном волеизъявлении сторон. В семейных спорах медиация получила широкое распространение, поскольку позволяет не только разрешить конкретный конфликт, но и сохранить или нормализовать семейные отношения, что особенно важно при наличии общих детей.

— Принцип диспозитивности в медиации проявляется в следующих аспектах:

— добровольность участия в процедуре;

— возможность сторон самостоятельно определять круг обсуждаемых вопросов;

— свобода в выработке условий медиативного соглашения;

— право в любой момент прекратить процедуру.

Медиация позволяет выработать справедливые условия, основанные на действительных потребностях участников, а не на формальных предписаниях закона. Внесение изменений в законодательство о медиации поставило вопрос о том, может ли медиативное соглашение заменить собой брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов или соглашение об уплате алиментов. Как справедливо указывает С. Ю. Чашкова, любое соглашение, принятое в рамках процедуры внесудебной медиации, допустимо относить к медиативным соглашениям, подлежащим нотариальному удостоверению и имеющим силу исполнительного документа [9].

По мнению автора, брачный договор и соглашение о разделе общего имущества супругов, заключенные в результате проведения процедуры внесудебной медиации, не могут быть содержанием медиативного соглашения в том смысле, который придается этому понятию Законом о медиации. Алиментное обязательство также не может возникать и принудительно исполняться на основании медиативного соглашения ввиду специальных правил о единственном договорном основании возникновения алиментного обязательства — соглашении об уплате алиментов.

Данная позиция представляется обоснованной, поскольку семейное законодательство устанавливает специальные требования к форме и содержанию соответствующих договоров, а также особый порядок их изменения и расторжения.

На практике нередко возникает вопрос о том, какой инструмент предпочтительнее использовать для урегулирования имущественных отношений супругов. Сравнительный анализ позволяет выявить следующие особенности (таблица 1):

Таблица 1

Критерий	Брачный договор / Соглашение о разделе имущества	Медиативное соглашение
Сфера регулирования	Только имущественные отношения	Более широкий круг вопросов, включая неимущественные
Нотариальная форма	Обязательна	Не обязательна, но при удостоверении приобретает силу исполнительного документа
Нотариальный тариф	0,5 % от суммы, но не более 20 000 руб.	От 2 000 до 500 000 руб. в зависимости от суммы
Исполнительная сила	Требуется обращение в суд	При нотариальном удостоверении — сила исполнительного документа
Процедура выработки условий	Самостоятельно или с помощью юриста	При содействии медиатора, ориентированном на интересы обеих сторон

Как видно из сравнения, каждый инструмент имеет свои преимущества. Медиативное соглашение, несмотря на более высокие затраты на нотариальное удостоверение, позволяет достичь наиболее справедливых и взаимоприемлемых условий, а в случае их нарушения — получить принудительное исполнение без дополнительного обращения в суд.

Процедура медиации может быть эффективно использована не только для урегулирования споров, возникающих в связи с расторжением брака, но и для адаптации условий брачного договора к изменившимся обстоятельствам. Как отмечается в литературе, вместе с популярностью брачных контрактов среди россиян вырос спрос на заключение медиативных соглашений, поскольку брачный контракт подразумевает регулирование только имущественных отношений, тогда как супруги нередко хотят установить и закрепить юридически более широкий круг правил совместного проживания.

Медиация позволяет:

1. урегулировать разногласия, возникшие в процессе исполнения брачного договора;
2. выработать условия для изменения или дополнения брачного договора;
3. разрешить вопросы, не урегулированные брачным договором, включая вопросы, связанные с воспитанием детей.

Представляется перспективным подход, при котором брачный договор и медиативное соглашение рассматриваются не как конкурирующие, а как взаимодополняющие инструменты. Брачный договор может устанавливать общие принципы имущественных отношений супругов, тогда как медиативное соглашение — конкретизировать порядок их реализации или разрешать возникающие споры.

Особую значимость комплексный подход приобретает при наличии общих несовершеннолетних детей. Если брачный договор регулирует исключительно имущественные отношения, то медиация позволяет урегулировать вопросы о месте жительства детей, порядке общения с отдельно проживающим родителем, участии родителей в дополнительных расходах на детей и т. д.

Реализация принципа диспозитивности при рассмотрении семейных споров в судебном порядке имеет свои особенности. Как отмечает А. С. Федина, специфика проявления процессуальных принципов законности, состязательности и диспозитивности обусловлена предметом судебной защиты по семейным спорам [8]. Осуществление принципа диспозитивности при рассмотрении семейных

дел имеет особенности в виде закрепления специальных гражданских процессуальных норм в Семейном кодексе РФ, обусловленных необходимостью защиты прав и интересов всех членов семьи, приоритетом защиты прав и интересов ребенка.

Важную роль играет активная роль суда в семейных делах, что позволяет устранить недостатки «чистой» состязательности и обеспечить достижение высокой степени презумпции истинности судебного решения по таким делам.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Принцип диспозитивности в семейном праве реализуется в условиях сохранения значительного императивного начала, что обусловлено необходимостью защиты прав и законных интересов членов семьи, прежде всего несовершеннолетних детей и нетрудоспособных нуждающихся лиц.

2. Пределы усмотрения сторон при заключении брачного договора определяются императивными ограничениями, установленными ст. 42 СК РФ, а также общими началами семейного законодательства. Особое значение имеет категория «крайне неблагоприятного положения», позволяющая суду осуществлять контроль за справедливостью условий брачного договора.

3. Процедура медиации предоставляет сторонам более широкие возможности для урегулирования семейных споров, однако пределы диспозитивности в этой сфере также ограничены требованиями семейного законодательства к форме и содержанию соответствующих соглашений.

4. Медиативное соглашение не может полностью заменить собой брачный договор или соглашение об уплате алиментов ввиду специальных правил о договорных основаниях возникновения соответствующих прав и обязанностей.

5. Наиболее эффективным представляется комплексный подход, предполагающий сочетание брачного договора как инструмента перспективного планирования имущественных отношений и медиации как способа разрешения возникающих споров и адаптации договорных условий к изменившимся обстоятельствам.

Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере, включая обсуждаемые инициативы о введении обязательной досудебной медиации по семейным спорам, требует тщательного анализа с точки зрения соблюдения баланса между диспозитивными и императивными началами семейно-правового регулирования.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 05.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1.
2. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. — М.: Юрист, 2003. — 333 с.
3. Муратова С. А. Семейное право: учебник. — М.: Эксмо, 2004. — 448 с.
4. Параскевова Д. В. Соотношение императивного и диспозитивного начал в семейном праве // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 2. — С. 281–283.

5. Петров М. И. Семейное право. — М.: Приор-издат, 2005. — 160 с.
6. Рузакова О. А. Семейное право России: курс лекций. — М.: Элит, 2004. — 240 с.
7. Толстой Р. В. К вопросу о методах правового регулирования семейных отношений // Проблемы права. — 2012. — № 7. — С. 49–52.
8. Федина А. С. Действие принципов законности, состязательности и диспозитивности при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. — 2024. — № 2(78). — С. 185–195.
9. Чашкова С. Ю. Конкуренция семейно-правовых договоров и медиативных соглашений, направленных на регулирование семейно-правовых споров // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 4. — С. 50–62.
10. Медиативное соглашение или соглашение о разделе имущества супругов: плюсы и минусы // Медиатор.рф. — 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://медиатор.рф> (дата обращения: 02.03.2026).

Специфика кабальных сделок в гражданском праве

Кривоносенко Максим Михайлович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируется правовая природа кабальных сделок в гражданском праве Российской Федерации. Автором выделяются квалифицирующие признаки недействительности таких сделок: крайне невыгодные условия, вынужденный характер их заключения вследствие стечения тяжелых обстоятельств и использование указанных обстоятельств контрагентом. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников выявляются проблемы правоприменения, связанные с оценочным характером ключевых категорий («крайняя невыгодность», «тяжелые обстоятельства»). Проведен сравнительно-правовой анализ с германским правом, демонстрирующий различие в степени субъективизации оснований недействительности. Обосновывается вывод о том, что отсутствие жестких формальных критериев в российском праве не является недостатком, а предоставляет суду при рассмотрении споров о недействительности кабальных сделок необходимую гибкость для всестороннего учета конкретных обстоятельств спора и восстановления баланса интересов сторон.

Ключевые слова: кабальная сделка; недействительность сделок; крайне невыгодные условия; тяжелые обстоятельства; вынужденность заключения сделки; принцип добросовестности; порок воли.

Specifics of bonded transactions in civil law

The article analyzes the legal nature of extortionate transactions in the civil law of the Russian Federation. The author identifies the qualifying elements for the invalidity of such transactions: extremely unfavorable terms, the compelled nature of their conclusion due to a combination of difficult circumstances, and the counterparty's exploitation of those circumstances. Based on an analysis of judicial practice and doctrinal sources, the article highlights enforcement problems arising from the evaluative nature of the key categories («extremely unfavorable terms», «difficult circumstances»). A comparative legal analysis with German law is conducted, demonstrating the difference in the degree of subjectivization of the grounds for invalidity. The conclusion is substantiated that the absence of rigid formal criteria in Russian law does not constitute a shortcoming, but rather provides the court, when adjudicating disputes over the invalidity of extortionate transactions, with the necessary flexibility to comprehensively consider the specific circumstances of the dispute and restore the balance of interests of the parties.

Keywords: extortionate transaction, invalidity of transactions, extremely unfavorable terms, difficult circumstances, compelled conclusion of a transaction, principle of good faith, defect of will.

В гражданском праве понятие кабальной сделки связано с основополагающими принципами добровольности и справедливости в отношениях между сторонами. Кабальная сделка представляет собой соглашение, заключённое в условиях давления, когда одна из сторон злоупотребляет своим доминирующим положением или намеренно формирует обстоятельства, вынуждающие другую сторону принять крайне неблагоприятные условия.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее ГК РФ) дано точное определение понятия кабальной сделки, которое звучит так: «Сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась» (п. 3 ст. 179 ГК РФ ч.1).

В таких сделках право оспаривания предоставлено потерпевшему, которым в данном контексте является лицо,

совершившее сделку. Применение последствий недействительности такой сделки влечет двустороннюю реституцию, а также иные последствия, предусмотренные ст. 167 ГК РФ. Кроме того, на другую сторону сделки возлагается обязанность по возмещению потерпевшему причиненных ему убытков (п. 4 ст. 179 ГК РФ). При этом риск случайной гибели предмета сделки несет другая сторона сделки [2, с. 260–261].

Анализируя определение, представленное в Гражданском кодексе РФ, можно выделить следующие характерные черты сделки, заключенной на крайне невыгодных условиях:

- 1) Явно невыгодные условия соглашения, осознаваемые стороной, заключающей сделку (ключевым моментом является осведомленность стороны о подобной невыгодности, исключающая наличие заблуждения или намеренного введения в обман);
- 2) Вынужденный характер заключения сделки (данный фактор обуславливает согласие стороны на сделку, несмотря на понимание ее крайне невыгодного содержания);
- 3) Существование тяжелых обстоятельств, являющихся причиной возникновения принуждения к заключению сделки;
- 4) Использование контрагентом тяжелого положения другой стороны в своих интересах.

Для определения наличия первого признака важно установить, что сделка должна заключаться именно на крайне невыгодных, или так называемых кабальных условиях.

Для таких параметров можно использовать ряд критериев. Первый из них — экономическая диспропорция, базирующаяся на сравнении рыночной стоимости предмета сделки с условиями, предложенными сторонами. Она возникает, когда одна сторона оказывается в заведомо невыгодном положении из-за неравенства ресурсов, недостатка информации или долговой зависимости, что позволяет более сильной стороне манипулировать условиями. Второй критерий — сравнительный анализ аналогичных сделок, позволяющий определить стандартные рамки допустимости и выявить отклонения, указывающие на невыгодные условия. Наконец, третий критерий — непропорциональное распределение рисков, когда одна сторона берет на себя все риски, а другая получает все выгоды.

Категория «невыгодность» является чисто экономическим явлением. В этом смысле О. В. Гутников [4, с. 347] приводит важное сравнение с примером из римского частного права, которое демонстрирует принципиально иной подход к решению проблемы выгодности/невыгодности сделки: «В римском частном праве договоры купли-продажи, в которых полученная цена за товар составляла меньше половины стоимости проданной вещи, признавались влекущими чрезмерный ущерб и могли быть расторгнуты по требованию пострадавшей стороны». Кроме того, как правильно заметил И. М. Исрафилов [5, с. 24–26], невыгодность сделки должна быть объективной, т. е. только субъективное отношение лица, заключившего

сделку, к ней как к невыгодной не может служить основанием для признания её кабальной.

Помимо этого, лицо должно знать о крайне невыгодных условиях данной сделки (если лицо не знало о таких условиях, это сделка под влиянием обмана). Такой условный «принцип добровольности» подразумевает гармонию между внутренним намерением и его внешним выражением, что является важным фактором для законности любой сделки. Кабальная же сделка относится к недействительным сделкам, а именно к сделкам с пороками воли. Подобной точки зрения придерживаются Т. Е. Абова и А. Ю. Кабалкин [1, с. 531], которые, рассматривая недействительные сделки, перечисленные в ст. 179 ГК РФ, относят кабальные сделки к сделкам с несоответствием воли и волеизъявления.

Из анализа судебной практики можно сделать вывод, что понятия «крайне невыгодные условия» и «невыгодные условия» различаются. Так, в июне 2015 года ООО Транспортная компания «Резолют» (далее — истец) обратилось в Арбитражный суд города Москвы с иском о признании недействительным дополнительного соглашения к договору финансовой аренды (лизинга).

Арбитражный суд города Москвы удовлетворил исковые требования, признав дополнительное соглашение недействительным. Однако данное решение было пересмотрено Девятым арбитражным апелляционным судом, который в сентябре того же года отменил первоначальное решение. По итогам апелляционного рассмотрения в удовлетворении иска было отказано.

В обоснование кассационной жалобы истец ссылается на неправильное применение норм материального права, указывает на недействительность дополнительного соглашения, заключенного с ответчиком, поскольку оно заключено на невыгодных для него условиях и при условии нахождения его в тяжелой финансовой ситуации. По мнению истца, фактические обстоятельства дела подтверждают наличие всех условий для признания оспариваемого соглашения кабальной сделкой.

Арбитражный суд Московского округа в свою очередь, подтверждая правомерность решения апелляционного суда, отметил, что для признания договора недействительным по указанному основанию необходимо, чтобы сделка была заключена на крайне невыгодных, а не просто невыгодных условиях, вследствие влияния определенных обстоятельств [11].

Верховный Суд в определении по конкретному делу [12] дал понятие крайне невыгодных условий: условия, несоответствующие интересу этого лица, существенно отличающиеся от условий аналогичных сделок. Данная интерпретация «крайней невыгодности», как представляется, носит достаточно субъективный характер, поскольку может быть распространена на обычные невыгодные обстоятельства.

Существование тяжелых обстоятельств как причины и вынужденный характер заключения сделки разделены,

так как не во всех случаях при наступлении тяжелых обстоятельств, у лица возникает состояние вынужденности. Так рассматривалось дело [7, с. 27], касающееся спора по договору энергоснабжения между двумя организациями. Суть спора заключалась в том, что энергоснабжающая организация предлагала абоненту заключить договор на крайне невыгодных условиях. В частности, предусматривалась десятикратная оплата сверх установленного лимита потребления электроэнергии. В случае отказа абонента, поставщик угрожал прекратить подачу электроэнергии, что ставило истца в критическое положение. Несмотря на невыгодность условий, истец был вынужден подписать договор, поскольку нуждался в бесперебойном снабжении энергией для своей деятельности. После подписания, осознав кабальный характер соглашения, он обратился в суд с целью признать спорные положения недействительными. Суд первой инстанции отклонил иск. Однако, решением апелляционного суда первоначальное решение было отменено. Апелляция удовлетворила требования истца, признав условия договора кабальными. Окружной федеральный арбитражный суд, рассматривая дело далее, оставил в силе постановление апелляционного суда. Было подтверждено, что согласие абонента на крайне невыгодные условия было вынужденным, обусловленным непосредственной угрозой прекращения энергоснабжения.

Вместе с тем, точные критерии или разъяснения понятия «вынужденное состояние» в законодательстве отсутствуют. Также не сразу понятно, что следует понимать под «тяжелыми обстоятельствами». Верховный Суд Российской Федерации рассматривает тяжелые обстоятельства как негативные факторы, возникшие в результате случайного стечения обстоятельств, то есть как нечто неожиданное, что невозможно было предвидеть или предотвратить.

В качестве примера тяжелых обстоятельств можно привести гибель единственного грузового автомобиля в ДТП, принадлежащего предпринимателю, который занимается грузоперевозками. В этом случае предприниматель фактически лишается возможности вести свою деятельность, что с высокой вероятностью приведет к банкротству.

Главный аспект последнего критерия заключается в информированности контрагента о затруднительном финансовом состоянии другой стороны и намеренном использовании этого факта для личной выгоды. Следовательно, действия, при которых лицо эксплуатирует тяжелое положение своего партнера по сделке в своих корыстных целях или в интересах иных лиц, указывает на его недобросовестность при заключении данной сделки.

Применительно к названному последнему критерию следует сделать акцент на принципе добросовестности. Добросовестность в гражданском праве выступает как принцип, обязывающий стороны учитывать права и законные интересы других участников имущественного оборота. Как отмечает А. А. Чукреев [8, с. 11], соблюдение этого принципа критически важно. Кабальные сделки

подпадают под правовое регулирование, поскольку их заключение может нарушать принципы справедливости и равенства сторон.

По мнению В. П. Грибанова [3, с. 411] суть принципа добросовестности заключается в соблюдении участником имущественного оборота моральных и других неправовых социальных норм. Принцип добросовестности заключается в том, с точки зрения цивилиста, что субъекты права не должны совершать действия, противоречащие принципам социалистического общежития и нормам морали.

Зачастую суды пренебрегают данным существенным признаком, необходимым для признания сделки недействительной. В качестве примера, Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в одном из постановлений признал недействительным расторжение договора банковского счета, основываясь на статье 179 ГК РФ (пункт 3). Однако, при вынесении решения суд не в полной мере исследовал все признаки кабалности сделки. В частности, в данном деле фигурировали только два аспекта: тяжелые обстоятельства, в связи с невозможностью ООО «Курайнефтехим» вести деятельность из-за прекращения услуг по переводу средств, что препятствовало исполнению обязательств перед контрагентами, и вынужденность, так как для продолжения деятельности компания была вынуждена расторгнуть договор и открыть счет в другом банке.

Суд расценил довод истца о том, что «использование услуг ПАО Сбербанк в расчетах более выгодно и удобно» как признак крайней невыгодности сделки. Однако, утверждение о большей выгоде и удобстве представляется недостаточным для признания сделки крайне невыгодной. Признание сделки недействительной является крайней мерой, поэтому суд должен установить все признаки кабалности сделки, чтобы признать её недействительной. Если сторона требует признания сделки кабальной только потому, что она для неё невыгодна, то в определённых случаях это может говорить о недобросовестном поведении такого субъекта. Различия в условиях предоставления услуг разными компаниями являются частью обычного гражданского оборота, и стороны свободны при заключении договора, самостоятельно выбирая подходящие условия. Кроме того, в деле отсутствуют основания полагать, что ПАО «Сбербанк» воспользовался стечением тяжелых обстоятельств для истца в своих интересах. Последствия расторжения договора, напротив, оказались невыгодными для банка, потерявшего клиента, оплачивавшего обслуживание счета. Таким образом, данное постановление представляется необоснованным и противоречивым в части признания расторжения договора кабальной сделкой, соответствующей всем условиям статьи 179 ГК РФ (п. 3) [13].

Согласно статье 179 ГК РФ, сделки, заключенные на крайне невыгодных условиях из-за тяжелых жизненных обстоятельств, могут быть оспорены. В качестве примера удовлетворения требования о признании сделки недействительной можно привести решение ВС РФ от 2012

года [14], где судебный орган признал условия сделки кабальными и применил последствия недействительности сделки.

Анализ судебной практики показывает, что суды при признании сделок кабальными стремятся к восстановлению баланса интересов сторон, что может привести к убыткам для займодавца. Однако, он может защитить себя, доказав отсутствие кабальных условий или тяжелого положения заемщика при заключении сделки.

Вместе с тем, следует признать, что в современной российской практике аннулирование кабальных сделок представляет собой непростую задачу. Исследование показало, что как в законодательстве, так и в научных трудах и судебной практике не сформированы четкие и унифицированные критерии для определения «крайне невыгодных условий», «тяжелых жизненных обстоятельств» и других подобных понятий. При изучении практики оспаривания таких сделок в России, стоит согласиться с мнением ряда учёных [9, 6, с. 18, с. 15] о том, что успех дел об оспаривании кабальных сделок встречается нечасто из-за отсутствия единообразного толкования составляющих элементов таких сделок и, как следствие, предмета доказывания.

Для германского права характерно использование таких критериев как неопытность, легкомыслие и слабости воли в сфере признания сделок кабальными. Таким образом, оценочные категории характерны не только для российского права, но и зарубежных правовых порядков.

Но стоит отметить, что в Германии они более субъективны, и в российском праве сложившаяся ситуация более предпочтительна для правоприменителя.

Формулировка из параграфа 138, абзаца 2 Германского гражданского уложения — кабальная сделка (*Wucher* как

вид сделки, противоречащей добрым нравам) ничтожна, если одна сторона эксплуатирует *Zwangslage* (принудительное положение), *Unerfahrenheit* (неопытность), *Mangel an Urteilsvermögen* (легкомыслие) или *erhebliche Willensschwäche* (значительную слабость воли) другой, получая *auffälliges Missverhältnis* (явную диспропорцию) в имущественных выгодах [15].

В «Курсе германского гражданского права» (Людвига Эннекцеруса, полутом I Общей части BGB) [10, с. 230] подчеркивается *Ausbeutung* (эксплуатация) четырех состояний: 1. *Unerfahrenheit* — отсутствие житейского опыта (*Lebenserfahrungsmangel*), делающее сторону уязвимой к обману, что типично для новичков. 2. *Mangel an Urteilsvermögen* (*mangelnde Urteilsfähigkeit*) — легкомыслие без психопатологии, импульсивность в оценке рисков. 3. *Erhebliche Willensschwäche* — патологическая слабость воли, оцениваемая осторожно с доказательствами. 4. Эннекцерус акцентирует внимание на том, что «*auffälliges Missverhältnis*» выступает одним из основных индикаторов (часто >200 % отклонения от обычных, таких же сделок). Таким образом, в правоприменительной практике Германии субъективные черты усложняют доказывание.

На основании вышеизложенного, необходимо отметить, что в современном российском гражданском праве отсутствуют достаточно четкие критерии, позволяющие суду определять наличие «тяжелых жизненных обстоятельств» и «крайне невыгодных условий» на стороне потерпевшего, поскольку они являются оценочными категориями. Следовательно, их использование может рассматриваться не как препятствие, а как необходимая гибкость, позволяющая суду всесторонне и индивидуально оценивать обстоятельства конкретного спора.

Литература:

1. Абова, Т. Е. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. В 3 т. Т. 1. Части первая, вторая ГК РФ / Т. Е. Абова, А. Ю. Кабалкин. — М.: Юрайт, 2011. — 450 с.
2. Болтанова, Е. С. Гражданское право. Общая часть / Е. С. Болтанова, Н. В. Багрова, Т. Ю. Баршшпольская. — М.: Проспект, 2023. — 320 с.
3. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов // Классика российской цивилистики. — М.: Статут, 2000. — С. 85–210.
4. Гутников, О. В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания) / О. В. Гутников. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2003. — 576 с.
5. Ибрафиллов, И. Кабальная сделка / И. Ибрафиллов // Законность. — 2000. — № 2. — С. 15–18.
6. Савранская, Д. Д. Кабальные сделки (часть первая) / Д. Д. Савранская // Вестник гражданского права. — 2016. — № 5. — С. 34–56.
7. Чернышов, Г. П. Кабальные сделки в практике арбитражных судов / Г. П. Чернышов // Арбитражное правосудие в России. — 2007. — № 7. — С. 22–27.
8. Чукреев, А. А. Субъективные условия применения санкций гражданского законодательства о предпринимательской деятельности: автореф. дис.... канд. юрид. наук / Чукреев А. А. — Тюмень, 2003. — 24 с.
9. Шестакова, Е. В. Принцип свободы договора и кабальные сделки / Е. В. Шестакова // Юрист. — 2015. — № 4. — С. 10–14.
10. Эннекцерус Л. Курс Германского гражданского права / Л. Эннекцерус, Т. Кипп, М. Вольф; пер. с нем. — Т. 1, полутом 1. — М.: Издательство иностранной литературы, 1949. — 410 с.
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.02.2016 по делу № Ф05-21049/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Определение Верховного суда Российской Федерации от 16.11.2016 по делу № 305-ЭС16-9313. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2017 № 18АП-6455/2017 по делу № А07-23618/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.07.2024 № 45-КГ24-12-К7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) // в ред. от 02.01.2002.

Проблемы уголовно-правовой квалификации коррупционных преступлений

Кудашова Зарина Ринатовна, студент;

Гафурова Ралина Рамилевна, студент

Научный руководитель: Хайруллин Рамиль Ахатович, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуются теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за коррупционные преступления в Российской Федерации. Рассматриваются вопросы понятия и системы коррупционных преступлений, сложности их квалификации, а также особенности назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности. Обосновывается необходимость совершенствования уголовного законодательства и формирования единообразной правоприменительной практики. Формулируются предложения по повышению эффективности противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами.

Ключевые слова: коррупция, уголовная ответственность, взяточничество, квалификация преступлений, наказание, противодействие коррупции.

Problems of criminal law qualification of corruption offenses

The article examines the theoretical and practical problems of criminal liability for corruption crimes in the Russian Federation. The issues of the concept and system of corruption crimes, the difficulties of their qualification, as well as the specifics of sentencing and exemption from criminal liability are considered. The necessity of improving criminal legislation and forming a uniform law enforcement practice is substantiated. Proposals are formulated to increase the effectiveness of combating corruption by criminal law means.

Keywords: corruption, criminal liability, bribery, qualification of crimes, punishment, anti-corruption.

Введение

Коррупция как социально-правовое явление представляет собой одну из наиболее серьезных угроз стабильному функционированию государственного аппарата, экономическому развитию и соблюдению прав и свобод человека и гражданина. В условиях современных вызовов противодействие коррупционным проявлениям приобретает характер приоритетной государственной задачи, а уголовное право остается наиболее острым и действенным инструментом в этом механизме. Однако, несмотря на значительные усилия законодателя и правоприменителя, практика борьбы с коррупцией сталкивается с рядом системных проблем, начиная от неопределенности самого понятийного аппарата и заканчивая сложностями квалификации конкретных деяний и назначения справедливого наказания.

Целью настоящей статьи является выявление ключевых проблем, возникающих при привлечении к уголовной от-

ветственности за коррупционные преступления, анализ существующих подходов к их квалификации, а также формулирование предложений, направленных на повышение эффективности уголовно-правового противодействия коррупции.

1. Понятие и система коррупционных преступлений в уголовном праве

Коррупция в современных условиях представляет собой системную угрозу устойчивости публичной власти, экономической безопасности и реализации прав граждан. Уголовное право выступает одним из ключевых инструментов противодействия коррупционным проявлениям. Цель настоящей статьи заключается в выявлении указанных проблем и формулировании направлений их решения. Действующее законодательство Российской Федерации не содержит определения коррупционного преступления. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г.

№ 273-ФЗ «О противодействии коррупции» раскрывает понятие коррупции как злоупотребления служебным положением, дачи и получения взятки, коммерческого подкупа либо иного незаконного использования должностным лицом своего положения вопреки законным интересам общества и государства. В теории уголовного права сформировались два основных подхода к определению круга коррупционных преступлений. Узкий подход ограничивает их составами, непосредственно связанными со взяточничеством: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество. Широкий подход включает также злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий при корыстной заинтересованности, служебный подлог, коммерческий подкуп и иные деяния, совершаемые с использованием служебного положения в целях извлечения выгоды.

Отсутствие единого подхода затрудняет формирование целостной уголовной политики. Представляется целесообразным нормативное закрепление перечня коррупционных преступлений либо формулирование общих критериев их отнесения к данной категории. В качестве таких критериев могут выступать: наличие специального субъекта, использование служебных полномочий вопреки интересам службы, корыстная или иная личная заинтересованность, причинение вреда охраняемым законом интересам общества и государства.

Системный анализ норм УК РФ показывает, что большинство коррупционных преступлений сосредоточено в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Вместе с тем отдельные составы, например коммерческий подкуп, размещены в иных главах. Это свидетельствует о межотраслевом характере коррупции и необходимости комплексного подхода к ее уголовно-правовой оценке.

2. Проблемы квалификации коррупционных преступлений

Одной из наиболее сложных задач правоприменения является правильная квалификация коррупционных деяний. На практике нередко возникают трудности разграничения получения взятки и мошенничества, совершенного с использованием служебного положения. Существенные проблемы вызывает установление субъективной стороны коррупционных преступлений. Необходимо доказать прямой умысел и корыстную заинтересованность. При отсутствии явных доказательств договоренности между взяткодателем и взяткополучателем суды сталкиваются с трудностями оценки косвенных доказательств. Это требует более четких методических рекомендаций и единого подхода к оценке доказательственной базы.

Особую сложность представляет квалификация посредничества во взяточничестве. Не всегда очевидно, выступает ли лицо посредником либо соисполнителем

преступления. Разграничение указанных форм соучастия имеет принципиальное значение для определения объема уголовной ответственности. В ряде случаев посредник фактически организует передачу взятки, что свидетельствует о более высокой степени общественной опасности его действий. Дополнительные трудности связаны с квалификацией действий при проведении оперативно-розыскных мероприятий, включая контролируемую передачу денежных средств. Возникают вопросы о моменте окончания преступления и допустимости использования полученных доказательств. Важно обеспечить баланс между эффективностью борьбы с коррупцией и соблюдением прав участников уголовного процесса. Не менее актуальной является проблема разграничения злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Нечеткость формулировок диспозиций соответствующих статей УК РФ порождает неоднозначную судебную практику. Представляется необходимым уточнение законодательных конструкций с учетом накопленного опыта правоприменения.

3. Назначение наказания и освобождение от уголовной ответственности

Санкции за коррупционные преступления характеризуются значительной строгостью и разнообразием. Законодатель предусматривает штрафы в кратном размере суммы взятки, лишение права занимать определенные должности, обязательные и исправительные работы, лишение свободы на длительные сроки. Вместе с тем эффективность отдельных видов наказания вызывает дискуссии. Штраф как основное или дополнительное наказание призван компенсировать причиненный ущерб и лишить преступника незаконно полученной выгоды. Однако на практике нередко возникают сложности с его исполнением. Осужденные могут не обладать достаточными средствами для уплаты штрафа, что приводит к замене наказания более строгим видом либо к затягиванию процедуры взыскания. Это снижает превентивный эффект санкции. Важное значение имеет институт конфискации имущества. Он позволяет изъять доходы, полученные преступным путем, и тем самым устранить экономическую основу коррупции. Вместе с тем необходимо совершенствовать механизмы выявления и обращения взыскания на имущество, оформленное на третьих лиц. Отдельного рассмотрения заслуживает освобождение от уголовной ответственности лица, давшего взятку, при его активном способствовании раскрытию преступления. Данная норма направлена на разрушение коррупционных связей и стимулирование сотрудничества с правоохранительными органами. Однако ее применение ограничено строгими условиями, включая добровольность сообщения и отсутствие вымогательства. Практика свидетельствует о необходимости более четкого разъяснения критериев добровольности и своевременности обращения.

При назначении наказания суд должен учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, обстоятельства дела. В коррупционных делах особое значение имеет должностное положение лица, объем полученной выгоды, последствия для публичных интересов. Индивидуализация наказания способствует достижению целей восстановления социальной справедливости и предупреждения новых преступлений.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что уголовная ответственность за коррупционные пре-

ступления остается важнейшим инструментом защиты публичных интересов. Вместе с тем существующие проблемы теоретического осмысления и правоприменения требуют дальнейшего совершенствования законодательства и практики его реализации.

Необходимы нормативное уточнение понятия и системы коррупционных преступлений, выработка единых подходов к их квалификации, повышение эффективности санкций и механизмов конфискации имущества. Комплексное решение обозначенных задач позволит усилить превентивный потенциал уголовного закона и обеспечить реальную неотвратимость ответственности за коррупционные преступления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52(ч. I). Ст. 6228.
4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. № 9.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 784 с.
6. Лопашенко, Н. А. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления / Н. А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 560 с. — Текст: непосредственный.
7. Кудрявцев, В. Н. Причины преступности / В. Н. Кудрявцев. — М.: Норма, 2018. — 352 с. — Текст: непосредственный.
8. Бойцов, А. И. Проблемы квалификации получения взятки / А. И. Бойцов. — Текст: непосредственный // Уголовное право. — 2021. — № 4. — С. 25–31.
9. Бастрыкин, А. И. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции / А. И. Бастрыкин. — Текст: непосредственный // Российский следователь. — 2020. — № 5. — С. 3–8.

Уголовно-правовое противодействие половым преступлениям в Российской Федерации и за рубежом

Кудрявцева Дарья Сергеевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовых мер противодействия половым преступлениям в Российской Федерации и ряде зарубежных стран Романо-германской и Англо-саксонской правовых семей.

Цель: проведение сравнительно-правового анализа норм, регламентирующих ответственность за половые преступления, для выявления проблемных аспектов в российском законодательстве и разработки предложений по его модернизации на основе зарубежного опыта.

Методы: методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также специальные юридические методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты: в ходе исследования установлено, что, несмотря на определенное сходство в определении базовых составов преступлений (например, изнасилования), зарубежное законодательство демонстрирует значительно большее разнообразие в регламентации половых преступлений.

Выводы: проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства в данной сфере. Обосновывается целесообразность имплементации ряда зарубежных подходов, в частности, расширения перечня квалифицирующих признаков (например, совершение преступления близким родственником)

Ключевые слова: половые преступления, половая свобода, половая неприкосновенность, уголовная ответственность, сравнительно-правовой анализ, зарубежное законодательство, противодействие преступности, имплементация правовых норм.

Романо-германская правовая семья, к которой относятся правовые системы большинства европейских государств, характеризуется кодифицированным подходом к регулированию уголовно-правовых отношений и наличием развитой доктрины уголовного права.

Сравнительно-правовой анализ законодательства Германии, Франции, Испании и других стран романо-германской правовой семьи позволяет выявить общие тенденции развития уголовного законодательства о половых преступлениях, определить наиболее эффективные законодательные модели и использовать позитивный зарубежный опыт для совершенствования российского уголовного права.

Уголовное законодательство Федеративной Республики Германия (далее ФРГ) [1] предусматривает развернутую систему норм об ответственности за половые преступления, которые сосредоточены в разделе 13 Уголовного кодекса ФРГ «Преступные деяния против полового самоопределения» [2]. Основным составом преступления против полового самоопределения является сексуальное насилие, предусмотренное параграфом 177 УК ФРГ. Реформа 2016 года [3] существенно изменила подход к криминализации сексуального насилия, введя модель «нет значит нет» (Nein heißt Nein), согласно которой любое сексуальное действие, совершенное вопреки распознаваемой воле другого лица, является уголовно наказуемым.

Ключевым элементом данного состава является понятие «распознаваемой воли» (erkennbarer Wille), которое означает, что потерпевший любым способом — словами, жестами, поведением — выразил свое несогласие на вступление в сексуальный контакт, и это несогласие было воспринято или должно было быть воспринято виновным. Такой подход существенно отличается от российской модели, где для квалификации изнасилования или насильственных действий сексуального характера необходимо применение насилия, угрозы его применения или использование беспомощного состояния потерпевшего.

Статья 174 УК ФРГ «Действия сексуального характера в отношении вверенных лиц» устанавливает ответственность за сексуальные действия не только в отношении несовершеннолетних, вверенных для воспитания или обучения, но и прямо выделяет в части третьей кровных и законных родственников по нисходящей линии.

Уголовное законодательство Французской Республики также содержит развитую систему норм об ответственности за половые преступления [4]. Французский законодатель различает два основных вида сексуальных посягательств: изнасилование (Du viol et du viol incestueux)

и другие сексуальные посягательства (des autres agressions sexuelles). Статья 222–23 УК Франции определяет изнасилование как любой акт сексуального проникновения любого рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или неожиданности. Данное определение является более широким по сравнению с российским, поскольку охватывает не только традиционное половое сношение, но и любые формы сексуального проникновения, включая оральные, анальные и иные контакты. В статье 222–27 УК Франции под другими сексуальными посягательствами понимаются сексуальные посягательства, не связанные с изнасилованием.

Статья 222–23–2 и 222–28 устанавливает ответственность за инцестуозное изнасилование (любой акт сексуального проникновения, совершенный совершеннолетним лицом в отношении несовершеннолетнего или несовершеннолетним в отношении правонарушителя, когда совершеннолетний является старшим по восходящей линии или любым другим лицом, обладающим властью над несовершеннолетним де-юре или де-факто) и сексуальное посягательство в отношении родственника (ответственность за 222–28 наступает, если преступление совершено родственником по восходящей линии или любым другим лицом, имеющим на это право).

Испанское уголовное законодательство, представленное Уголовным кодексом Испании 1995 года, содержит нормы об ответственности за половые преступления в разделе VIII «О преступлениях против сексуальной свободы и неприкосновенности» [5]. Испанский законодатель, так же, как и законодатель Франции, различает два основных вида половых преступлений: сексуальную агрессию (agresión sexual), связанную с проникновением и не связанную с ним. Статья 178 УК Испании гласит: «Лицо, совершающее любое действие, посягающее на сексуальную свободу другого лица без его согласия, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок от одного до четырех лет». Согласие будет таковым только в том случае, если оно было свободно выражено посредством действий, которые, в зависимости от обстоятельств дела, четко выражают волю лица.

Пункт 5^а части 1 статьи 180 УК Испании усиливает ответственность за половые преступления в отношении лица, которое воспользовалось ситуацией или отношениями совместного проживания, родства или отношениями превосходства по отношению к жертве.

Англо-саксонская правовая семья, к которой относятся правовые системы Великобритании, США, Канады

и ряда других государств, характеризуется специфическими особенностями правового регулирования, основанными на прецедентном праве и принципе *stare decisis* (следование судебным прецедентам).

Уголовное законодательство Великобритании об ответственности за половые преступления кодифицировано в Законе о половых преступлениях 2003 года (*Sexual Offences Act 2003*) [6]. Основным составом преступления против половой свободы является изнасилование (*rape*), предусмотренное секцией 1 Закона. Изнасилование определяется как умышленное введение полового члена во влагалище, анальное отверстие или рот другого лица при отсутствии согласия этого лица и при условии, что виновный не имел разумных оснований полагать, что потерпевший согласен. Ключевым элементом данного состава является понятие согласия (*consent*), которое определено в секции 74 Закона как свободное волеизъявление лица, обладающего свободой и способностью сделать такой выбор.

Британская модель криминализации сексуального насилия основана на концепции отсутствия согласия, а не на применении насилия или угрозы. Это означает, что для квалификации изнасилования достаточно установить, что потерпевший не давал согласия на половой акт, независимо от того, применял ли виновный физическое насилие.

Уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки об ответственности за половые преступления характеризуется значительной децентрализацией, поскольку каждый штат имеет собственное уголовное законодательство с самостоятельными составами преступлений и санкциями.

В последние десятилетия законодательство многих штатов США претерпело существенные изменения в направлении отказа от требования применения силы и перехода к модели, основанной на отсутствии согласия. Например, законодательство штата Нью-Йорк [7], определяет изнасилование как половое сношение с другим лицом без согласия этого лица, причем согласие отсутствует, когда: потерпевший явно выразил отсутствие согласия; потерпевший не способен дать согласие в силу физической беспомощности, умственной неполноценности или недостатка; потерпевший младше 17 лет; су-

ществуют иные обстоятельства, исключающие действительное согласие.

Уголовное законодательство Канады об ответственности за половые преступления кодифицировано в разделе VIII части VII Уголовного кодекса Канады «Преступления против личности и репутации» [8]. Секция 271 Уголовного кодекса Канады предусматривает ответственность за сексуальное нападение, которое определяется как применение силы к другому лицу без его согласия в обстоятельствах сексуального характера, таким образом нарушая сексуальную целостность этого лица.

Анализ зарубежного законодательства позволяет выявить существенные пробелы в российском уголовном праве.

Во-первых, в России состав насильственного полового преступления предполагает обязательное наличие физического насилия, угрозы его применения либо использование беспомощного состояния жертвы. Однако зарубежные подходы (в частности, модель «нет значит нет») признают преступным игнорирование явно выраженного несогласия жертвы даже при полном отсутствии физического насилия со стороны виновного.

Во-вторых, было выявлено, что законодательство Германии, Франции и Испании содержат ответственность за половые преступления, совершенные родственниками по нисходящей линии, в связи с этим думается целесообразно добавить соответствующее положение в Уголовный кодекс Российской Федерации [9]. Поскольку, во-первых, ст. 38 Конституции России [10] гласит, что обязанностью государства является защита семьи, материнства и детства, во-вторых, для ребенка преступление со стороны родителя — начало крушения картины мира, последствия которого могут оказаться губительными, в-третьих, в российском законодательстве отсутствует прямой запрет на «инцест», что создает опасный прецедент, легализуя глубоко аморальные и разрушительные для института семьи отношения.

Использование позитивного зарубежного опыта может способствовать совершенствованию российского уголовного законодательства и повышению эффективности защиты половой свободы и половой неприкосновенности личности.

Литература:

1. German Criminal Code (Strafgesetzbuch — StGB) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html (дата обращения 14.04.2026).
2. П. В. Головненков. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB) — Научные труды в области немецкого и российского уголовного права. — Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021.
3. Fünfzigstes Gesetz zur Änderung des Strafgesetzbuches — Verbesserung des Schutzes der sexuellen Selbstbestimmung vom 4. November 2016: BGBl. I 2016 Nr. 52, S. 2460 ff // URL: <https://kripoz.de/Kategorie/gesetzentwerfer/sexualstrafrecht/schutz-der-sexuellen-selbstbestimmung/> (дата обращения 14.04.2026).
4. Code pénal de la République française. Code pénal — Dernière modification le 11 juillet 2025 // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309> (дата обращения 14.04.2026).
5. Código Penal de España (Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, actualizado a 31 de diciembre de 2024) // Boletín Oficial del Estado. 1995. № 281. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/1995/BOE-A-1995-25444-consolidado.pdf> (дата обращения 30.03.2026).

6. Sexual Offences Act 2003 (с. 42) (as amended to 02 April 2026) // The UK Statute Law Database. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42> (дата обращения: 14.04.2026).
7. New York Penal Law. Article 130 «Sex Offenses» // New York State Legislature. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN/P3THA130> (дата обращения: 14.04.2026).
8. Criminal Code of Canada (R. S. C., 1985, с. C-46) // Justice Laws Website of the Government of Canada. URL: <https://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/PITIndex.html> (дата обращения: 14.04.2026).
9. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ;
10. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022

Цифровые права в системе объектов гражданских прав

Ладан Алексей Федорович, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье автор анализирует признаки цифровых прав, которые позволяют сделать вывод об их месте в системе объектов гражданских прав.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданских прав, информационная система, правила информационной системы.

Необходимость законодательного регулирования развивающегося взаимодействия в цифровой среде была обусловлена значительным влиянием технологического прогресса на различные сферы общественной жизни. В частности, переход экономических отношений в цифровую среду стимулировал развитие новых рынков, изменение взаимодействия между компаниями, потребителями и государством, а значит, требовал создания правовой среды, в пределах которой обеспечены условия для совершения сделок, предоставления защиты гражданам и организациям.

Посланием Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 г. поставлена задача разработать законы, которые позволят заключать гражданские сделки и привлекать финансирование с использованием цифровых технологий, развивать электронную торговлю и сервисы, а также обозначен приоритет создания правовой среды цифровой экономики. [1]

Во исполнение поставленных задач, принимая во внимание важность правового регулирования цифровой среды, Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ [2] была введена статья 141.1 Гражданского кодекса РФ [3], именуемая «Цифровые права», положения которой стали отправной точкой для дальнейшей адаптации гражданского законодательства под развивающуюся сферу информационных технологий. Так, на основании легального определения цифровых прав, сформулированы положения о цифровых финансовых активах [4], раскрыты пределы осуществления утилитарных цифровых прав в инвестиционных платформах [5].

Одновременно с введением нормы о цифровых правах, законодателем обозначена их самостоятельность, как объекта гражданских прав, путём внесения изменений в ст. 128 Гражданского кодекса РФ.

Буквальное толкование измененной редакции ст. 128 Гражданского кодекса РФ, позволяет обособленно выделить среди имущественных прав такие объекты гражданских прав как безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. Здесь законодателем сделан акцент на особом статусе цифровых прав, который не позволил отнести их к уже известным объектам.

Рассмотрение такого особого статуса цифровых прав в системе объектов гражданских прав следует начать с понятия, введенного ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ.

Так, согласно легальному определению, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (ч. 1 ст. 141.1).

Изложенное позволяет отметить, что обязательным условием для отнесения к цифровым правам является законодательное закрепление за отдельным правом статуса цифрового права. При этом, определение содержания и условий осуществления такого права предоставлено информационной системе, которая должна отвечать установленным законом признакам.

Важной особенностью правового режима цифровых прав, позволяющей выделить их в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, является возможность их

реализации без обращения к третьему лицу и только в информационной системе.

По мнению Б. М. Гонгалов и Л. А. Новоселовой, отсутствие посредника, обеспечивающего передачу прав и отвечающего за правильность учетных данных, принципиально отличает систему учёта цифровых прав от традиционных систем. [6]

В отношении классических объектов гражданских прав, относящихся к иному имуществу, законодателем предусмотрен центральный оператор (посредник) при их учёте. Так, например, учет прав на ценные бумаги осуществляется профессиональными участниками рынка ценных бумаг, деятельность которых регулируется Банком России, учёт безналичных денежных средств ведётся коммерческими банками, для цифрового рубля предусмотрена платформа цифрового рубля, с предоставлением доступа через коммерческие банки.

Цифровые права, в том виде, в котором они определены в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ, реализуются без участия центрального оператора.

Признак реализации цифровых прав только в информационной системе также способствует формированию особого статуса цифровых прав в системе объектов гражданских прав. Правовое регулирование в этой части предоставлено правилам информационной системы, с тем лишь ограничением, что такая система должна отвечать установленным законом признакам.

В то время как содержание и условия осуществления бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств определяются законом, технологическое обеспечение юридически значимых действий в информационных системах исключает необходимость закрепления отдельных правил, используя базу правил информационной системы, в которой эти действия реализуются. Так, например, посредством программного кода удостоверяется надлежащее исполнение сделки, порядок передачи права, а также требования, которым должен соответствовать субъект для обладания цифровым правом.

Таким образом, в зависимости от правил используемой информационной системы, осуществление цифровых прав может изменяться, что формирует их уникальный статус.

В контексте рассмотрения цифровых прав в системе объектов гражданских прав, важно отметить, что облада-

телем цифрового права, по общему правилу, признаётся лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (ч.2 ст. 141.1).

Законом установлена презумпция обладателя цифрового права по факту возможности распоряжения этим правом, такой подход сформирован, в первую очередь, из-за свойств информационной системы.

Именно правила системы закрепляют за определенным средством проверки подлинности субъекта конкретный объем возможного осуществления цифрового права, а фактическое обладание средством проверки подлинности позволяет определить лицо, которому такое право принадлежит.

Так, например, в информационной системе существует учётная запись, в отношении которой распределено цифровое право. Чтобы подтвердить принадлежность такого цифрового права, в системе предусмотрена процедура удостоверения субъекта, реализуемая с помощью криптографического ключа доступа. Прохождение проверки подлинности, а значит и возможность распоряжения цифровым правом, доступна только при совпадении заданного информационной системой набора данных тем данным, которые передаёт пользователь.

Передача пользователем данных в систему, как правило, осуществляется специальными устройствами, содержащими закрытые ключи доступа, следовательно, владение устройством, предоставляющим доступ к распоряжению цифровым правом (к учётной записи, с распределённым на неё цифровым правом) позволяет называть такого владельца обладателем цифрового права.

Указанный механизм определения обладателя цифрового права является общим, в случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права может быть признано иное лицо.

Факт закрепления законодателем правового регулирования цифровых прав, представляет собой важный шаг на пути к познанию и, как следствие, узакониванию общественных отношений, складывающихся по поводу цифровых прав. Сформулированные положения действующего законодательства предоставляют широкий простор для дальнейшего улучшения понятийного аппарата, для более точного регулирования частных случаев применения права в цифровой среде.

Литература:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. — 2019. 21 февраля
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 12. — Ст. 1224.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2020.

5. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2019
6. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 188.

Права и обязанности эксперта при производстве судебной экспертизы по уголовным делам

Лазарев Михаил Михайлович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В данной статье исследуются права и обязанности судебного эксперта.

Ключевые слова: права, обязанности, экспертиза, эксперт, субъекты, объекты.

Любое лицо, владеющее значимыми и специализированными знаниями, имеет право на проведение экспертизы, в соответствии с нормами установленными процессуальным законодательством. Это относится и к тем, кто является штатным сотрудником государственных учреждений экспертной направленности, так и к независимым специалистам. В числе квалифицированных экспертов находятся как сотрудники экспертных организаций, так и специалисты, не имеющие непосредственной принадлежности к экспертным учреждениям, включая частнопрактикующих экспертов.

Объективность и компетентность эксперта необходимы для объяснения сложных вопросов, возникающих перед судебными органами, и не подразумевает обязательное привлечение к процессу только штатных экспертов государственных учреждений. Важной составляющей данного процесса становится возможность вовлечения в него независимых экспертов, обладающих уникальными навыками и знаниями, которые необходимы для вынесения обоснованных заключений по обсуждаемым материалам.

Исполнять обязанности государственного судебного эксперта, занимающегося вопросами судебной экспертизы, возможно только при условии аттестации и должностной принадлежности к государственным судебно-экспертным учреждениям. Подобные учреждения существуют при различных структурах: под эгидой Минюста России, экспертно-криминалистических подразделений МВД России, организациях судебно-медицинского и судебно-психиатрического характера, подведомственных Министерству Здравоохранения, а также в судебно-медицинских лабораториях Минобороны. В качестве специалистов могут быть привлечены эксперты криминалистических подразделений, Федеральной Службы Безопасности и других филиалов государственных судебно-экспертных учреждений, сформированных в рамках Федерального Закона «О государ-

ственной судебно-экспертной деятельности в РФ» [4] (далее ФЗ № 73-ФЗ «ОГСЭД») и других федеральных органах власти Российской Федерации.

Специалисты, в обладании которых находятся навыки и знания научного, технического, художественного или ремесленного характера, и имеющие квалификацию, но не занимающие должности государственных экспертов, в соответствии с ст. 41 ФЗ № 73-ФЗ «ОГСЭД», а также соответствующих процессуальных кодексов, имеют возможность осуществлять судебно-экспертные функции. Категории лиц, которые могут быть привлечены в качестве экспертов, охватывают как бывших государственных экспертов, так и ныне на пенсии, так и активных частных профессиональных экспертов и специалистов из неэкспертных организаций, обладающих требуемой квалификацией, и имеющие достаточный объём знаний в конкретной области, для проведения экспертизы.

Для выполнения функций судебного эксперта законодательство РФ предъявляет обширные требования. Ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — УПК РФ) устанавливает, что эксперт должен последовательно и тщательно изучить материалы, которые были переданы в его ведение, выработать заключение, основанное на данных материалах, и направить его обратно в суд. Помимо этого, эксперт обязан явиться в суд для предоставления дополнительной информации и разъяснений касательно исследования и заключения. Если эксперт сталкивается с вопросами, выходящими за рамки его компетенции, или с объектами, не подходящими для исследования, он обязан информировать об этом суд, или орган, назначивший экспертизу, мотивировано в письменном виде.

ФЗ № 73-ФЗ «ОГСЭД» в ч. 1 ст. 16 налагает на судебного эксперта ответственность по неразглашению информации, полученной в ходе экспертизы. Это означает сохранение в конфиденциальности данных, касающихся

конституционных прав граждан, а также сведений, которые могут носить характер государственных, коммерческих или иных защищенных законом тайн.

Основываясь на ст. 23 Конституции РФ [1], критически важно обеспечить неприкосновенность личных данных граждан. Так как раскрытие информации, полученной во время различных судебных экспертиз, например, медико-судебных и психиатрических, может нарушить права на частную жизнь и сохранение достоинства. Сведения, затрагивающие здоровье, например, болезни и беременность, обнаруженные в ходе таких анализов, требуют особой осторожности в обращении. Аналогичное требование сохранения конфиденциальности распространяется и на данные, исследованные при документальных экспертизах, включая почерковедение и анализ авторства, как и информацию из личных документов, вроде писем или завещаний.

Тем не менее, запрет на раскрытие информации также относится к данным, изъятым из аудио и видео фонограмм, анализируемых в ходе судебной фоноскопии, равно как и компьютерные данные, извлеченные в результате компьютерно-технического исследования, включая базы данных и коды доступа [13].

Статья 183 УК РФ [3] определяет ответственность за незаконное использование, разглашение информации, считающейся банковской или коммерческой тайной, подразумевая возможное привлечение эксперта, которым была разглашена подобная тайна, к уголовной ответственности.

Далее, эксперт, назначенный для участия в судебном процессе, должен информировать назначивший орган обо всех возможных конфликтах интересов, которые могут помешать его участию в деле. Как указывается в процессуальном законодательстве, основания для отвода эксперта включают личную заинтересованность в исходе дела, родственные связи с участниками процесса, а также любую прошлую или настоящую зависимость от них, которая может вызывать сомнения в беспристрастности эксперта.

Отвод эксперта, активно вовлеченного в процессуальную деятельность, допустим в случаях выявления его некомпетентности, несмотря на отсутствие оснований для такой процедуры на основе предшествующего взаимодействия с материалами дела в качестве специалиста, как это определено уголовно-процессуальным законодательством. Оценка способностей эксперта, включающая оценку его объективной и субъективной компетенции — понятий, отражающих совокупный объем знаний и их освоение экспертом, осуществляется путём проверки образования, полученной специализированной подготовки, общего стажа в данной деятельности, опыта работы по решению сходных задач и индивидуальных особенностей. Этаким анализ компетентности проводят уполномоченные экспертно-квалификационные комиссии в рамках полномочий, предоставленных ст. 13 ФЗ № 73-ФЗ «ОГСЭД».

Судебный эксперт обязан избегать прямого общения с участниками процесса по вопросам экспертизы без разрешения следователя или судейской инстанции, а также самостоятельного поиска доказательственного материала.

Любые экспертные заключения, полученные вследствие несанкционированных контактов и действий эксперта, следует исключать из перечня законных доказательств по уголовному делу.

Процессуальная независимость экспертов гарантируется ст. 7 ФЗ № 73-ФЗ «ОГСЭД», их процессуальная самостоятельность, обеспечивается независимостью от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела, и возможностью отвода.

Дополнительная ответственность эксперта заключается в защите конфиденциальности информации, известной в ходе исследования, охраняемой государственными, коммерческими и иными законодательно установленными тайнами, и в бережном отношении к предметам, которые представлены ему для исследования, а также к документам дела, тем самым оберегая их от порчи и потери.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет — портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I. — Ст. 4921; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.04.2023.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25, Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.04.2023.
4. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 07.01.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, N 23, 04.06.2001, Ст. 2291; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.01.2021.
5. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории: для использования в учебном процессе по специальности «Судебная экспертиза» / Т. В. Аверьянова. — Москва: Норма, 2008. — 225 с.
6. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. / Р. С. Белкин. — Москва: Норма, 2001. — 265 с.

7. Грачев, С. А. Расследование дорожно-транспортных преступлений / С. А. Грачев. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 127 с.
8. Жукова, Н. А. Трасология и трасологическая экспертиза / Н. А. Жукова. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 229 с.
9. Зуев, С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве / С. В. Зуев. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 193 с.
10. Ильин, Н. Н. Судебные экспертизы в уголовном процессе / Н. Н. Ильин. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 212 с.
11. Манова, Н. С. Уголовный процесс: учебник / Н. С. Манова. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 272 с.
12. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. — Москва: Норма, 2006. — 315 с.
13. Эксархопуло, А. А. Криминалистическая техника : учебник и практикум для вузов — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. С. 75.

Современные способы изготовления поддельных денежных знаков

Лебедева Анастасия Максимовна, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Анализируются аспекты проблемы определения подлинности банкнот, основанные на выявлении и изучении наиболее распространенных способов их подделки: полной и частичной. На основе анализа данных способов подделки выделены и систематизированы наиболее часто встречающиеся современные способы имитации основных элементов полиграфической, технологической и физико-химической защиты, отражены их разновидности и признаки.

Ключевые слова: денежные знаки и документы, подделка банкнот и документов, средства защиты.

Фальшивомонетничество является актуальной проблемой современного мира. В условиях глобального прогресса изменяются и развиваются методы и способы изготовления поддельных денежных средств. Для эффективного предупреждения и пресечения данного вида преступлений необходимо разобраться в современных способах изготовления поддельных денег.

Бумажные денежные знаки являются законным средством платежа и часто подвергаются подделке. Фальсификация (подделка) банкнот — это искажение подлинных денежных знаков и изготовление поддельных с целью их выдачи за настоящие, сбыта и получения дохода [1]. Для достижения указанных целей используются различные средства и материалы, применяются разнообразные способы. В распоряжении преступников имеется современная техника и технологии, которые делают возможным изготовление высококачественных поддельных банкнот. В связи с тем, что изготовление поддельных денежных знаков предполагает равные денежные затраты независимо от номинала, то наиболее часто встречаются поддельные купюры более 1000 рублей (около 75 % — 5000 рублей; 18 % — 1000 рублей). В 2023 году в банковской системе Российской Федерации было обнаружено 12 425 поддельных денежных знаков, в том числе 8 856 поддельных пятитысячных банкнот, 2 438 поддельных банкнот номиналом 1000 рублей и 671 поддельная банкнота номиналом 2000 рублей. Меньше всего выявлено поддельных банкнот номиналом 10 рублей (1 штука). Подделка меньшего номинала является нерента-

бельной для злоумышленников [2]. Рассмотрим наиболее часто применяемые способы и средства.

Стоит отметить, что анализ юридической литературы показывает различные основания классификации способов подделки денежных знаков: по способам изготовления; по материалам, применяемым при изготовлении; по способам имитации элементов защиты; по методам выявления; другие.

Наиболее распространенной и удобной является следующая классификация: частичная подделка; полная подделка — без элементов защиты, с элементами защиты, с имитацией элементов защиты денежных знаков.

Под частичной подделкой понимается «изменение номинала настоящего денежного знака» [4]. Частичная подделка денежных знаков может быть различной: заклейка обозначений достоинства денежных знаков фрагментами бумаги с нанесенными на них изображениями нового цифрового и буквенного достоинства; подчистка обозначений достоинства денежных знаков с последующим нанесением новых обозначений рукописным способом, с использованием специально изготовленного клише, трафаретной печати; забеливание обозначений достоинства денежных знаков с последующим нанесением нового изображения.

Под полной подделкой следует понимать изготовление фальшивых денежных средств при помощи разнообразных способов печати.

Среди данных способов можно выделить следующие виды: глубокая печать; высокая печать; плоская офсетная

печать с нерастрированных печатных форм; плоская офсетная печать с растрированных печатных форм; термография; трафаретная печать (ризография); изготовление способами репрографии; струйная печать [5].

На данный момент наименее распространенным способом подделки купюр является рисование. При использовании такого способа злоумышленник воспроизводит с нуля купюру от руки при помощи туши, акварели, карандашей, гелевых ручек. Низкая распространенность таких фальшивок обуславливается следующими факторами:

- 1) необходимостью большого количества времени на изготовление одного денежного знака;
- 2) необходимостью наличия высоких художественных навыков;
- 3) простотой выявления поддельной природы купюры.

Поддельные денежные билеты схожи с подлинными по способу полиграфического воспроизведения, физико-химическому составу красителей, наличию специальных средств защиты. Однако различия легко выявляются при проведении стандартных экспертиз, назначаемых при расследовании данной категории преступлений.

По причине высокой трудности изготовления средств защиты денежных знаков современные фальшивомонетки изготавливают полные подделки с имитацией средств защиты. В зависимости от способов подделки определенных видов защиты денежных знаков можно привести следующую классификацию [3]:

1) имитация элементов полиграфической защиты: подлинной бумаги, глубокой металлографской печати, высокой печати (в серийных номерах), плоской офсетной печати, орловской печати;

2) имитация элементов технологической защиты: водяного знака, защитных волокон, защитной нити, кинеграммы, микротекста, защитной нити, микроперфорации;

3) имитация элементов физико-химической защиты: УФ-люминесцентной краски (ультрафиолетовой защиты), оптически переменной краски, микрокапсул;

4) пропитка бумаги масляными, смолистыми или воскообразными веществами;

5) бескрасочное тиснение.

В условиях ускоренного технологического прогресса способы подделки денежных средств быстро развиваются. Однако отдельные виды защиты банкнот воспроизвести невозможно. Это обусловлено тем, что в случае отклонения от заводской технологии и использования иного оборудования признаки фальшивых денежных знаков становятся видны невооруженным взглядом.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующий закономерный вывод. Фальшивомонетничество является глобальной проблемой. Стремительно развивающиеся технологии способствуют улучшению качества поддельных денежных знаков, что препятствует их выявлению. Таким образом, следует уделять больше внимания изучению вопроса способов подделки банкнот для предупреждения и пресечения данного вида преступлений.

Литература:

1. Авдошин, В. В. Определение подлинности и платежеспособности денежных знаков : методическое пособие / В. В. Авдошин. — 4-е изд. — М. : ИнтерКрим-пресс, 2017. — 216 с. — ISBN 978-5-9286-0168-3.
2. Берова, Д. М. Способы частичной подделки документов и их выявление / Д. М. Берова, В. А. Гаужаева // Проблемы в российском законодательстве. — 2019. — № 5.
3. Ефременко, Н. В. Современные способы подделки денежных знаков и документов / Н. В. Ефременко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 14. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-sposoby-poddelki-denezhnyh-znakov-i-dokumentov> (дата обращения: 20.12.2025).
4. Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России (2023 г.) // Банк России : [сайт]. — URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/2023/ (дата обращения: 20.12.2025).
5. Углева, Е. Ю. Способы подделки и защиты бумажных денежных знаков: история и современность / Е. Ю. Углева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 1 (14). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-poddelki-i-zaschity-bumazhnyh-denezhnyh-znakov-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 20.12.2025).

Сложности диагностики и классификации самодельного огнестрельного оружия в криминалистике

Лисова Мария Алексеевна, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Статья посвящена актуальным проблемам криминалистической диагностики и классификации самодельного огнестрельного оружия. Анализируются нормативные основы отнесения объектов к огнестрельному оружию и рассма-

триваются классификационные критерии самодельного оружия в судебной баллистике. На основе анализа актуальной судебной практики демонстрируются проблемы квалификации деяний, связанных с самодельным оружием, и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: самодельное огнестрельное оружие, судебная баллистика, судебная экспертиза, переделка оружия.

Проблемы противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия сохраняют высокую актуальность уже на протяжении многих лет, в том числе и по сей день. Наблюдается устойчивая тенденция к использованию самодельных и переделанных образцов, что ставит перед правоохранительными органами и экспертными учреждениями комплекс сложных задач, связанных с выявлением, изъятием и квалификацией самодельного огнестрельного оружия.

Практически значимым является первостепенное выделение признаков огнестрельного оружия у объекта судебно-баллистической экспертизы в ходе исследования. Следует обратиться к ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [2], определяющей огнестрельное оружие как оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. Справедливо заметить, что вышеупомянутый федеральный закон не содержит понятия «самодельного огнестрельного оружия», однако резонно обратиться к п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 [3], указывающему, что к огнестрельному оружию можно относить «все виды боевого, служебного и гражданского огнестрельного оружия, в том числе изготовленные самодельным способом». Закон также выделяет основные части огнестрельного оружия — ствол, затвор, барабан, рамку, ствольную коробку — являющихся его основными деталями, однако которое может иметь и «иные детали, конструктивно предназначенные обеспечивать нормальное функционирование конкретного образца огнестрельного оружия».

Ст. 223 УК РФ [1] детализирует понятие незаконного изготовления огнестрельного оружия — под ним понимается его создание, в том числе путем переделки каких-либо предметов в огнестрельное оружие, а также ремонт или изменение технических характеристик оружия, если это привело к его непригодности для стрельбы либо к изменению характеристик, влияющих на безопасность.

В судебной баллистике огнестрельное оружие классифицируется по назначению, видам, способу производства, длине ствола, устройству канала ствола, числу стволов и т. д. По способу изготовления различают группы заводского, кустарного и самодельного огнестрельного оружия.

Самодельное огнестрельное оружие представляет собой особый объект криминалистического исследования. Как отмечает И. В. Латышов в процессе анализа формат производства оружия, оцениваемый как самодельный, характеризуется выбором несложных схем конструкции и работы автоматики, распространенностью образца патрона, простыми технологическими прие-

мами изготовления и сборки, а также низким качеством оружия. При этом выработанная наукой система признаков самодельного способа изготовления бывает эффективна далеко не для всех случаев экспертных исследований. [7, с. 176]

Экспертным опытом подтверждается, что достаточно часто в процессе исследования диагностика осложняется рядом факторов — во-первых, самодельное оружие часто не имеет аналогов среди серийных образцов, что затрудняет его идентификацию и классификацию; во-вторых, в отличие от заводского оружия, которое проходит сертификацию на соответствие государственным стандартам (ГОСТ), самодельное оружие не имеет и не может иметь нормативно закреплённых параметров или технических условий, что делает невозможным применение стандартных критериев оценки его исправности и пригодности (например, для заводских образцов известна минимальная дульная энергия, калибр, нарезка ствола и т. д. Для самодельного же — отсутствуют даже минимальные требования к кучности или пробивной способности); наконец, в-третьих, нередко возникает необходимость дифференцировать самодельное огнестрельное оружие от конструктивно сходных с ним изделий, не являющихся оружием (например, от макетов, муляжей, сигнальных устройств). Подобное атипичное оружие может изготавливаться в виде бытовых предметов (фонарики, брелоки, зажигалки), для которых определяется конструктивная предназначённость для поражения цели. Однако для самодельных объектов этот признак неочевиден.

Экспертная диагностика строится на доказательстве наличия у самодельного огнестрельного оружия совокупности обязательных критериев, которые отличают его от сходных конструкций. Важнейшим критерием является конструктивная пригодность (или иначе говоря — оружейность). Предмет должен быть конструктивно предназначен для совершения выстрела, то есть иметь необходимые элементы: ствол для направления полёта снаряда, запирающее устройство, обеспечивающее герметизацию канала ствола и выдерживающее давление пороховых газов, а также ударно-спусковой механизм для инициирования выстрела. При этом внешнее сходство с заводским оружием или наличие маркировки не являются решающими — решающее значение имеет именно конструкция.

Второй критерий — функциональная пригодность (огнестрельность). Предмет должен быть пригоден для производства выстрела за счёт энергии метательного заряда. Как правило, в заводском варианте оружия для этих целей используется порох, а в самодельном огнестрельном оружии вместо него может использоваться любое другое взрывчатое метательное вещество (например, само-

дельные пороха на основе смеси окислителя и горючего вещества). Эксперт устанавливает в данном случае принципиальную возможность выстрела, даже если для этого требуется ремонт.

Следующий критерий — безопасность или надёжность, т. е. оружие должно обеспечивать безопасность стреляющего и целостность конструкции: выстрел не должен приводить к разрушению оружия или причинению вреда стрелку. Это один из наиболее спорных критериев для самодельного оружия, поскольку как показывает практика его использование является крайне ненадёжным, в отличие от заводского оружия, которому присущ данный критерий.

Помимо общих признаков огнестрельного оружия, существуют специфические признаки конкретно самодельного способа изготовления. К ним относятся: примитивность конструкции; использование подручных материалов (стволы из металлических трубок, ложе из дерева, крепление деталей сваркой или изолентой); низкое технологическое качество (примитивная обработка деталей, наличие следов ручного инструмента). Именно низкое качество и отсутствие признаков профессиональной обработки отличают самодельное оружие от кустарного, которое может быть изготовлено с высоким качеством, но без соблюдения государственных стандартов.

Интересным для анализа представляется приговор Никольского районного суда Вологодской области от 10 марта 2025 года в отношении ФИО1, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 223 и частью 1 статьи 222 Уголовного кодекса РФ. По делу установлено, что подсудимый, имея умысел на незаконный оборот оружия, в период с 2021 по 2022 год переделал газовый пистолет в боевой 9-мм нарезной, самостоятельно снарядил 64 патрона к нему, а также в разное время приобрел, хранил и перевозил крупные партии боеприпасов (535 охотничьих патронов калибра 7,62x39 мм, 50 патронов 9x18 мм и т. д.) и охотничий карабин «ТОЗ-16». Экспертное заключение от 24.09.2024 № ХХ-кэ прямо указывает — «представленный на экспертизу предмет является пистолетом калибра 9 мм, без номера, изготовленным (переделанным) самодельным способом путем замены ствола, вероятно, у газового пистолета модели «ИЖ-79» («МР-79») или сигнального пистолета модели «МР-371» и т. п., и относится к категории самодельного (переделанного) нарезного короткоствольного огнестрельного оружия». Заводской газовый или сигнальный пистолет имеет ствол, конструктивно не предназначенный для стрельбы боевыми пулями (часто с перегородками или меньшим диаметром). ФИО1 самостоятельно, с помощью молотка, заменил штатный ствол на «бланк ствола

огнестрельного нарезного оружия — пистолета Макарова», что придало оружию боевые свойства. Экспертиза отметила отсутствие уникального серийного номера на основных частях, свидетельствующего о факте самодельного производства, а также установила, что переделанный пистолет пригоден для использования по назначению (производству выстрела), что окончательно подтвердило, что переделка была успешной и оружие приобрело свойства боевого нарезного. [4]

Особого внимания заслуживает вопрос о необходимости дифференциации самодельно изготовленного и переделанного огнестрельного оружия. Как указывает А. Э. Ментовский, такая дифференциация имеет принципиальное значение при производстве судебно-баллистических экспертиз и влияет на правовую квалификацию деяний по ст. 223 УК РФ. При этом к переделке относится изменение конструкции оружия, которое приводит к изменению его технических характеристик или утрате пригодности к стрельбе. [8, с. 21]

Анализ судебной практики свидетельствует о большом количестве модификаций приобретённого оружия с целью последующего незаконного сбыта — в Ломоносовском районном суде г. Архангельска житель областного центра был признан виновным в приобретении в период с ноября по декабрь 2020 г. и в декабре 2021 г. двух сигнальных пистолетов МР-371, которые самодельным способом переделал под два короткоствольных гладкоствольных огнестрельных оружия, пригодных для производства выстрелов как патронами травматического действия калибра 9 мм, так и самодельно снаряженными патронами 9 мм с металлическими пулями. Оружие было сбыто за 20 тыс. рублей за каждое. Осужденному назначено наказание в виде 5 лет 6 месяцев лишения свободы, его соучастнику — 8 лет 6 месяцев лишения свободы. [5]

В качестве перспективных направлений развития представляются первоочередно внесение в ст. 1 ФЗ «Об оружии» легального определения «самодельного огнестрельного оружия»; унификация критериев отнесения объектов к самодельному огнестрельному оружию; разработка единых методических рекомендаций для судебно-баллистических экспертиз; также возможна дифференциация уголовной ответственности по ст. 223 УК РФ в зависимости от степени «самодельности» (полное изготовление, переделка или производство ремонта списанного и иного огнестрельного оружия) посредством внесения соответствующих изменений в санкции данной статьи, конкретизировав разграничения в том числе на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (п. 11).

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 04.04.2026);
2. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 23.03.2026) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 04.04.2026);

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (с изм. от 11.06.2019) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 04.04.2026);
4. Никольский районный суд г. Никольска. Приговор от 09.03.2025 по делу № 1–12/2025 — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BkdsNAVr41Zm/> (дата обращения: 04.04.2026);
5. Ломоносовский районный суд г. Архангельска. Приговор от 29.01.2024 по делу № 1–5/2024 (1–182/2023). — URL: <https://xn—90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn—p1ai/73648632> (дата обращения: 04.04.2026);
6. Злобин С. Г. О некоторых способах изготовления самодельного огнестрельного оружия на основе списанного оружия и их криминалистические признаки // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 3. — С. 152–155;
7. Латышов И. В. Актуальные вопросы криминалистической классификации самодельного огнестрельного оружия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2020. — Т. 20, вып. 2. — С. 174–180;
8. Ментовский, А. Э. О дифференциации самодельно изготовленного и переделанного огнестрельного оружия / А. Э. Ментовский // Энциклопедия судебной экспертизы. — 2021. — № 2(29). — С. 14–37.

Проблемы разграничения составов получения взятки и коммерческого подкупа при квалификации деяний с использованием криптовалюты

Лисова Мария Алексеевна, студент

Научный руководитель: Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Статья посвящена проблемам квалификации получения взятки (ст. 290 УК РФ) и коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ), совершаемых с использованием криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта, взятка, коммерческий подкуп, разграничение составов, должностное лицо, конфискация криптовалюты.

Разграничение составов получения взятки (ст. 290 УК РФ) и коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ) [1] при квалификации деяний, предметом которых выступает криптовалюта на сегодняшний день приобретают особую значимость в связи с активной цифровизацией экономических отношений и распространением криптовалют как средства платежа и накопления как в трансграничном пространстве, так и на территории отдельных государств.

Динамичное развитие цифровой области привело к появлению новых объектов преступных посягательств и изменению традиционных способов совершения преступлений, а криптовалюта, обладая свойствами анонимности и высокой ликвидности, стала активно использоваться в коррупционных схемах. До недавнего времени отсутствие легального определения криптовалюты в уголовном законе создавало непреодолимые трудности для правоприменителя. Однако ситуация кардинально изменилась с принятием Федерального закона от 20.02.2026 № 38-ФЗ [5], который внёс изменения в статью 104.1 УК РФ и дополнил УПК РФ статьей 164.2 «Особенности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий». Согласно нововведениям, цифровая валюта признаётся на данный момент имуществом для целей

уголовного судопроизводства, что позволяет применять к ней все нормы о конфискации, аресте и признании вещественным доказательством. В ч. 2 статьи 104.1 УК РФ прямо закреплено, что цифровая валюта признаётся имуществом для целей данной и других статей Кодекса, а значит, что на неё распространяются все нормы о конфискации имущества, полученного преступным путём. Закон также детально прописывает процедуру изъятия: следователь может изъять материальный носитель (аппаратный кошелек, флешку), либо перевести криптовалюту на специальный адрес-идентификатор, подконтрольный государству.

Для правильной квалификации деяний, связанных с передачей криптовалюты в качестве незаконного вознаграждения, необходимо чётко разграничить составы получения взятки и коммерческого подкупа. Диспозиция статьи 290 УК РФ определяет получение взятки как получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том

числе когда взятка в виде имущества передаётся, а услуги имущественного характера оказываются в пользу взяткополучателя или представляемых им лиц) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц; когда как коммерческий подкуп понимается по смыслу ст. 204 УК РФ как незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передаётся, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию). Резонно отметить, что данные дефиниции не называют цифровую валюту в качестве предмета взятки и коммерческого подкупа, что создаёт определённые коллизии и требует конкретной доработки, поскольку цифровая валюта не может входить ни в категорию «денег», т. к. не обладает признаками денег как формы национальной валюты, ни в категорию «иного имущества» и требует отдельного упоминания. Статья 128 ГК РФ в качестве «иного имущества» указывает «цифровые права» и «цифровые рубли», которые некорректно отождествлять с понятием «цифровой валюты», которая, в свою очередь, по смыслу ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» [2] принципиально существенно отличается от данных понятий, а именно является «совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе...». [6]

Ключевым признаком взятки является статус субъекта — должностное лицо, то есть лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооружённых Силах РФ, других войсках и воинских формированиях. Коммерческий подкуп, напротив, имеет схожую специфику, но отличается по субъекту и сфере деятельности: субъектом является лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Объективная сторона здесь выражается в первом случае в противоправном получении должностным лицом предмета взятки лично или через посредника, во втором — в незаконной передаче лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, различных форм поощрений, либо каких-либо услуг (в обоих случаях, прежде всего, в интересах дающего).

Различен и объект посягательства — взятка является неким инструментом дестабилизации нормальной деятельности публичного аппарата, а именно посягает на государственную власть, интересы государственной службы и органов местного самоуправления, в то время как коммерческий подкуп посягает на интересы коммерческих и иных организаций, а также нарушает принципы честной конкуренции в рыночной экономике.

Интересен момент разграничения субъективной стороны в части цели и мотива данных преступлений. Что касается взятки, в диспозиции корыстная цель прямо не названа, но она выводится из сущности преступления. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взятках и об иных коррупционных преступлениях» [4] указывает, что получение взятки всегда предполагает корыстную заинтересованность — незаконное обогащение за счёт предоставляемых благ. Однако мотив не является обязательным признаком основного состава: для квалификации по ч. 1–5 ст. 290 достаточно установить прямой умысел на получение выгоды имущественного характера. Лишь в некоторых квалифицированных видах (например, вымогательство взятки — п. «б» ч. 5 ст. 290) мотив «вымогательства» влияет на квалификацию, но он не сводится к корысти, а предполагает особый способ воздействия.

В отношении коммерческого подкупа закон так же не называет корыстную цель в качестве обязательного элемента. Однако подкуп рассматривается как деяние, совершаемое из корыстной или иной личной заинтересованности. Иная личная заинтересованность может выражаться, например, в желании продвинуться по карьерной лестнице, получить поддержку в бизнесе и т. п. Таким образом, можно констатировать, что субъективная сторона коммерческого подкупа шире: мотивом может быть не только личное обогащение, но и извлечение выгоды для третьих лиц или самой организации, если это противоречит её законным интересам.

Вместе с тем при квалификации деяний с использованием криптовалюты вызывают особые трудности и иные факторы. Во-первых, существует проблема установления стоимости предмета преступления, поскольку размер взятки или коммерческого подкупа является квалифицирующим признаком (значительный, крупный, особо крупный размер), а волатильность курса криптовалют создаёт проблему определения размера на момент совершения преступления. Во-вторых, анонимность блокчейна усложняет доказывание принадлежности криптовалюты конкретному лицу. В-третьих, разграничение составов в смешанных структурах представляется особенно проблематичным, когда взятка передаётся должностному лицу, но через посредников, действующих от имени коммерческих структур, либо, когда криптовалюта передаётся в качестве коммерческого подкупа лицу, выполняющему управленческие функции в организации с государственным участием. В таких ситуациях суду необходимо устанавливать, действовало ли

как должностное (в силу делегированных ему властных полномочий) или как представитель коммерческой организации.

Анализ судебной практики, сформировавшейся в последние годы, позволил выявить определённую адаптацию правоприменителя, несмотря на значительные проблемы в регулировании данной сферы. В постановлении суда апелляционной инстанции по делу Тамбиева и Ляховенко бывший следователь Марат Тамбиев совместно с Кристиной Ляховенко вымогал у хакеров группировки *Infraud Organization* 2718 биткоинов и 1,5 млн долларов США, общая сумма взятки составила 7,3 млрд рублей. Тамбиев был осуждён по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере), Ляховенко — в качестве соучастницы. Суд признал биткоины предметом взятки, несмотря на отсутствие прямого указания в законе, обосновав это тем, что криптовалюта имеет имущественную ценность и используется как средство платежа [5]. Ещё одним интересным примером является дело Георгия Сатюкова — бывшего сотрудника Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ) МВД, обвиняемого в получении взяток в криптовалюте на сумму более 5 млрд рублей от администратора криптобиржи *Wex* за покровительство и сокрытие незаконной деятельности, при этом официальный доход Сатюкова за годы службы составил менее 10 млн рублей. Был обвинён в получении взяток в особо крупном размере (часть 6 статьи 290 УК) и в посредничестве в этом (статья 291.1 УК). Зюзинский районный суд Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры о конфискации активов Сатюкова на сумму более 5 млрд рублей, что продемонстрировало на практике механизм обращения взыскания на криптовалютные активы, даже если физические носители скрыты за рубежом [7]. Интересна также региональная практика — в Костромской области директор муниципального ресурсоснабжающего предприятия в г. Шарья предоставил предпринимателю производственное помещение для майнинга криптовалюты, а в качестве взятки получил возможность использования одного системного блока для производства криптовалюты, а также зачисление на его счёт на майнинг-площадке не менее 256 тыс. рублей. Суд квалифицировал это по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки в крупном размере), указав, что взятка получена не в виде готовой криптовалюты, а в виде оборудования для май-

нинга (системного блока) и доступа к майнинг-мощностям, что является «иным имуществом» и «услугами имущественного характера».

На основе анализа судебной практики и выявленных проблем хотелось бы предложить ряд изменений в законодательство, которые позволили бы устранить существующие коллизии. Во-первых, необходимо провести унификацию понятийного аппарата, внося изменения в примечания к ст. 290 и ст. 204 УК РФ или редакцию в диспозиции статей, прямо указав, что цифровая валюта (криптовалюта) признаётся предметом взятки и коммерческого подкупа для целей данных составов. Во-вторых, следует ввести правила определения размера — дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 разъяснением о том, что размер взятки (коммерческого подкупа) в криптовалюте определяется на момент совершения преступления исходя из рыночного курса, подтверждённого заключением эксперта, и в случае последующей волатильности курса для квалификации имеет значение первоначальная стоимость. В-третьих, требуется разграничение составов в организациях смешанной формы собственности, а именно внести дополнения в постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24, разъясняющие, что лицо, выполняющее управленческие функции в организации с государственным участием, подлежит ответственности по ст. 290 УК РФ только в том случае, если оно наделено властными полномочиями от имени государства, в ином случае — нести ответственность по ст. 204 УК РФ. В-четвёртых, можно рассмотреть возможность введения квалифицирующего признака для ст. 290 и ст. 204 УК РФ — «совершение деяния с использованием цифровой валюты или криптовалюты», что позволит учитывать повышенную общественную опасность таких деяний в связи с их трансграничностью и латентностью.

Существующая практика демонстрирует сохраняющиеся проблемы — сложность определения стоимости, доказывания принадлежности активов и разграничения составов по субъектному признаку. Предложенные изменения в законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ позволят устранить выявленные противоречия и повысить эффективность противодействия коррупции в цифровой среде.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 21.03.2026);
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 01.01.2026) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 21.03.2026);
3. Федеральный закон от 20.02.2026 N 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 21.03.2026);

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 21.03.2026);
5. Апелляционное определение № 33–39520/2023 Никулинского районного суда г. Москвы от 28.09.2023 // Электронный фонд Московского городского суда. — Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/civil/details/45334a60-a93a-11ed-8e8f-e135a71a1613> (дата обращения: 21.03.2026);
6. Филимонов, А. Д. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа: проблема квалификации в правоприменительной практике / А. Д. Филимонов // Мы против коррупции: сборник статей по итогам международного студенческого молодежного антикоррупционного форума, Тюмень, 09 декабря 2022 года. — Тюмень: Тюменский государственный университет, 2022. — С. 193–197. — EDN VDSYDX. 196;
7. Зюзинский районный суд города Москвы: официальный сайт. — URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zyuzinskij>.

Актуальные вопросы заключения договора на торгах

Маслина Илона Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Зайцева Юлия Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются порядок заключения договора на торгах, преимущества и проблемы регулирования данной процедуры, а также роль торгов в гражданском обороте. Определяются последствия уклонения победителя торгов от заключения договора, анализируется соотношение понятий торгов и договора, заключенного на торгах, приводятся разные точки зрения по вопросу определения роли извещения о проведении торгов.

Ключевые слова: торги, договор, заключение договора, электронные торги, извещение.

Глава 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) определяет торги как один из способов заключения договора. Более детально порядок заключения договора на торгах закреплен в статье 447 ГК РФ. На торгах может быть заключен любой договор, если иное не вытекает из существа самого договора [1].

Особенности заключения контрактов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд определяются Федеральным законом от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2].

Торги могут проводиться в форме аукциона или конкурса, а также в иных формах, например, путем публичного предложения, в порядке, предусмотренном частью 4 статьи 139 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3].

В настоящий момент торги являются распространенным способом заключения договора, который до сих пор продолжает свое развитие и совершенствование. Торги возникают как результат развития рыночных отношений, при большом разнообразии предложений товаров и услуг, но отсутствии фиксированной цены на них. Таким образом, торги становятся инструментом выбора наиболее выгодного предложения. Торги основываются на принципах состязательности и конкуренции, обеспечивают прозрачность процедуры при заключении государственных и муниципальных контрактов, а также коммерческих сделок.

Широкое применение торгов обусловлено высокой вероятностью наибольшего удовлетворения интересов сторон договора, в результате чего договор заключается на выгодных условиях и для организатора, и для участника торгов.

Проведение торгов осуществляют как индивидуальные предприниматели, так и организации, при чем как для достижения собственных хозяйственных целей, так и профессионально, в качестве специализированных организаций по проведению торгов. Роль подобных организаций в настоящее время в гражданском обороте непрерывно растет [5, с. 40].

С помощью процедуры торгов выявляется победитель, с которым по общему правилу в дальнейшем заключается договор, то есть торги выступают в качестве механизма приобретения различного рода прав. Однако эта норма не является императивной. Например, согласно абзацу 1 части 16 статьи 110 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в случае отказа или уклонения победителя торгов от подписания договора купли-продажи предприятия в течение пяти дней с даты получения указанного предложения внешнего управляющего внесенный задаток ему не возвращается и внешний управляющий вправе предложить заключить договор участнику торгов, которым предложена наиболее высокая цена предприятия по сравнению с ценой предприятия, предложенной другими участниками торгов, за исключением победителя торгов. При этом возможность заключения договора с иным участником торгов в случае уклонения

победителя от заключения договора предусмотрены не всегда. Например, согласно части 12 статьи 18 Федерального закона от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» при уклонении или отказе победителя аукциона либо лица, признанного единственным участником аукциона от заключения в установленный срок договора купли-продажи имущества задаток ему не возвращается, и он утрачивает право на заключение указанного договора. Оснований для заключения договора купли-продажи с участником аукциона, сделавшим следующее после победителя ценовое предложение, в этом случае не возникает [4].

Договор является фундаментальным институтом гражданского права с большой историей, однако он претерпевает изменения в связи с развитием цифровизации, в том числе в сфере проведения торгов, что приводит к ускорению процесса заключения договоров.

При этом нельзя отождествлять понятия торгов и договора, заключенного по результатам торгов, они соотносятся как средство и результат [7, с. 4]. Посредством торгов определяются условия договора, предлагает их организатор.

Для проведения торгов публикуется извещение, требования к которому определены статьей 448 ГК РФ (сведения о времени, месте и форме торгов, об их предмете, о существующих обременениях продаваемого имущества и о порядке проведения торгов, в том числе об оформлении участия в торгах, определении лица, выигравшего торги, а также сведения о начальной цене). Единый

подход к определению роли извещения о проведении торгов не выработан: некоторые цивилисты рассматривают извещение в качестве оферты по отношению к тому договору, который будет заключен по результатам торгов, из которой возникает обязанность заключить договор с отозвавшимся на проведение торгов. Протокол о результатах торгов в данном случае называют предварительным договором. Мотивирована данная позиция тем, что в ряде случаев в связи с отказом от проведения торгов, организатор обязуется возместить реальный ущерб участникам торгов. Однако оферта должна содержать все существенные условия договора, что устанавливается статьей 435 ГК РФ, в то время как извещение данному требованию не отвечает. Так же и обязанность заключить договор не возникает при подаче заявки [6, с. 56]. в связи с вышеизложенным, извещение о проведении торгов стоит рассматривать в качестве односторонней сделки организатора торгов.

Другой проблемой применения законодательства о заключении договора на торгах является разнообразие законодательного регулирования и разрыв между общими гражданско-правовыми положениями и специальным законодательством, которые развиваются автономно.

В заключение важно отметить, что торги и договор, заключенный по результатам торгов, являются единым юридическим составом. Заключение договора на торгах обеспечивает прозрачность процедуры и высокий уровень конкуренции. Несмотря на некоторые проблемы нормативного регулирования, торги направлены на сохранение баланса интересов сторон договора.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года: одобрен Советом Федерации 30 ноября 1994 года]. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
2. Российская Федерация. Законы. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон № 44-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 марта 2013 года: одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 года]. — Москва, 2013. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
3. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ: [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года: одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года]. — Москва, 2002. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
4. Российская Федерация. Законы. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон № 178-ФЗ: [принят Государственной Думой 30 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. — Москва, 2001. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
5. Гатаулина, Л. Ф. Актуальные вопросы конкуренции в сфере проведения торгов / Л. Ф. Гатаулина. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2014. — № 1 (22).
6. Фоминых, О. М. Признание недействительными торгов и заключенных на них договоров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. — 227 с. — Текст: непосредственный.
7. Хмиль, И. В. Актуальные вопросы торгов, как института гражданского права / И. В. Хмиль, И. В. Ясина. — Текст: непосредственный // Colloquium-Journal. — 2020. — № 5–8(57). — С. 28–30.

Тактические и процессуальные аспекты производства следственных действий при расследовании коррупционных преступлений

Мельникова Ангелина Евгеньевна, студент магистратуры
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В статье анализируются тактические и процессуальные особенности производства ключевых следственных действий по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности. Рассматриваются проблемы, возникающие при проведении обыска, допроса, задержания с поличным и назначении судебных экспертиз, с учетом современных тенденций правоприменительной практики 2023–2025 годов. Особое внимание уделено использованию специальных знаний и технических средств, а также психологическим аспектам взаимодействия с фигурантами. Предлагаются направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: коррупционные преступления, следственные действия, тактика расследования, обыск, допрос, задержание с поличным, судебная экспертиза.

Расследование преступлений коррупционной направленности традиционно представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных задач правоохранительных органов. Специфика данной категории уголовных дел обусловлена высокой степенью латентности, интеллектуальным уровнем субъектов преступлений, наличием у них административных и финансовых ресурсов для противодействия следствию, а также возможностью уничтожения доказательств и давления на участников уголовного судопроизводства. В этих условиях успех расследования во многом зависит от своевременного и качественного производства отдельных следственных действий, каждое из которых обладает собственной тактической спецификой. Как справедливо отмечает А. И. Канунник, важным условием качественного расследования преступлений является надлежащее взаимодействие следователя с органами дознания, особенно при проведении следственных действий, требующих оперативного сопровождения [2, с. 10].

Одним из наиболее значимых следственных действий по делам о коррупции является обыск, производство которого имеет ярко выраженные тактические особенности. В отличие от общеуголовных преступлений, при расследовании взяточничества и злоупотребления должностными полномочиями обыски, как правило, носят множественный и одновременный характер. Это обусловлено необходимостью предотвратить уничтожение доказательств и сговор между фигурантами. Обыски проводятся по месту жительства и работы подозреваемого, по адресам проживания его родственников, а также в иных местах, где могут находиться предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела. Особое внимание уделяется поиску электронных носителей информации, черновых записей, аудио- и видеозаписей. В 2024–2025 годах в следственной практике значительно участились случаи обнаружения криптовалютных активов и цифровых кошелей, используемых для получения незаконного вознаграждения, что требует от следователя специальных знаний в области цифровых финансовых технологий. При этом нередко возникает проблема, когда фигуранты успевают уничтожить информацию на электронных носи-

телях. Однако, как отмечается в юридической литературе, некоторые оперативные подразделения обладают техническим потенциалом для восстановления уничтоженных данных, что существенно повышает результативность обысков [2, с. 12].

Допрос подозреваемого (обвиняемого) по делам о коррупционных преступлениях практически всегда проходит в конфликтной ситуации. Высокопоставленные должностные лица, обладающие развитыми коммуникативными навыками и знанием уголовно-процессуального законодательства, часто избирают линию защиты, основанную на отрицании умысла и квалификации полученных ценностей как законного вознаграждения, подарка или возврата долга. Тактически значимым является максимальная детализация показаний: выяснение конкретных обстоятельств знакомства с взяточдателем, места и времени передачи предметов, их индивидуальных признаков, а также последующих действий. Эффективным приемом является предъявление доказательств в порядке нарастания их значимости, что позволяет лишить допрашиваемого возможности построить последовательную ложную версию. Кроме того, в последние годы все чаще применяется аудио- и видеозапись хода допроса, что не только фиксирует показания, но и оказывает психологическое воздействие на допрашиваемого, снижая вероятность последующего отказа от показаний [4, с. 57].

Допрос свидетелей по делам о коррупции сопряжен с риском оказания на них давления со стороны заинтересованных лиц. Свидетелями по данной категории дел выступают, как правило, подчиненные должностного лица, контрагенты по государственным контрактам, а также лица, чьи права были нарушены коррупционными действиями. Тактически важным является установление психологического контакта со свидетелем, разъяснение ему правовых последствий дачи ложных показаний и, при наличии угроз, обеспечение мер государственной защиты. На первоначальном этапе расследования допросы свидетелей позволяют установить круг лиц, осведомленных о противоправной деятельности должностного лица, а также получить информацию о его образе жизни, связях

и финансовых операциях. Как показывает практика, наиболее информативными являются показания лиц, которые непосредственно участвовали в передаче предметов взятки или оформлении подложных документов [3, с. 35].

Задержание с поличным представляет собой комплексное тактическое мероприятие, направленное на изъятие предмета взятки и документирование факта незаконного вознаграждения. Успех задержания зависит от правильной оценки места и времени передачи денег или ценностей, использования технических средств фиксации, включая аудио-, видеозапись и специальные химические вещества-маркеры. В практике расследования коррупционных преступлений широко применяется оперативный эксперимент, позволяющий задокументировать факт передачи взятки в условиях контролируемых правоохранительными органами. Однако, как отмечает Э. В. Садьюка, задержание на месте преступления имеет целью не только изъятие предметов преступления, но и оказание сильного психологического воздействия на виновного, что впоследствии может способствовать получению правдивых показаний [3, с. 36]. Вместе с тем сохраняется процессуальная проблема: задержание нередко проводится до возбуждения уголовного дела, а личный обыск задерживаемого в этот момент невозможен, что создает риски утраты доказательств. В связи с этим высказываются предложения о расширении полномочий следователя на стадии проверки сообщения о преступлении [5, с. 30].

Назначение и производство судебных экспертиз имеет ключевое доказательственное значение по делам о коррупционных преступлениях. Наиболее распространены являются судебно-бухгалтерская экспертиза, устанавливающая противоречия между данными первичного учета и фактическим движением денежных средств; почерковедческая экспертиза, позволяющая идентифицировать исполнителя документов; технико-криминалистическая экспертиза документов, выявляющая признаки подделки и определяющая время изготовления документа; а также трасологическая экспертиза, исследующая следы рук и иные материальные следы. В последние годы все чаще назначаются экспертизы аудио- и видеозаписей, позволяющие установить подлинность фонограммы и идентифицировать личность говорящего. Как указывается в современных исследованиях, полезность такого рода экспертиз при коррупционных преступлениях очевидна, поскольку данные деяния совершаются в конфиденциальных формах, а преступники принимают особые меры предосторожности [3, с. 37]. Кроме того, в 2024–2025 годах в правоохранительных органах обсуждается возможность использования усовершенствованных психофизиологических исследований (полиграфа) с целью выявления у подозреваемых следов памяти о совершенных коррупционных деяниях, хотя на сегодняшний день применение таких методов ограничено требованием добровольного согласия [4, с. 59].

Важной тенденцией последних лет является активное использование в расследовании коррупционных преступлений результатов оперативно-розыскной деятельности,

в частности, материалов, полученных в ходе прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи. Однако законодательное ограничение, установленное ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», запрещает проведение указанных мероприятий по преступлениям небольшой тяжести [1, ст. 8]. Это существенно затрудняет расследование отдельных составов коррупционных преступлений, например, предусмотренных ч. 1 ст. 290 УК РФ (получение взятки в небольшом размере). Решение данной проблемы видится либо в ужесточении санкций соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации, либо во внесении изменений в оперативно-розыскное законодательство, что позволит перевести отдельные нормы в категорию преступлений средней тяжести. При изучении материалов оперативно-розыскных мероприятий следователю необходимо обращать внимание на их процессуальное оформление, поскольку типичными ошибками являются отсутствие постановления на проведение мероприятия, утверждение постановления ненадлежащим лицом, а также нарушение особого порядка проведения мероприятий в отношении лиц, обладающих специальным статусом.

Эффективность расследования коррупционных преступлений во многом зависит также от своевременного наложения ареста на имущество подозреваемого. В следственной практике возникают сложности, связанные с тем, что за время получения следователем судебного решения о наложении ареста фигурант успевает принять меры по передаче активов третьим лицам. Представляется, что данную проблему можно решить путем внесения изменений в УПК РФ в части расширения полномочий следователя по наложению ареста на имущество коррупционера и членов его семьи до судебного решения, с последующим уведомлением суда. В 2025 году практика конфискации активно применялась в отношении бывших высокопоставленных чиновников, что подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования правовых механизмов обеспечения имущественных взысканий по делам о коррупции [6, с. 12]. Таким образом, особенности производства отдельных следственных действий по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности обусловлены спецификой способов совершения этих преступлений, личностью фигурантов и характером доказательственной базы. Успех расследования напрямую зависит от грамотного тактического планирования, своевременного использования специальных знаний, а также эффективного взаимодействия следователя с оперативными подразделениями и экспертными службами. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в части расширения полномочий следователя на этапе проверки сообщения о преступлении и внедрение современных технических средств документирования коррупционных схем будут способствовать повышению качества расследования и неотвратимости ответственности для виновных лиц.

Литература:

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон № 144-ФЗ от 12.08.1995 (ред. от 02.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 49. Ст. 7345.
2. Канунник А. И., Курмаева Д. М. Взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками и экспертами при расследовании преступлений коррупционной направленности // Вестник Пензенского государственного университета. 2023. № 2. С. 9–14.
3. Садьюка Э. В. Тактические особенности предварительного расследования по делам о коррупционных преступлениях // Российский следователь. 2025. № 1. С. 32–37.
4. Яшин А. В. Актуальные проблемы расследования коррупционных преступлений на современном этапе // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С. 55–60.
5. Санькова Е. В. Задержание с поличным как тактическая операция при расследовании взяточничества // Законность. 2023. № 8. С. 28–32.
6. Отчет Главного информационно-аналитического центра МВД России о состоянии преступности коррупционной направленности в Российской Федерации за 2024 год. М., 2025. 87 с.

Особенности сбора и фиксации цифровых доказательств на первоначальном этапе расследования коррупционных преступлений

Мельникова Ангелина Евгеньевна, студент магистратуры
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В статье исследуются актуальные вопросы сбора и процессуальной фиксации цифровых доказательств на первоначальном этапе расследования преступлений коррупционной направленности. Автор проанализирована правовая природа цифровых доказательств и их место в системе уголовно-процессуального доказывания. Особое внимание уделено тактическим особенностям производства следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие электронных носителей информации, осмотр цифровой переписки в мессенджерах и социальных сетях, а также назначение компьютерно-технических экспертиз. Выявлены ключевые проблемы правоприменительной практики, связанные с обеспечением допустимости цифровых доказательств, соблюдением конституционных прав граждан на тайну переписки и отсутствием единообразных алгоритмов работы с электронной информацией. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и тактико-криминалистического обеспечения деятельности следователя в условиях цифровой трансформации преступности.

Ключевые слова: цифровые доказательства, коррупционные преступления, первоначальный этап расследования, электронные носители информации, осмотр, изъятие, компьютерно-техническая экспертиза, допустимость доказательств.

Современный этап развития общественных отношений характеризуется всеобъемлющей цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности, включая государственное управление и экономический оборот. Указанные процессы закономерно отражаются и на характере преступной деятельности. Коррупционные преступления, традиционно отличавшиеся высокой степенью латентности и конспиративности, сегодня все чаще совершаются с активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), цифровых валют и электронных средств коммуникации. Взятки передаются посредством криптовалютных транзакций, сговор на торгах осуществляется через закрытые чаты в мессенджерах, а финансовые махинации маскируются под легальный электронный документооборот.

В этих условиях традиционные подходы к собиранию и фиксации доказательственной информации, ориен-

тированные преимущественно на работу с материальными объектами и бумажными документами, демонстрируют недостаточную эффективность. Классические критерии допустимости доказательств, сформированные в эпоху «бумажного» делопроизводства, сталкиваются с новыми вызовами при оценке цифровых данных. Первоначальный этап расследования коррупционных преступлений приобретает в данном контексте особое значение, поскольку именно на этой стадии закладывается доказательственная база, а промедление с обнаружением и фиксацией цифровых следов может привести к их безвозвратной утрате либо умышленному уничтожению заинтересованными лицами.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе особенностей сбора и процессуальной фиксации цифровых доказательств на первоначальном этапе расследования коррупционных преступлений, выявлении

существующих проблем правоприменительной практики и формулировании предложений по их разрешению.

Правовая природа цифровых доказательств и проблемы их процессуального статуса. Прежде чем перейти к рассмотрению тактических аспектов работы с цифровыми доказательствами, необходимо определиться с их правовой сущностью. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит легальной дефиниции «цифровое доказательство» или «электронное доказательство», что порождает серьезные теоретические и практические затруднения. Отсутствие определения электронных доказательств в УПК РФ существенно осложняет их понимание и использование в уголовном судопроизводстве.

В науке уголовного процесса сформировалось несколько подходов к решению данной проблемы. Одни исследователи полагают, что цифровая информация вполне укладывается в существующую систему доказательств и может быть отнесена к категории «иных документов» (ст. 84 УПК РФ). Другие настаивают на необходимости выделения электронных доказательств в качестве самостоятельного средства доказывания. Примечательно, что судебная практика последних лет признает сообщения из мессенджеров, электронную переписку и иные цифровые материалы допустимыми доказательствами при условии их получения законным способом и надлежащего процессуального оформления.

Представляется, что развитие уголовно-процессуального законодательства должно идти по пути нормативного закрепления понятия цифровых доказательств и детальной регламентации порядка обращения с ними. Следует добавить в УПК РФ нормы, посвященные электронным доказательствам, электронным носителям, компьютерной информации, правилам фиксации, описи и изъятия электронных носителей информации.

Особенности собирания цифровых доказательств на первоначальном этапе расследования. Первоначальный этап расследования коррупционных преступлений характеризуется высокой степенью информационной неопределенности и необходимостью оперативного реагирования на поступающие сведения. В контексте работы с цифровыми доказательствами ключевое значение приобретают следующие следственные действия: осмотр места происшествия, обыск, выемка и осмотр электронных носителей информации.

Осмотр и изъятие электронных носителей информации. При производстве осмотра места происшествия по делам о коррупционных преступлениях следователь должен уделять повышенное внимание обнаружению и фиксации электронных устройств, которые могут содержать значимую для дела информацию. К таковым относятся персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, мобильные телефоны, внешние накопители данных, серверное оборудование, а также различные «умные» устройства (смарт-часы, фитнес-браслеты), способные хранить информацию о местонахождении и коммуникациях владельца.

Принятие Федерального закона от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ, дополнившего УПК РФ статьей 474.1, стало важным шагом в регулировании обращения с электронными доказательствами, однако детальный анализ показывает, что российское законодательство лишь частично решает вопросы, связанные с электронными доказательствами. В частности, остается открытым вопрос о правомерности доступа к личным данным на мобильных устройствах без судебного решения, что порождает риски признания полученных доказательств недопустимыми.

Тактические рекомендации по изъятию электронных носителей информации включают в себя обязательное участие специалиста в области компьютерной техники, который способен квалифицированно произвести копирование данных, обеспечить сохранность информации в неизменном виде и предотвратить ее утрату либо модификацию. Кроме того, при изъятии носителей электронной информации участие специалиста обязательно, что вполне корреспондирует с общими положениями закона.

Осмотр мобильных телефонов и компьютерной техники. Осмотр мобильного телефона представляет собой одно из наиболее информативных следственных действий по делам о коррупционных преступлениях. В памяти современного смартфона могут содержаться сведения о контактах фигурантов, истории переписки в мессенджерах, фотографии документов, данные о транзакциях в банковских приложениях, геолокационные метки и иная информация, имеющая доказательственное значение.

Однако производство данного следственного действия сопряжено с рядом неразрешенных вопросов правоприменения. Актуальность знания последовательности осмотра мобильного телефона определяется тем, что они напрямую связаны с повышением эффективности и качества расследования преступлений. Спорным является вопрос о возможности исследования переписок без судебного решения, отсутствует алгоритм действий следователя при осмотре переписок в социальных сетях и мессенджерах.

Анализ Конституции Российской Федерации, Всеобщей декларации прав человека и решений высших судебных органов позволяет сделать вывод о необходимости соблюдения баланса между интересами следствия и защитой конституционных прав граждан на тайну переписки. Представляется целесообразным получение судебного разрешения на осмотр содержимого мобильных устройств в тех случаях, когда такой осмотр затрагивает охраняемую законом тайну личной переписки.

Фиксация цифровой переписки в мессенджерах и социальных сетях. Особую сложность в практической деятельности вызывает процессуальное оформление переписки в мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Viber и др.) и социальных сетях. Российский Уголовно-процессуальный кодекс (статья 84) допускает использование переписки в качестве доказательства, если она прошла процедуру заверения.

В правоприменительной практике сложилось два основных способа фиксации такой информации: осмотр мобильного устройства с участием понятых и специалиста с подробным описанием содержания переписки в протоколе, а также нотариальное удостоверение электронной переписки. Каждый из указанных способов имеет свои преимущества и недостатки. При осмотре следователь непосредственно воспринимает информацию, что повышает достоверность ее фиксации, однако существует риск утраты данных до момента осмотра. Нотариальное заверение обеспечивает сохранность информации на определенный момент времени, но требует дополнительных временных и финансовых затрат.

Назначение компьютерно-технических экспертиз как способ легализации цифровых доказательств. Важнейшим инструментом введения цифровой информации в уголовный процесс является назначение и производство судебных экспертиз. По делам о коррупционных преступлениях наиболее востребованными являются компьютерно-техническая, фоноскопическая и видеотехническая экспертизы.

Инженеры по цифровой судебной экспертизе могут восстанавливать удаленные файлы, анализировать интернет-активность и расшифровывать зашифрованные данные, предоставляя гораздо более широкий спектр доказательств, чем традиционные методы. Это приобретает особую значимость в ситуациях, когда подозреваемые предпринимают активные меры по уничтожению компрометирующей информации.

Кроме того, при расследовании коррупционных преступлений в сфере публичных закупок важную роль играет судебно-экономическая экспертиза, которая позволяет выявлять расхождения в отчетности и оценивать ущерб на основе анализа финансовой документации. Внедрение цифровых технологий (Big Data, машинное обучение) открывает новые возможности для автоматизации поиска аномалий в данных Единой информационной системы (ЕИС) в сфере закупок.

Проблемы обеспечения допустимости цифровых доказательств. Ключевой проблемой, с которой сталкиваются правоприменители при работе с цифровыми доказательствами, является обеспечение их допустимости. В науке уголовного процесса сформировалось устойчивое представление о четырех основных критериях допустимости доказательств: надлежащий субъект получения, надлежащая форма, надлежащий способ получения и надлежащий порядок процессуального оформления. Однако применение этих критериев к цифровым доказательствам выявляет существенные теоретические и практические проблемы.

Во-первых, цифровая информация обладает такими свойствами, как легкая изменяемость, возможность копирования без потери качества и отсутствие жесткой привязки к материальному носителю. Это порождает сложности в установлении аутентичности и целостности цифровых данных, а также в определении их первоисточника.

Во-вторых, отсутствие в УПК РФ четкой регламентации порядка работы с цифровыми доказательствами приводит к тому, что следователи вынуждены действовать по аналогии с традиционными доказательствами, что не всегда учитывает специфику электронной информации. Как справедливо отмечается в научной литературе, практика ждет от науки принципиально новую трактовку электронных доказательств, не вписывающуюся в традиционные методологические схемы.

В-третьих, серьезную проблему представляет соблюдение конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Вопрос о возможности исследования переписок без судебного решения остается дискуссионным.

Пути совершенствования правового регулирования и тактико-криминалистического обеспечения. На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию работы с цифровыми доказательствами при расследовании коррупционных преступлений:

1. Нормативное закрепление понятия цифровых доказательств. Необходимо дополнить УПК РФ статьей 74.1, содержащей легальную дефиницию цифровых доказательств, определяющую их признаки и место в системе средств доказывания.
2. Разработка детального алгоритма осмотра мобильных устройств. Требуется внесение изменений в гл. 24 УПК РФ посредством дополнения специальной нормой об осмотре мобильного устройства и содержащейся на нем информации, а также разработка Методики исследования переписок в социальных сетях и мессенджерах.
3. Совершенствование тактических приемов изъятия электронных носителей. Необходима унификация тактических рекомендаций по подготовке, проведению и фиксации результатов следственного осмотра, обыска и выемки, связанных с изъятием электронных носителей информации, с учетом последних достижений цифровой криминалистики.
4. Расширение возможностей судебных экспертиз. Целесообразно развитие экспертных методик, позволяющих исследовать цифровые следы коррупционных преступлений, включая транзакции с использованием криптовалют, коммуникации в зашифрованных мессенджерах и манипуляции с электронными документами.
5. Повышение квалификации следователей. Требуется внедрение специализированных программ повышения квалификации для сотрудников следственных органов, направленных на формирование компетенций в области цифровой криминалистики и работы с электронными доказательствами.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что цифровая трансформация общественных отношений и преступной деятельности коррупционной направленности требует адекватного ответа со стороны правоохранительной системы. Особенности собирания и фиксации

цифровых доказательств на первоначальном этапе расследования коррупционных преступлений обусловлены специфическими свойствами электронной информации, необходимостью оперативного реагирования и высокой вероятностью утраты либо умышленного уничтожения цифровых следов.

Ключевыми проблемами в рассматриваемой сфере остаются отсутствие легального определения цифровых доказательств в УПК РФ, недостаточная регламентация порядка осмотра мобильных устройств и переписок в мес-

сенджерах, а также сложности в обеспечении допустимости электронной информации в качестве доказательств.

Разрешение указанных проблем видится на пути комплексного совершенствования уголовно-процессуального законодательства, развития тактико-криминалистических рекомендаций и внедрения современных цифровых технологий в деятельность органов предварительного расследования. Только системный подход позволит обеспечить эффективное противодействие коррупционным преступлениям в условиях цифровой реальности.

Литература:

1. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 1. С. 30–35.
2. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11. № 2. С. 44–50.
3. Худякова О. Н. Применение цифровой криминалистики в расследовании коррупционных преступлений // Исследования молодых ученых: материалы СПБ Международ. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2025. С. 69–76.
4. Пономарева Н. С., Лебедева А. А. К вопросу о выявлении и расследовании преступлений коррупционной направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Современное право. 2025. № 4. С. 108–111.
5. Лапшина Е. Г. Использование судебно-экономической информации при выявлении и расследовании преступлений в сфере публичных закупок // Право и экономика. 2025. № 3. С. 54–61.
6. Кунышева А. А., Печерица Е. В. Судебно-экономическая экспертиза в расследовании коррупционных преступлений // Экономическая безопасность. 2025. № 2. С. 112–118.
7. Алиева Г. А. Использование современных криминалистических технологий в групповой методике расследования коррупционных преступлений // Экономика. Право. Общество. 2025. № 3. С. 45–51.
8. Проблемы получения информации доказательственного значения по преступлениям, совершённым посредством использования социальных сетей и мессенджеров // Наука и право. 2024. № 4. С. 122–128.
9. Осипенко А. Л., Гайдин А. И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Криминалистика и судебная экспертиза. 2024. № 1. С. 34–42.
10. Электронная информация и особенности ее собирания в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 34–40.
11. Яковлева Н. Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 117–126.
12. Арефьянов О. О. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2024. № 48 (547). С. 301–303.
13. Маевский С. С., Зайцева А. Н. Криминалистические технологии обнаружения, фиксации, изъятия цифровых следов преступления // Экономика. Социология. Право. 2025. № 2. С. 162–169.

Цифровые двойники в доказывании: 3D-моделирование места происшествия

Митрофанов Никита Валерьевич, студент;

Лозовой Олег Евгеньевич, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье исследуется процесс внедрения технологий трёхмерного моделирования в криминалистическую практику доказывания. Раскрывается понятие «цифрового двойника» применительно к месту происшествия, анализируются методы его создания — от наземного лазерного сканирования до фотограмметрии по материалам беспилотных летательных аппаратов. Особое внимание уделяется зарубежным кейсам, а также российской разработке-комплексу «Филин». Рассматриваются правовые аспекты допустимости цифровых моделей в уголовном процессе, включая их процессуальный статус и проблемы доказывания.

Ключевые слова: криминалистика, цифровой двойник, 3D-моделирование места происшествия, фотограмметрия, лазерное сканирование, допустимость доказательств, Forensic Twin, виртуальная реконструкция.

Введение

Криминалистика как наука, аккумулирующая передовые технические достижения для нужд правосудия, вступила в эпоху цифровой трансформации. Одним из достижений этого процесса явилась трёхмерная реконструкция места происшествия, активно применяющаяся следователями в странах Европы, США и постепенно — в России [1]. Ключевой концепцией, объединяющей разрозненные технологические решения, выступает понятие «цифрового двойника» или же Digital Twin — точной виртуальной копии физического объекта или пространства, синхронизированной с оригиналом.

В данной работе под цифровым двойником места происшествия понимается не просто визуализация, а интерактивная трёхмерная модель, обладающая метрической точностью и позволяющая проводить виртуальные осмотры, измерения и ситуационное моделирование событий преступления. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом числа преступлений, совершаемых в цифровой среде, и параллельным внедрением высокоточных средств фиксации обстановки в деятельность правоохранительных органов. Однако, как справедливо отмечают авторы научных публикаций, «до настоящего момента в доктрине национального уголовного процесса не предпринималось попыток определить место 3D видеомоделирования в доказывании по уголовным делам» [2], что создаёт правовую неопределённость и сдерживает внедрение технологии.

1. Технологическая основа создания цифровых двойников

Создание достоверной трёхмерной копии места происшествия возможно несколькими методами, каждый из которых обладает специфическими преимуществами и ограничениями.

Первый метод — наземное лазерное 3D-сканирование. Высокоточные LiDAR-сканеры: Trimble TX5 и другие модели, позволяют оператору в течение нескольких минут получить миллионы точек с привязкой к реальным координатам, формируя «облако точек» с погрешностью до 1–2 мм [1]. Данная технология незаменима при документировании дорожно — транспортных происшествий, так как позволяет фиксировать положение транспортных средств и следов торможения в любую погоду и даже в полной темноте [2].

Второй метод — фотограмметрия, технология, преобразующая серию двумерных фотографий в трёхмерную модель путём выявления и сопоставления общих точек на разных снимках. Как подчёркивается в зарубежном исследовании, «инновации в области фотограмметрии ближнего радиуса действия позволяют следователям вы-

полнять неограниченное количество высокоточных измерений на месте преступления или аварии непосредственно по стандартным фотографиям, сделанным на месте» [3]. Фотограмметрия может быть реализована как с помощью профессиональных камер, так и — в упрощённом варианте — посредством съёмки на смартфон. Именно этот подход составил основу студенческого проекта Казанского федерального университета «Цифровой двойник места происшествия в уголовном делопроизводстве», где предлагается создавать виртуальные копии помещений с последующей их обработкой нейронными сетями.

Особую ценность представляет воздушная фотограмметрия с использованием беспилотных летательных аппаратов, позволяющая создавать 3D-модели труднодоступных и протяжённых мест происшествий — лесных массивов, горных перевалов, мест падения воздушных судов [4].

2. От теории к практике: резонансные кейсы

Показательным примером эффективности цифровых двойников служит расследование дела о возможном жестоком обращении с младенцем, проведённое группой немецких учёных под руководством Свена Беккера. Единственной уликой оказалась видеозапись с мобильного телефона низкого разрешения, сделанная родителями за шесть дней до смерти ребёнка. На видео ребёнок лежал на подушке. Необходимо было установить, имела ли место аномальная окружность головы уже на момент съёмки. Используя методы 3D-реконструкции по видеоматериалу, эксперты создали трёхмерную сцену, измерили в ней параметры головы младенца и подтвердили выводы судебно-медицинского эксперта о том, что жестокое обращение имело место именно 13 июня 2021 года [5].

В России системное внедрение подобных технологий началось с принятия на вооружение военной полицией мобильных комплексов «Филин», представленных на форуме «Армия-2024». Комплекс создаёт 3D-модель места преступления без «слепых зон», в отличие от традиционного фотографирования, и позволяет дознавателям в любой момент вернуться в «законсервированную» обстановку для повторного изучения следов и измерения расстояний [6]. По заявлениям разработчиков, точность модели достигает 1 см на 100 м дистанции, а время сканирования типового помещения (20×20 м) не превышает 15 минут.

3. Правовой статус 3D-моделей в доказывании: вызовы и решения

Наиболее дискуссионным остаётся вопрос о допустимости цифровых моделей в качестве судебных доказательств. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ «3D-тех-

нологии практически никак не раскрываются» [7]. Однако в литературе сформировался консенсус, что 3D-модель не является самостоятельным доказательством, а представляет собой средство презентации иных доказательств, уже находящихся в деле, например, протокола осмотра и фототаблиц.

Зарубежная судебная практика выработала более детальные критерии. Так, в деле *Pugh v. State* (2022) суд штата Вайоминг постановил, что компьютерная анимация может быть принята в качестве демонстрационного доказательства при условии её аутентификации, релевантности и отсутствия риска необоснованного предубеждения присяжных. Эксперт, создавший анимацию, должен быть допрошен в суде, а исходные данные, будь то лазерные сканы и/или фотографии — предоставлены стороне защиты [9]. В более раннем деле *Commonwealth v. Serge* (2001) Верховный суд Пенсильвании разрешил демонстрацию компьютерной реконструкции перестрелки, основанной на заключениях экспертов-криминалистов и экспертов-баллистов, указав, что такая реконструкция служит наглядной иллюстрацией уже имеющихся выводов.

Для российской практики интерес представляет подход, предложенный С. Л. Кисленко и М. М. Менжегой: 3D-модель следует приобщать к протоколу осмотра места происшествия на электронном носителе, а в самом протоколе делать подробное описание процесса сканирования и применявшегося оборудования [1].

4. Концепция Forensic Twin: будущее цифровой криминалистики

Эволюционным развитием статичного 3D-моделирования выступает концепция «судебно-медицинского двойника» или же Forensic Twin, предложенная исследователем А. Акромии в 2025 году. В отличие от простой модели, Forensic Twin представляет собой архитектурную модель, обеспечивающую сбор, сохранность и доступность цифровых доказательств из окружения Интернета вещей (IoT) с помощью симуляционных технологий. Автор обосновывает, что такой подход позволяет не только фиксировать состояние объекта в момент осмотра, но и моделировать его изменения во времени, восстанавли-

вать удалённые данные и проверять альтернативные версии [3].

Параллельно развиваются исследования на стыке цифровых двойников и больших языковых моделей-LLM. В работе коллектива авторов под руководством П. Кока предлагается «проводить многомерную, основанную на симуляции, генерирующую гипотезы реконструкцию криминальных событий». Иными словами, следовательно в перспективе сможет задавать системе вопросы типа: «Что изменилось бы, если бы стрелявший стоял на метр левее?» — и получать визуализированный ответ с расчётом траекторий пуля.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. 3D-моделирование места происшествия и создание цифровых двойников являются не просто вспомогательными техническими приёмами, а новой парадигмой фиксации доказательственной информации, обладающей неоспоримыми преимуществами в точности, детализации и возможности последующего многократного анализа. Зарубежные кейсы, в частности дело о жестоком обращении с младенцем в ФРГ, убедительно демонстрируют, что 3D-реконструкция может стать решающим доказательством при отсутствии иных улик [5].

2. Для полноценной интеграции этой технологии в российское уголовное судопроизводство требуется внесение изменений в УПК РФ, определяющих процессуальный статус электронных 3D-моделей, порядок их сертификации и требования к аутентификации. Пока же правоприменители вынуждены руководствоваться разъяснениями, выработанными доктриной [2] [7].

3. Перспективным направлением развития выступает переход от статичных 3D-моделей к динамическим «криминалистическим двойникам»-Forensic Twin, интегрированным с системами видеоаналитики, IoT и искусственного интеллекта. Это позволило бы не только констатировать обстановку, но и моделировать альтернативные версии развития событий, что многократно повысит эффективность предварительного расследования [3].

Литература:

1. Кисленко С. Л., Менжега М. М. Использование современных технических средств в процессе фиксации результатов осмотра места происшествия [Электронный ресурс] // Вестник Института права Башкирского государственного университета. — 2024. — № 23. — URL: <https://vestnik-ip.ru/index.php/journal/article/view/308>.
2. Использование электронной 3D-модели в уголовно-процессуальном доказывании [Электронный ресурс] // Общество и устойчивое развитие. — 2024. — № 4. — URL: <https://obshtestvo-uyi.editorum.ru/ru/nauka/article/81497/view>.
3. Akremi A. ForensicTwin: Incorporating Digital Forensics Requirements Within a Digital Twin / A. Akremi // Computers. — 2025. — № 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/390089361_ForensicTwin_Incorporating_Digital_Forensics_Requirements_Within_a_Digital_Twin.
4. Becker S., Fritzsche T. H., Labudde D. The role of a digital twin in supporting criminal investigations — a case report about a possible abuse // Forensic Science, Medicine and Pathology. — 2024. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39023691>.

5. Военная полиция получит комплексы создания цифровых моделей мест преступлений [Электронный ресурс] // РЕН ТВ. — 2024. — 13 авг. — URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1250299-voennaia-politsiia-poluchit-kompleksy-sozdaniia-tsifrovyykh-modelei-mest-prestuplenii>.
6. Pugh v. State, 2022 WY 83, 516 P.3d 851 (Wyo. 2022) [Электронный ресурс] // vLex. — URL: <https://dockets.justia.com/docket/north-carolina/ncdce/7:2022cv00124/195748>.
7. Коньгин Р. А., Шестакова Л. А. Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. — 2017. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kompyuternogo-trehmernogo-modelirovaniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossiyskoy-federatsii>

Понятие принципов договорного права

Мифтахудинов Фярит Абзалtdинович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Договорное право представляет собой фундаментальный институт гражданского права, регулирующий общественные отношения, возникающие при заключении, исполнении и прекращении договоров. Настоящее исследование исходит из позиции, что договорное право является самостоятельным правовым институтом в системе гражданского права, поскольку оно представляет собой целостную совокупность взаимосвязанных правовых норм, регулирующих качественно однородную и обособленную группу общественных отношений — отношений, возникающих из соглашений (договоров). Данный институт основывается на определенных руководящих началах, которые в юридической науке принято называть принципами.

История становления и развития принципов договорного права имеет долгую и многогранную эволюцию, отражающую различные исторические и юридические контексты. Одним из первых и наиболее значимых этапов в развитии принципов договорного права является их становление в рамках римского права, где зародились основы таких понятий, как свобода договора и добросовестность, которые сохраняют свою актуальность и в современном праве. Потокин Ю. Н. отмечает, что «римское право сыграло ключевую роль в формировании институтов договорного права, определив основные принципы, такие как согласие сторон и обязательность исполнения договоров» [7, с. 174]. С развитием национальных правовых систем в Европе эти принципы продолжали эволюционировать, получая свое отражение в нормативных актах. В частности, в Германии концепция свободы договора, введенная в немецкий гражданский кодекс, стала основой для дальнейшего развития договорного регулирования. Е. А. Ахаймова подчеркивает, что «принцип свободы договора обеспечивает участникам обязательств возможность выбора условий и формы своих сделок» [1, с. 85].

Принцип добросовестности также был признан ключевым для эффективного регулирования договорных от-

ношений. Богданова Е. Е. указывает, что «принцип добросовестности является основой для предотвращения злоупотреблений правом в процессе выполнения договорных обязательств» [2, с. 1364].

В современной цивилистической доктрине существуют различные подходы к определению понятия «принципы договорного права». Е. А. Суханов определяет принципы договорного права как «основные начала, характеризующие сущность договорного права и отражающие объективные закономерности его развития» [9, с. 38]. В. В. Витрянский рассматривает принципы договорного права как «исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие сущность договорного права, его основы, закрепленные в нормах права, и обладающие устойчивостью и системностью» [4, с. 28]. Исходя из сказанного, можно определить принципы договорного права как основополагающие начала, закрепленные в нормах права или вытекающие из их содержания, которые выражают сущность и социальную направленность правового регулирования договорных отношений, определяют содержание юридических прав и обязанностей сторон договора, а также являются критериями оценки правомерности поведения участников договорных отношений. Сущность принципов договорного права раскрывается через их характерные признаки.

Во-первых, принципы договорного права имеют нормативный характер. Как отмечается в литературе, «принципы договорного права не сводятся к абстрактным идеям или рекомендациям, а представляют собой «нормативно-руководящие начала», закрепленные в нормах позитивного права и подлежащие непосредственному применению судами и участниками гражданского оборота».

Во-вторых, принципы договорного права отличаются устойчивостью и стабильностью, что обусловлено их фундаментальным характером. Они не подвержены частым изменениям, поскольку отражают объективные закономерности развития договорных отношений.

Вместе с тем, их содержание может наполняться новым смыслом в условиях меняющихся социально-экономических отношений (например, развитие принципа добросовестности).

В-третьих, принципы договорного права имеют общий характер. Как справедливо отмечается в литературе, «принципы права, в отличие от иных нормативных предписаний, имеют «весьма высокий уровень обобщения и абстрагирования нормативных предписаний», что обуславливает их универсальный характером» [3].

В-четвертых, принципы договорного права обладают системностью. Как отмечает Е. Сковинская, «принципы находятся в определенной взаимосвязи, образуя правовую политику договорных отношений, а также регулируют различные аспекты существования договора» [8, с. 2].

В-пятых, принципы договорного права имеют императивный характер. Как отмечает Э. А. Евстигнеев, договорная свобода ограничивается императивными нормами: условия, урегулированные в Гражданском кодексе императивно, нельзя урегулировать в договоре по-иному, иначе возникает риск недействительности сделки по статье 168 ГК РФ [5].

В-шестых, принципы договорного права имеют функциональную направленность. Как отмечает В. Н. Карташов, принципы права выполняют конструктивную и техническую функции: первая связана с формированием основ права, его базовых содержательных характеристик, вторая — с реализацией права в ситуациях, когда четкие модели поведения не установлены в нормах права, и тогда особую ценность приобретает абстрактная ориентация на правовую ценность [6, с. 19].

На основе проведенного исследования понятия принципов договорного права предлагается авторское определение принципов договорного права, как закрепленных в нормах гражданского законодательства либо вытекающих из их смысла основополагающих императивных начал, обладающих свойствами нормативности, устойчивости, общего характера, системности и функциональной направленности, которые выражают объективные закономерности и ценностные ориентиры договорного регулирования, определяют содержание прав и обязанностей сторон, служат критерием оценки правомерности поведения участников договорных отношений и выступают в качестве ориентира для законодателя, правоприменителя и субъектов гражданского оборота.

Литература:

1. Ахаимова Е. А. Принципы европейского договорного права основа совершенствования и развития договорного права // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 4.
2. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 2020.
4. Витрянский В. В. Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023.
5. Евстигнеев Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве. М.: Инфотропик Медиа, 2017.
6. Карташов В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2008. № 2.
7. Потокин Ю. Н. Влияние римского права на становление института договорного права в романо-германской правовой семье // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3.
8. Сковинская Е. Принцип стабильности договора в судебной практике: проблемы реализации // Материалы конференции Сибирского юридического университета. 2021.
9. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. Т. 3.

Понятие и система следов, изучаемых трасологией

Мкртумян Борис Артемович, студент;

Джуган Владислава Евгеньевна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Целью работы выступает изучение системы следов преступления в современной трасологии. Методы исследования включали в себя глубокий анализ юридической литературы по вопросам следообразования в современных условиях. По результатам исследования автором были обнаружены основные проблемы, связанные с изучением материальных следов в трасологии.

Ключевые слова: криминалистика, трасология, следы преступления, материальные следы, трасологическое исследование.

Concept and system of traces studied by tracology

Mkrtumyan Boris Artemovich, student;
Dzhugan Vladislava Evgenievna, student
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Krasnodar)

The purpose of the work is to study the system of crime traces in modern forensic science. The research methods included a thorough analysis of legal literature on the formation of traces in modern conditions. Based on the results of the study, the author identified the main problems associated with the study of material traces in forensic science.

Keywords: criminology, forensic science, crime traces, material traces, forensic examination.

Актуальность

Важнейшим разделом криминалистики является криминалистическая техника, которая представляет собой раздел криминалистики, включающий научные положения и систему технических средств, приемов и методов, используемых для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств при расследовании преступлений [1]. Сам раздел криминалистической техники также включает в себя несколько разделов, посвященных различными методами и техниками расследования уголовных преступлений. Так, среди указанных разделов мы можем выделить трасологию, в рамках которой осуществляется изучение определенных следов преступного деяния. В рамках данной исследовательской работы мы рассмотрим вопросы системы следов преступления, которые изучает современная трасология.

Методы исследования

В рамках исследовательской работы использованы различные методы научного исследования. Так, ключевым методом исследования в данной работе является анализ. В качестве объекта анализа использованы материалы научных изысканий, а также положения нормативно-правовых актов Российской Федерации.

Результаты исследования

В первую очередь обратим свое внимание на понятийный аппарат исследования: так, нам нужно установить, что из себя представляют трасология, а также следы преступления как объект исследования. В научных работах под трасологией принято понимать следующее: «раздел криминалистики, который изучает теорию следоведения и закономерности возникновения следов, отражающих механизм преступления» [2].

Объектом изучения трасологии выступают различные следы преступления. В указанном случае нам также необходимо изучить вопрос о том, что в современной трасологии рассматривается под понятием следов преступления. Отметим, что указанная тема часто становилась объектом научных изысканий в виду своей значимости для расследования реальных уголовных дел. Обращаясь

к доктрине криминалистики, мы можем установить, что под следами преступления понимается следующее: любые материальные изменения, возникшие в окружающей среде в результате подготовки, совершения или сокрытия преступления [3].

Отметим, что современная криминалистика изучает как материальные, так и идеальные следы преступлений, однако, в трасологии значение имеют только материальные следы преступлений, которые представляют собой предметные изменения окружающей обстановки, появившиеся, изменившиеся и исчезнувшие в результате совершения преступного деяния.

Стоит также отметить, что современная трасология не изучает следы преступления в хаотично. Напротив, в науке криминалистической техники формируются различные системы, в том числе система следов для изучения в рамках трасологии. Рассмотрим указанную систему более подробно.

1. Следы человека, которые изучаются по средствам гомеоскопии. Такие следы указывают как на личность жертвы, так и на личности предполагаемых преступников. К ним, к примеру, могут быть отнесены следы рук и ног человека, одежда и обувь и т. д.

2. Следы орудий и механизмов, которые изучаются в рамках механоскопии. Такие следы могут указывать на обстоятельства совершенного преступления, а также способы его совершения.

3. Следы транспортных средств, к которым можно отнести следы от шин, протекшее машинное масло и т. д.

4. Следы животных, к которым можно отнести: следы лап, подков, зубов.

Указанный перечень материальных следов преступления не является исчерпывающим. Более того к таким следам применяются и другие подходы к классификации, включая, к примеру, механизм образования материальных следов преступления.

Так, например, принято выделять статические и динамические следы преступления. Статические следы преступления образуются в момент покоя, отображают зеркальное строение объекта (например, отпечаток обуви).

Динамические следы, напротив, возникают при движении (скольжении), отображают рельеф в виде трасс [3].

Исследование следов преступления, изучающихся в современной трасологии, было бы неполным без указания

проблем данного института. В первую очередь необходимо отметить, что за последние несколько лет сильно поменялась сама структура материальных следов преступления. Развитие цифровизации приводит к тому, что на месте совершения преступления обнаруживают так называемые цифровые следы преступления, изучение которых определяет необходимость совершенствования техник трасологии путем внедрения новых информационных технологий.

Также не стоит забывать, что ключевой проблемой трасологии в Российской Федерации выступает практическая сторона вопроса. А именно эффективные фиксация, изъятие и сохранение следов преступления. Частой проблемой выступает случайное уничтожение следов сотрудниками правоохранительных органов, что негативно сказывается на дальнейшем исследовании указанных следов, а значит и на общем ходе расследования преступления.

Непосредственное исследование следов также сталкивается с практическими проблемами, например, в пределах изучения микроследов преступления. Указанная проблема связана с тем, что в современной трасологии отсут-

ствуют единые стандарты изучения таких следов преступления [4].

Еще одной проблемой современной трасологии выступает недостаточная автоматизация учета. Проблемы включают в себя внедрение современных технологий в криминалистические системы учета, что затрудняет использование следовой информации. Указанные проблемы также можно исправить по средствам инновационного развития технологий, применяемых для изучения следов в трасологии.

Заключение

Трасология представляет собой раздел криминалистики, который изучает теорию следоведения и закономерности возникновения следов, отражающих механизм преступления. Указанный раздел криминалистической техники изучает материальные следы преступлений, что помогает эффективному расследованию преступлений. Однако, представляется, что на практике трасологии не хватает более инновационных методов исследования, а также снижение уровня человеческого фактора.

Литература:

1. Криминалистика: основные понятия [Электронный ресурс] // Московский государственный юридический университет. — Режим доступа: [https://msal.ru/upload/medialibrary/ead/ijxsq26ubfupludjmhk12ifn05n1x26s.pdf#:~:text=криминалистической %20техники %20представляет %20собой %20совокупность %20научных %20положений,ходе %20раскрытия %2C %20расследования %2C %20пресечения %20и %20предупреждения %20преступлений.\(дата обращения: 15.04.2026\)](https://msal.ru/upload/medialibrary/ead/ijxsq26ubfupludjmhk12ifn05n1x26s.pdf#:~:text=криминалистической%20техники%20представляет%20собой%20совокупность%20научных%20положений,ходе%20раскрытия%2C%20расследования%2C%20пресечения%20и%20предупреждения%20преступлений.(дата%20обращения:15.04.2026))
2. Что такое трасология? [Электронный ресурс] // Институт судебных экспертиз и криминалистики. — Режим доступа: <https://ceur.ru/library/articles/dtp/item134146/> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Тхакохов А. А. Система трасологии / А. А. Тхакохов // Евразийский научный журнал. — 2016. — № 11. — С. 1–3.
4. Сидаренко О. В. Современные проблемы работы с трасологической следовой информацией / О. В. Сидоренко // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2022. — № 4 (63). — С. 121–126.

Незаконное предпринимательство в криптоиндустрии

Модонов Николай Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Гармышев Ярослав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье исследуется вопрос о возможности квалификации деятельности, связанной с оборотом криптовалюты, по статье 171 УК РФ. Обосновывается, что прежняя доктринальная постановка проблемы, сводившаяся преимущественно к спору о том, можно ли считать криптовалютный обмен видом предпринимательства, осуществляемого без регистрации или лицензии, становится неактуальной в связи с новеллами законодательства в последние несколько лет.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, криптовалюта, цифровые активы, майнинг, цифровизация

Illegal entrepreneurship in the crypto industry

This article examines the feasibility of classifying activities related to cryptocurrency circulation under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation. It argues that the previous doctrinal framing of the issue — which largely boiled down to a dispute

over whether cryptocurrency exchange could be deemed a form of entrepreneurial activity conducted without registration or a license, has become obsolete in light of legislative amendments introduced over the past few years.

Keywords: *illegal entrepreneurship, cryptocurrency, digital assets, mining, digitalization*

Современная дискуссия о незаконном предпринимательстве в сфере криптовалюты возникает на стыке уголовного, гражданского, финансового и налогового права, причем именно межотраслевой характер проблемы долгое время и порождал ошибочное мнение, будто сфера оборота криптовалюты представляет собой пространство, «полностью изъятая из правоприменения». Такая точка зрения на сегодня выглядит чрезмерно упрощенной.

Федеральный закон № 259-ФЗ закрепляет легальное определение цифровой валюты как «совокупности электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» [1]. Тем самым законодатель, не признавая криптовалюту законным платежным средством, все же вводит ее в сферу правового регулирования как особый объект гражданского оборота.

Особую значимость для обсуждаемой темы имеет то обстоятельство, что статья 14 Закона № 259-ФЗ не только устанавливает запрет принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги, но и прямо запрещает распространение информации о предложении и приеме цифровой валюты как способа оплаты, а с августа 2024 года — также предложение неограниченному кругу лиц цифровой валюты, товаров и услуг в целях организации обращения и обращения цифровой валюты [1]. Иными словами, законодатель формирует вокруг криптовалюты специальный режим ограниченного оборота, т. е. фактически криптовалюта является объектом гражданского права, ограниченного в обороте. Это принципиально важно, ведь если ранее защита строилась на тезисе о невозможности регистрации подобного бизнеса «в принципе», то сегодня необходимо различать, с одной стороны, оборот цифровой валюты как допускаемый в отдельных формах имущественный оборот, а с другой деятельность по организации ее обращения, публичному предложению и сервисному сопровождению таких операций, в отношении которой законодатель прямо использует ограничительно-запретительную модель.

Доктрина по рассматриваемому вопросу исторически можно сказать разделилась на два направления. Первое, представленное, в частности, Ю. В. Трунцевским

и А. Н. Сухаренко, исходила из того, что систематический обмен фиатных денежных средств на криптовалюту за комиссионное вознаграждение обладает всеми признаками предпринимательской деятельности и потому при отсутствии регистрации может образовывать состав незаконного предпринимательства [2]. Второе, поддержанное рядом авторов, включая М. М. Долгиеву, исходила из того, что квалификация по статье 171 УК РФ в подобных делах является, по существу, вынужденной, поскольку государство не создало «понятного» регистрационного и лицензионного механизма для операций по обмену криптовалютой, а значит, невозможно вменить лицу уклонение от легализации той деятельности, которая формально не имеет установленного законом пути легального допуска на рынок [3]. Именно эта коллизия между фактической экономической природой деятельности и отсутствие полноценного правового режима и образует ядро проблемы.

Наиболее известным практическим примером остается дело, рассмотренное Костромским областным судом в 2018 году, где деятельность интернет-сервисов Freshobmen.ru и Cashservise.com, обеспечивавших перевод денежных средств и куплю-продажу «титовых знаков» платежных систем и бирж, включая BTC-E, была признана предпринимательской деятельностью, осуществляемой без регистрации. [4] Суд апелляционной инстанции отверг довод защиты о том, что такая деятельность не могла быть зарегистрирована в качестве предпринимательской, сославшись на ее фактическое сведение к посредничеству в денежно-кредитной сфере.

Показательно и то, что первоначально обвинение строилось по статье 172 УК РФ, однако затем было пере-квалифицировано на статью 171 УК РФ именно потому, что криптовалюта не признавалась официальным денежным средством и соответствующие операции не могли быть отнесены к банковским. Данное дело долгое время воспринималось как едва ли не образцовый ориентир для правоприменения, однако в современных условиях его нельзя переносить на действующее законодательство, поскольку изменились и состав статьи 171 УК РФ, и статус цифровых объектов.

Ключевое значение имеет реформа статьи 171 УК РФ, произведенная Федеральным законом от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ. В действующей редакции основной состав незаконного предпринимательства больше не связан с извлечением дохода в крупном размере; теперь часть 1 статьи 171 УК РФ охватывает осуществление предпринимательской деятельности без регистрации, без лицензии либо без обязательной аккредитации лишь в том случае, если деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, тогда как квалифицирующий состав в части 2 связывается с совершением деяния организо-

ванной группой [5]. Это означает, что прежняя логика ряда публикаций и дел, в которых одним из признаков выступал именно «доход в крупном размере» от комиссий криптообменника, в значительной части утратила актуальность.

Следовательно, сегодня для вменения статьи 171 УК РФ недостаточно установить сам факт систематического обмена криптовалюты за вознаграждение; необходимо доказать либо причинение крупного ущерба, либо наличие иных квалифицирующих признаков, предусмотренных законом.

Еще более существенным является то, что в 2024–2026 годах российский законодатель последовательно отказался от концепции отсутствия правового регулирования криптовалюты.

С 1 ноября 2024 года специальным законом был введен особый режим правового регулирования майнинга — деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе (п. 3.1 ст. 1 Закона 259-ФЗ; иным языком «выпуск цифровой валюты посредством использования вычислительных мощностей»), предполагающий, в частности, запрет в РФ предложения неограниченному кругу лиц цифровой валюты, а также товаров (работ, услуг) в целях организации обращения и (или) обращения цифровой валюты; рекламу цифровой валюты, а также товаров (работ, услуг) в целях организации обращения и (или) обращения цифровой валюты; ведение реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты; Правительство сможет принимать решения о запрете осуществления майнинга (в том числе участия в майнинг-пулах) в отдельных регионах или на отдельных их территориях. С 1 января 2025 года вступили в силу специальные налоговые нормы, согласно которым цифровая валюта для целей налогообложения признается имуществом; а с 20 февраля 2026 года цифровая валюта была прямо признана имуществом и для целей УК РФ и УПК РФ [6].

Эти изменения демонстрируют, что государство признало реально сложившиеся отношения в сфере криптовалюты, их важность и влияние на общество. Следовательно, сама постановка вопроса «может ли криптовалютный бизнес вообще быть предпринимательством в классическом смысле этого слова» должна быть заменена иным вопросом: какие именно формы такой деятельности разрешены, ограничены, запрещены или требуют специального допуска (лицензирования).

Важным событием в вехе развития этой тенденции стало Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 года № 2-П. Суд указал, что действующее регулирование не может препятствовать судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного

обладания цифровой валютой и ее законного использования в обороте, если лицо представит сведения, подтверждающие допустимые законом основания получения и использования такого актива [7]. Хотя данное постановление не посвящено непосредственно статье 171 УК РФ, его значение для обсуждаемой темы трудно недооценить.

Конституционный Суд пишет: «С одной стороны, закрепив в ряде федеральных законов (от 7 августа 2001 года N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», от 25 декабря 2008 года N 273-ФЗ «О противодействии коррупции») и в Налоговом кодексе Российской Федерации для их целей принадлежность цифровой валюты к имуществу, законодатель недвусмысленно признал имущественные характеристики этого цифрового явления, по меньшей мере в особо обозначенном им круге общественных отношений. С другой стороны, в силу относительной новизны, технической специфики и динамичного развития феномена цифровой валюты в законодательстве пока не содержится ее юридической квалификации применительно к иным правоотношениям, помимо прямо указанных в законе. Формирование правового режима цифровой валюты в действующем правовом регулировании остается в ряде аспектов незавершенным.

Цифровая валюта наряду с иными виртуальными активами все чаще вовлекается в экономические процессы как средство, обладающее спросом и служащее для приобретения реальных вещей или прав, что с очевидностью свидетельствует о ее оборотоспособности. Более того, тенденции развития общественных отношений таковы, что наличие у цифровой валюты экономической ценности, измеримой в денежном выражении или в ином стоимостном эквиваленте, признается не только участниками гражданского оборота, имеющими доступ к информационным технологиям, но и — в неуклонно возрастающей степени — самим государством, даже если в отдельных вопросах использование цифровой валюты допускается им лишь в тестовом (экспериментальном) режиме».

Конституционный Суд фактически отверг представление о криптовалюте как об объекте, права на который в принципе не подлежат судебной защите, а значит, косвенно усилил и аргумент против того, что вся деятельность по обороту криптовалюты априори находится вне правоприменения.

Однако из сказанного не вытекает, что квалификация по статье 171 УК РФ всегда исключена. Напротив, в определенных случаях она возможна, но только при строгом соблюдении принципа законности. Если лицо систематически, на профессиональной основе, через интернет-инфраструктуру, обращенную к неопределенному кругу клиентов, организует возмездный сервис, обеспечивающий переход цифровой валюты между обладателями, принимает на себя посреднические функции, извлекает

комиссионный доход и тем самым фактически осуществляет предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, то формально-юридический элемент «без регистрации» может быть установлен [8]. Но и в таком случае после реформы 2024 года необходима дополнительная доказанность крупного ущерба либо иных признаков состава; одной лишь выручки, даже значительной, уже недостаточно. Иначе говоря, статья 171 УК РФ применима не к «криптовалюте вообще», а к некоторым организационным моделям сервиса по ее обращению, причем не вследствие самого факта использования цифровой валюты, а вследствие нарушения обязательного регистрационного режима предпринимательской деятельности и причинения вреда, охраняемым уголовным законом правам и интересам.

При этом сохраняется и обратный риск; риск чрезмерно расширительного применения статьи 171 УК РФ. Если законодатель прямо не установил лицензионный режим для конкретного вида криптовалютного посредничества, если деятельность не образует обязательного объекта лицензирования, а лицо не выступает как полноценный организатор рынка, а лишь совершает отдельные сделки по приобретению и отчуждению цифровой валюты, то инкриминирование незаконного предпринимательства может вступить в противоречие с принципом *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания закона»).

С позиции *de lege ferenda* (лат. «согласно закону, который должен быть принят», т. е. со стороны новеллизации) представляется необходимым двигаться не по пути произвольного расширения статьи 171 УК РФ, а по пути развития законодательства в целом. При этом уголовно-

правовая политика в данной сфере должна учитывать, что на март 2026 года правительство уже подготовило законопроект о введении отдельной уголовной ответственности за незаконный майнинг цифровой валюты и незаконную деятельность оператора майнинговой инфраструктуры, что свидетельствует о переходе к формированию специальных составов в цифровой среде [11].

Таким образом, ответ на вопрос, вынесенный в заголовке статьи, должен быть диалектическим. Незаконное предпринимательство с криптовалютой уже не является мифом в том смысле, что цифровая валюта более не находится вне правового регулирования: законодатель описал ее как объект оборота, ввел специальные запреты и ограничения, признал ее имуществом для целей налогообложения, уголовного и уголовно-процессуального права, а Конституционный Суд подтвердил допустимость судебной защиты прав, вытекающих из законного обладания ею. Но столь же неверно считать новой реальностью квалификацию любого криптовалютного обмена по статье 171 УК РФ. В нынешних условиях такая квалификация возможна только при внимательном рассмотрении каждого индивидуального спора, при наличии именно тех признаков состава, которые прямо закреплены в законе, и не может подменять собой специальное регулирование крипторынка. Следовательно, научно корректный вывод состоит в том, что перед нами не миф и не готовая универсальная модель правоприменения, а переходная реальность, ведь реакция на незаконный криптовалютный бизнес уже стала возможной, однако ее пределы по-прежнему требуют дальнейшего догматического размышления и дальнейшего развития законодательства.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Трунцевский Ю. В., Сухаренко А. Н. Противодействие использованию криптовалюты в незаконных целях: состояние и перспективы // Международное публичное и частное право. 2019. N 1. С. 43–47.
3. Долгиева М. М. Противодействие легализации преступных доходов при использовании криптовалюты // Вестник Томского государственного университета. 2019. N 4. С. 213–218.
4. Апелляционное определение Костромского областного суда от 18.10.2018 по делу N 22–827/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; ст. 171 УК РФ в действующей редакции // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 08.08.2024 N 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 29.11.2024 N 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 20.02.2026 N 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 N 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича». // СПС «КонсультантПлюс».
8. Русскевич Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. N 3. С. 106–125.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». // СПС «КонсультантПлюс».
10. Власти определили критерии допуска криптовалют на биржи. Законопроект «О цифровой валюте и цифровых правах» предусматривает три критерия для допуска иностранных криптовалют к торгам на российских биржах / 23.03.2026. Право.py // URL: <https://pravo.ru/news/262917/>.
11. Суринская Я. В России появится уголовная ответственность за незаконный майнинг // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/03/24/1184969-ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnii-maining>.

Честь, достоинство и деловая репутация в российском гражданском праве: актуальные проблемы в современном правовом поле

Мосийчук Даниил Александрович, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассматриваются такие категории, как честь, достоинство и деловая репутация, а также их нормативное закрепление. Поднимается вопрос об адаптации в цифровую эпоху.

Ключевые слова: *честь, достоинство, деловая репутация, нематериальные блага, проблемы нормативного закрепления, цифровое пространство.*

Настоящая работа актуальна в свете важности проблемы нормативного закрепления понятий чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве, так как в условиях современного общества, эти нематериальные блага играют ключевую роль в жизни частных лиц и организаций. Актуальность этих вопросов обусловлена рядом факторов, включая развитие цифровых технологий, изменения в социальной среде и активное развитие общественной жизни. Кроме этого, она обусловлена возрастающей значимостью защиты нематериальных благ в условиях цифровизации общественных отношений. В эпоху цифрового развития коммуникаций и социальных сетей существенно упрощается распространение информации, в том числе недостоверной и порочащей. Это создаёт реальные риски для чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц. Нарушение данных нематериальных прав влечёт серьёзные последствия: для граждан — утрату социального доверия, психологический дискомфорт, снижение профессионального статуса; для организаций — потерю клиентов и партнёров, падение рыночной стоимости, ухудшение конкурентных позиций. В этой связи особую важность приобретают эффективные правовые механизмы защиты, позволяющие: оперативно пресекать распространение порочащих сведений; восстанавливать нарушенные права; компенсировать причинённый моральный имущественный вред.

В российском гражданском праве понятия чести, достоинства и деловой репутации занимают важное место, являясь основой для защиты личных и имущественных прав граждан и юридических лиц. Однако существующие нормативные закрепления данных терминов вызы-

вают ряд вопросов, требующих детального рассмотрения. В законодательстве отсутствует легальное определение понятий чести, достоинства и деловой репутации. Отсутствие четкого определения приводит к правовой неопределённости в понимании этих понятий в судебной практике. Кроме этого, в законе отсутствует чёткая классификация нематериальных благ, что затрудняет их систематизацию и защиту. В части 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится открытый перечень нематериальных благ, который не является исчерпывающим. Закон называет следующие нематериальные блага: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага.

Суд каждый раз должен интерпретировать содержание понятий при рассмотрении подобных споров о защите чести, достоинства и деловой репутации. Это создаёт трудности как для граждан, стремящихся защитить свои права, так и для судов, которые должны рассматривать соответствующие гражданские дела.

Ученые-цивилисты на протяжении длительного периода времени продолжают попытки сформулировать определение данных понятий. Так, в частности, Ю. В. Молочков считает, что честь необходимо понимать как определенное внешнее отношение к человеку, как «грань его положительной репутации» [5, с. 8]. С точки зрения А. М. Эрделевского, честь представляет собой отражение качеств человека в общественном мнении, которое

сопровождается положительным публичной оценкой [8, с. 15]. Кроме этого, М. В. Сербин и Л. А. Сербина считают, что понятие чести включает следующие признаки: она неотчуждаема и принадлежит человеку с самого рождения; формируется при появлении моральных или иных качеств гражданина в обществе; имеет позитивную оценку, которую дают окружающие люди, и человек самостоятельно оценивает свои поступки [6, с. 30].

По мнению Л. О. Красавчикова, под достоинством подразумевают «известную самооценку личностью своих моральных, деловых и иных социальных качеств» [3, с. 24]. Кроме этого, М. В. Сербин и Л. А. Сербина выделяют несколько признаков понятия достоинства: оно принадлежит человеку с рождения; указывает на индивидуальные характеристики человека; является осознанием человека своих нравственных качеств, значимости в обществе; качества всегда положительные и складываются из сложившихся в данном обществе ценностей [6, с. 31].

Некоторые исследователи обращают внимание на тесную взаимосвязь чести и достоинства, говоря о том, что честь и достоинство являются единым явлением и оценочными категориями по отношению к гражданину, его личным качествам. Например, в работах О. А. Пешкова прослеживается позиция о том, что в основе чести и достоинства лежит единый определённый нравственный критерий [3, с. 53]. Однако превалирующим является мнение о том, что такие самостоятельные нематериальные блага, как честь, достоинство и деловая репутация связаны друг с другом неразрывно, поскольку оказывают влияние на статус личности в целом, ее положение в обществе и основы объективного восприятия окружающими. Поэтому защита чести и достоинства одновременно имеет место с защитой имени и неприкосновенности личной жизни. Условно это можно назвать защитой доброго имени и репутации в широком смысле, что служит необходимым ограничением злоупотребления свободой слова и массовой информации.

Так, Т. В. Черкасова, исследуя вопрос о содержании объема понятия репутация, пришла к выводу о том, что «репутация гражданина выступает в качестве родового понятия, в ее основе лежит достоинство личности, а наиболее высоким проявлением положительной репутации является честь» [7, с. 8]. С точки зрения А. М. Эрделевского деловая репутация представляет собой отражение профессиональных качеств человека в сознании общества, которое сопровождается положительной общественной оценкой [8, с. 23].

Таким образом, для решения проблем связанных с нормативным закреплением понятий чести, достоинства и деловой репутации требуется комплексный подход и системный анализ. Это поможет создать более эффективный механизм защиты нематериальных благ и снизить уровень правовых конфликтов в данной области. В первую очередь требуется устранить пробелы в нормативном регулировании, связанные с отсутствием однозначных определений таких понятий, как «нематериальные блага»,

«честь», «достоинство» и «деловая репутация», а также сформировать единый подход к их толкованию.

Современная эпоха характеризуется быстрым распространением информации. Социальные сети и онлайн-платформы позволяют мгновенно обмениваться мнениями, однако это же создает предпосылки для необоснованных нападков на честь и достоинство личности. Негативная информация может быстро распространяться и приводить к ущербу для деловой репутации, что подчеркивает необходимость более точного нормативного регулирования данной области. Вопрос защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети «Интернет» на сегодняшний день актуален как никогда ранее. Информационное общество характеризуется растущей значимостью технологий в решении как глобальных, так и повседневных задач, повышающейся ценностью информации и ускоряющейся динамикой её изменений. Совокупность этих факторов, на фоне стремительного развития цифровых технологий, формирует новые вызовы для правовой системы, требуя сокращения разрыва между действующим законодательством и уровнем технологического прогресса. Нерегулируемость отдельных аспектов общественных отношений, а также недостаточная обеспеченность механизмами защиты прав и законных интересов участников информационных процессов усложняют экономическую и правовую сферы, выступая препятствием для реализации многих инициатив.

Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Также в силу ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации гарантируется свобода массовой информации, запрещается цензура. Расширяя толкование, многие упускают из виду, что, согласно общему принципу, право одного лица прекращается там, где начинается право другого лица. К сожалению, в условиях активного развития средств массовой информации граждане, а также юридические лица всё чаще нарушают нормы нравственности, нанося ущерб таким нематериальным ценностям, как честь, достоинство и деловая репутация других людей.

Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации в условиях сети «Интернет» сталкивается с рядом неразрешённых вопросов. Особенно трудной при рассмотрении споров о правонарушениях, совершенных через цифровое пространство, является задача доказывания самого факта нарушения. Она включает в себя два аспекта: во-первых, правовые основания, порядок сбора и надёжность обеспечения доказательств; во-вторых — соответствие таких доказательств требованиям процессуального законодательства.

Не стоит игнорировать и проблему определения круга лиц, ответственных за нанесение ущерба нематериальным благам в сети «Интернет», а также возможности их привлечения к юридической ответственности. Основная трудность заключается в том, что один и тот же автор

может создать несколько сайтов, не раскрывая своих истинных данных. Поиск соответствующих аккаунтов требует значительных временных и ресурсных затрат, а недостаточная проработка законодательства в этой области лишь усиливает рост числа споров, связанных с оскорблением чести и достоинства граждан в сети. В то же время, нужно понимать, что отследить каждого посетителя и каждый комментарий нелегко, а зачастую практически невозможно.

Проанализировав вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что необходима адаптация законодательства к современным условиям, включая защиту чести и достоинства в контексте социальных сетей и интернет-платформ. Это требует разработки новых норм, которые бы учитывали особенности распространения информации в цифровой среде, а также механизмов защиты, действующих в рамках сети «Интернет». Быстрое развитие технологий ставит перед государством задачу совершенствования прогностической функции, а также трансформации подходов к нормотворческой и контрольно-надзорной деятельности. Власти должны не только уметь прогнози-

ровать тенденции в цифровой сфере, в том числе с применением передовых цифровых решений, но и предвосхищать необходимость в новых нормативных актах.

Таким образом, современное общество становится чувствительным к вопросам этики и морали. Ущемление чести и достоинства, а также негативное воздействие на деловую репутацию воспринимаются не только как юридические, но и как социальные проблемы, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к их регулированию. Первым шагом к улучшению правового регулирования является создание четких и однозначных определений понятий чести, достоинства и деловой репутации. Необходимо разработать отдельные нормативные акты, которые бы конкретизировали, что именно понимается под этими понятиями, а также критерии их защиты. Кроме этого, существует необходимость расширения действующего законодательства для определения четких норм, связанных с защитой чести, достоинства и деловой репутации. Важно обеспечить, чтобы эти нормы были адаптивными и учитывали быстро меняющийся характер общества и технологий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть 1 // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Гулина Н. М. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник магистратуры. 2018. № 1–2 (76). С. 53–55.
4. Красавчикова Л. О. Компенсация морального вреда субъектам экономической деятельности в случаях причинения вреда их деловой репутации // Юридический мир. — 2008. — № 8. — С. 12.
5. Молочков Ю. В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореферат дисс. канд. юр. наук. — Екатеринбург. 1993. — С. 19.
6. Сербин М. В., Сербина Л. А. Основные направления совершенствования гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации // В сборнике: Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2019. С. 30–32.
7. Черкасова Т. В. Гражданско-правовая защиты чести, достоинства и деловой репутации как форма социально правовой защищенности граждан. М. 2001. — С. 28.
8. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: Издательская группа ФОРУМ-ИНФРА-М, 1997. С. 240.

Терминологическая неопределенность понятий «ребенок», «малолетний» и «несовершеннолетний» в уголовном праве России: проблемы квалификации половых преступлений и пути унификации

Мурсалиев Спартак Лачынович, студент магистратуры

Научный руководитель: Красуцких Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье анализируются проблемы терминологической неопределенности понятий «ребенок», «малолетний» и «несовершеннолетний» в российском уголовном праве с акцентом на коллизии, возникающие при квалификации половых преступлений в отношении лиц в возрасте 12–16 лет, а также на проблеме фактической ошибки виновного в возрасте

потерпевшего. На основе анализа УК РФ, правоприменительной практики и научных трудов обосновывается необходимость унификации терминологии с отказом от разрозненных возрастных порогов.

Ключевые слова: малолетний, несовершеннолетний, ребенок, квалификация преступлений, фактическая ошибка, половые преступления.

В категории преступных посягательств на личность отдельно выделяются противоправные действия в отношении несовершеннолетних. Данные деяния отличаются повышенным цинизмом и особой жестокостью, служа ярким проявлением нравственной деградации лиц, которые их совершают. Такие преступления представляют собой исключительную угрозу для общества в целом.

Как справедливо отмечает В. Б. Хатуев, «использование виновным в своих преступных целях этих особых качеств потерпевшего повышает степень общественной опасности содеянного, свидетельствует об особой безнравственности, опасности и жестокости преступника» [4]. Среди всех возрастных категорий именно несовершеннолетние отличаются максимальной уязвимостью и минимальной степенью социальной защищенности.

Важно отметить, что преступные посягательства в отношении интересов несовершеннолетних не ограничиваются рамками главы 20 Уголовного кодекса РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Значительный массив деяний, в том числе тяжких и особо тяжких (убийства, изнасилования, причинение тяжкого вреда здоровью), содержится в иных главах УК РФ. При этом возраст потерпевшего (малолетний, несовершеннолетний) в таких составах выступает в роли квалифицирующего признака, существенно усиливающего наказание.

Проблема терминологической неопределенности смежных понятий («ребенок», «несовершеннолетний», «малолетний», «подросток») уже привлекала внимание исследователей. В частности, С. А. Пичугин и А. С. Руденко обоснованно указывают на то, что возрастные границы подростков в различных отраслях права варьируются по-разному например в Семейном кодексе РФ или же Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка» под несовершеннолетним (ребенком) понимается лицо не достигшее возраста восемнадцати лет, Уголовный Кодекс РФ же в этом вопросе в ч. 1 ст. 87 УК РФ гласит, что: несовершеннолетними уголовный закон считает лиц, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет, что значительно сужает возрастные границы подростков [5].

Говоря об уголовном праве касаясь несовершеннолетних, складывается парадоксальная ситуация: понятие «несовершеннолетний» выполняет одновременно две разнонаправленные функции. С одной стороны, оно обозначает статус потерпевшего, требующего повышенной уголовно-правовой охраны. С другой стороны, в Общей части УК РФ это же понятие определяет возраст, с которого наступает уголовная ответственность. Такое дуалистическое

использование одного термина в разных смысловых контекстах неизбежно порождает коллизии: лицо в возрасте 15 лет, будучи субъектом преступления, признается несовершеннолетним, но, становясь жертвой преступления, в ряде составов формально таковым не признается. С теоретической точки зрения, это свидетельствует о том, что законодатель не сформировал единой доктрины охраны детства, заменив ее ситуативным подходом, при котором степень защищенности ребенка варьируется в зависимости от конкретного состава преступления.

Показательным является сравнение примечания к ст. 131 УК РФ (изнасилование) и диспозиций ст. 134, 135 УК РФ. В примечании к ст. 131 УК РФ законодатель использует понятие «лицо, не достигшее 12-летнего возраста», устанавливая презумпцию непонимания таким лицом характера совершаемых с ним действий. В то же время в ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста) и в ст. 135 УК РФ (развратные действия) ключевым является понятие «лицо, не достигшее 16-летнего возраста», а в квалифицированных составах фигурирует «потерпевший (потерпевшая), не достигший (не достигшая) 14-летнего возраста» (малолетний).

Данное нормативное разграничение приводит к формированию разнонаправленных правовых презумпций в рамках одного института охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Особую сложность здесь будет представлять ситуация, когда виновный добросовестно заблуждается относительно возраста потерпевшего, то есть затрагивается такое понятие как «заведомость». Как отмечает С. В. Рахманин «В контексте рассматриваемого вопроса о возможной ошибке субъекта в возрасте потерпевшего значимым является наличие или отсутствие в формулировках текста нормы уголовного закона указания на заведомость знания о возрасте потерпевшего» [6]. Соответственно наличие или отсутствие указания на данный факт в статье особенной части УК РФ может изменить правила квалификации.

Если применительно к ст. 131 УК РФ законодатель исходит из заведомой неспособности лица младше 12 лет осознавать происходящее, что делает квалификацию независящей от субъективного восприятия виновного, то в отношении подростков в возрасте от 13 до 16 лет уголовный закон фактически требует доказывания осознания виновным их возрастной незрелости. В результате при внешне сходных объективных признаках деяния (например, при совершении полового акта с лицом в возрасте 13 лет) правовая оценка будет варьироваться в зависимости от того, удалось ли установить прямой умысел на

возраст потерпевшего либо имело место добросовестное заблуждение, что создает предпосылки для неоправданно широкого судебного усмотрения и ставит степень уголовно-правовой защиты несовершеннолетнего в зависимости от доказуемости субъективного отношения виновного к его возрасту.

Данное нормативное разграничение приводит к формированию разнонаправленных правовых презумпций в рамках одного института охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних. Такой подход, основанный на субъективном вменении, существенно снижает эффективность уголовно-правовой охраны несовершеннолетних и противоречит принципу приоритетной защиты прав детей, закрепленному в ст. 38 Конституции РФ и ст. 3 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

На основе выявленной проблемы (отсутствие легального определения, терминологическая разобщённость, использование разрозненных возрастных порогов) возможны следующие предложения по реформированию российского законодательства:

1. Дополнить Уголовный кодекс РФ статьей Общей части или примечанием к статье Особенной части, в котором дать легальное определение единого понятия «ребенок» (0–18 лет) и его подкатегорий: «малолетний» (0–14 лет) и «несовершеннолетний» (14–18 лет).
2. Унифицировать понятийный аппарат в отраслевых законах (УК РФ, СК РФ, Федеральный закон № 120-ФЗ, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка»), закрепив единое правило: «ребенок (несовершеннолетний) — лицо, не достигшее 18 лет», с сохранением при необходимости уточняющих подкатегорий «мало-

летний» (до 14 лет) и «несовершеннолетний» (14–18 лет) в случаях, когда дифференциация обусловлена особенностями правового регулирования.

3. Отказаться от разрозненных возрастных порогов (12, 14, 16 лет) в пользу единой шкалы. Внести изменения в статьи 131, 132, 134, 135, 150, 151, 156 УК РФ и иные составы, где возраст потерпевшего имеет квалифицирующее значение, установив следующую систему:

- а) «лицо, не достигшее 14-летнего возраста» — для малолетних (повышенная уголовная ответственность);
- б) «лицо, не достигшее 18-летнего возраста» — для несовершеннолетних.

Предлагаемый подход позволит устранить необоснованные различия в правовой охране несовершеннолетних одной возрастной группы (12–16 лет) в зависимости от вида преступления.

Реализация предложенных изменений позволит устранить существующую терминологическую неопределенность, обеспечить единообразие судебной практики (особенно при квалификации половых преступлений в отношении подростков 12–16 лет), повысить эффективность уголовно-правовой защиты несовершеннолетних и сформировать **непротиворечивый механизм установления признака «заведомости»**. Вменение виновному знания о возрасте потерпевшего становится предсказуемым: достаточно доказать его осведомленность о том, что потерпевший относится к категории «ребенок» (до 18 лет), а для применения особо квалифицированных составов — к категории «малолетний» (до 14 лет). Это соответствует принципу правовой определенности, исключает двойное толкование и обеспечивает единообразие судебной практики при рассмотрении дел о преступлениях против несовершеннолетних.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.04.2026).
2. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.04.2026).
3. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 01.04.2026).
4. Хатуев В. Б. Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступления как основных или квалифицирующих признаков преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoe-znachenie-osobyh-svoystv-poterpevshego-ot-prestupleniya-kak-osnovnyh-ili-kvalifitsiruyuschih-priznakov-prestupleniy> (дата обращения: 01.04.2026).
5. Пичугин С. А., Руденко А. С. Некоторые проблемы терминологии, используемой в уголовном кодексе Российской Федерации для определения возрастных категорий несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2010. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-terminologii-ispolzuemoy-v-ugolovnom-kodekse-rossiyskoy-federatsii-dlya-opredeleniya-voznrastnyh-kategoriy> (дата обращения: 01.04.2026).
6. Рахманин С. В. Проблемы квалификации преступлений при фактической ошибке в возрасте потерпевшего // Право и политика. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-pri-fakticheskoy-oshibke-v-voznraсте-poterpevshego> (дата обращения: 01.04.2026).

Понятие приобретения обществом размещенных акций

Мэн София Ильдусовна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье автор рассматривает проблемные аспекты трактовки понятия «приобретение обществом размещенных акций» на основе анализа действующего законодательства Российской Федерации, мнений различных ученых, а также зарубежного опыта.

Ключевые слова: акционерное общество, акционер, номинальная стоимость, обыкновенные акции, привилегированные акции, размещенные акции, уставной капитал.

Понятие «приобретения обществом размещенных акций» в правовой доктрине рассматривается в двух значениях. В широком смысле этим понятием охватываются различные способы приобретения обществом размещенных акций (к примеру, абз. 4 п. 1 ст. 34, ст. 72 и 75 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ) [8]). В узком оно означает способ приобретения обществом собственных акций, когда общество иницирует приобретение своих акций в целях уменьшения своего уставного капитала либо в иных целях (ст. 72 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ).

А. А. Глушецкий определяет приобретение обществом размещенных им акций как «один из механизмов изменения соотношения корпоративных прав, который позволяет определенным группам акционеров без дополнительных инвестиций повысить уровень корпоративного контроля. Как правило, такие мероприятия иницируют владельцы крупных пакетов акций, стремясь таким образом избавиться от миноритариев за счет общества» [2, с. 161].

Акционерное общество вправе приобрести размещенные им акции, если такая возможность предусмотрена его уставом. Для этого необходимо провести общее собрание акционеров, которое должно принять решение об уменьшении уставного капитала общества путем приобретения части размещенных акций для сокращения их общего количества. Общество вправе просто приобретать размещенные им акции по решению органа управления обществом, которому, согласно уставу, предоставлены соответствующие полномочия. Кроме того, в уставе может быть закреплена возможность приобретать собственные акции в порядке использования преимущественного права, а в случаях, установленных ст. 75 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ, общество обязано приобрести акции у определенной категории акционеров [10].

Порядок приобретения обществом размещенных акций регламентирован положениями главы IX Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ [8]. Однако, исходя из смысла ст. 72 указанного закона, общество, приобретая собственные акции, выступает в роли приобретателя, но итогом такой сделки является не классическое возникновение права собственности у приобретателя в том же объеме, которое возникает у иного инвестора, а появ-

ление на балансе общества квази-активов с усеченным объемом прав.

Приобретение обществом собственных акций противоречит классической конструкции юридического лица, поскольку ведет к совпадению должника и кредитора, а также субъекта и объекта права собственности в одном лице, что не допускается в классическом гражданском обороте. Данная коллизия разрешается путем установления специального правового режима для выкупленных акций: они не предоставляют права голоса, по ним не начисляются дивиденды, и они не учитываются при подсчете кворума общего собрания акционеров.

В правовой доктрине сложилось несколько основных подходов к определению природы этого явления. Первый подход можно обозначить как инвестиционно-обеспечительный. Сторонники данного подхода (Д. И. Дедов [3, с. 53], В. А. Белов [1]) рассматривают приобретение собственных акций не как инвестиционную деятельность, а как технический инструмент корпоративного финансирования и управления структурой капитала. С этой позиции акции, оказавшиеся на балансе общества, трансформируются из долевых ценных бумаг в инструмент, предназначенный для последующего погашения (уменьшения уставного капитала), перепродажи (удержания) или исполнения обязательств перед работниками (опционные программы). Данный подход подчеркивает временный и целевой характер нахождения акций у эмитента.

Сторонники обязательственно-правового подхода акцентируют внимание на том, что основания приобретения акций обществом делятся на две группы: добровольные (приобретение по решению совета директоров или общего собрания) и обязательные (выкуп по требованию акционеров в случаях реорганизации, совершения крупной сделки или внесения изменений в устав). В рамках этого подхода правовая природа обязательного выкупа трактуется как реализация механизма защиты прав миноритарных акционеров, предоставляющего им право «выхода» из общества с компенсацией рыночной стоимости принадлежащих им акций при наступлении определенных корпоративных событий.

Как отмечает Д. В. Ломакин, право требования выкупа является специальным корпоративным правом, которое не может быть отождествлено с обычной гражданско-пра-

новой куплей-продажей, поскольку его возникновение обусловлено не волей сторон, а фактом наступления юридически значимого корпоративного действия [6, с. 8].

Третий подход, фидуциарный (управленческий), связан с анализом приобретения акций как элемента реализации обязанности совета директоров и исполнительных органов действовать в интересах общества добросовестно и разумно. Приобретение акций часто рассматривается как альтернатива выплате дивидендов).

В зарубежной доктрине (США, Великобритания) данный инструмент широко используется как способ возврата капитала акционерам, сигнализирующий о недооцененности акций рынком и повышающий доходность оставшихся в обращении ценных бумаг [7, с. 92].

В российской правовой действительности, ввиду ограничений, установленных ст. 72 и 73 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (запрет на приобретение до полной оплаты уставного капитала, при наличии признаков банкротства и др.), данный инструмент носит преимущественно не столько инвестиционный, сколько охранительный и структурно-регулятивный характер.

Резюмируя изложенное, можно сказать, понятие приобретения обществом размещённых акций является комплексным институтом, сочетающим в себе элементы гражданско-правового договора (при добровольном приобретении), императивной корпоративной процедуры (при обязательном выкупе) и финансового механизма управления структурой капитала.

Литература:

1. Белов В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов. М.: Изд-о Юрайт, 2026. 451 с. // Общественная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/584221> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Глушечкий А. А. Уставный капитал акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. М.: Статут, 2023. 264 с.
3. Дедов Д. И. Дробные акции // Законодательство. 2003. № 9. С. 51–57.
4. Корпоративное право: учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с.
5. Куцко М. В. Приобретение обществом собственных акций // Налоговая политика и право. 2010. № 11. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ломакин Д. В. Право требования выкупа акций: понятие и порядок осуществления // Гражданское право. 2013. № 1. С. 6–10.
7. Назарова В. В., Иванова А. А. Выбор политики выплат инвесторам: исследование рынка США // Финансовый журнал. 2022. № 1. С. 89–107.
8. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.
9. Об образовании части акций (дробных акций): информационное письмо ФКЦБ РФ от 26 ноября 2001 г. № ИК-09/7948 // Вестник Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг. 2002. № 12.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.03.2006 № 12704/05 по делу № А63–1908/2004-С2. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Файзутдинов И. Ш., Шапкина Г. С. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Наиболее актуальные вопросы предпринимательской деятельности. Комментарии судебной практики ВАС РФ / отв. ред. Л. А. Новоселова, М. А. Рожкова; СПС «Гарант», 2009.

Квалификация неправомерного доступа к компьютерной информации: объективные и субъективные критерии отграничения от смежных составов в цифровой среде

Насонова Мария Анатольевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, в контексте его разграничения со смежными составами. На основе проведенного анализа автором выделяются объективные и субъективные критерии, позволяющие отличить неправомерный доступ как самостоятельное деяние от способа совершения иного преступления. В заключении автор обосновывает необходимость дифференциации правовой оценки в зависи-

мости от того, исчерпывается ли общественная опасность фактом нарушения режима защиты информации либо она сопряжена с последующим противоправным распоряжением полученными данными.

Ключевые слова: *неправомерный доступ к компьютерной информации, квалификация преступлений, киберпреступность, объективная сторона, субъективная сторона.*

Активное развитие цифрового пространства и проникновение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества обусловили стремительный рост преступлений в сфере компьютерной информации. К примеру, в январе — декабре 2025 года зарегистрировано 675,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [8], в январе — феврале 2026 года зарегистрировано 83,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [7]. То есть количество преступлений в рассматриваемой области находится на достаточно высоком уровне, в связи с чем особую значимость в этих условиях приобретает правильная уголовно-правовая квалификация деяний, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации.

Одной из наиболее распространенных проблем на практике является разграничение неправомерного доступа со смежными составами преступлений. Наиболее распространенные коллизии возникают с хищениями (ст. ст. 158, 159 УК РФ) [1], незаконным получением и разглашением сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), созданием, использованием и распространением вредоносных программ (ст. 273 УК РФ). Зачастую ст. 272 УК РФ исключают из обвинения, полагая, что неправомерный доступ выступает лишь способом совершения другого преступления. В связи с чем необходимо проанализировать объективные и субъективные критерии, которые помогают разграничивать данные составы.

Согласно распространенной в науке позиции, непосредственным объектом неправомерного доступа к компьютерной информации являются общественные отношения, опосредующие законный и безопасный доступ к компьютерной информации, а также порядок ее использования, охраны и защиты. Как верно подчеркивал Г. Ф. Шипулин, данное преступление включено в гл. 28 УК РФ (преступления против общественной безопасности), а значит, родовым объектом выступает общественная безопасность в сфере использования информационных технологий [11, с. 121].

Именно объект позволяет отграничить ст. 272 УК РФ от преступлений против собственности и против конституционных прав и свобод. При хищении (ст. 158, 159 УК РФ) объектом выступают отношения собственности, а компьютерная информация лишь средства или орудие завладения чужим имуществом. При неправомерном доступе вред причиняется не имущественным интересам

непосредственно, а безопасности информационной системы и праву законного владельца на контроль за доступом к данным.

Ключевое значение имеет и предмет преступления — компьютерная информация, которая в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» определяется, как «получение или использование такой информации без согласия обладателя информации лицом, не наделенным необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка независимо от формы такого доступа (путем проникновения к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, непосредственно либо путем удаленного доступа)» [2].

В литературе отмечается, что определение не охватывает все возможные варианты совершения преступления и является устаревшим, поскольку информация, находящаяся в свободном доступе в сети Интернет, также может быть предметом посягательства, если ее обладатель принял меры для защиты (например, личный кабинет на публичном сайте) [11, с. 122].

При разграничении со ст. 183 УК РФ предметом выступают только сведения ограниченного доступа, имеющие специальный статус. В свою очередь по ст. 272 УК РФ предметом может быть любая компьютерная информация (включая общедоступную), к которой доступ осуществлен неправомерно, но при условии наступления последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования.

Таким образом, объект и предмет позволяет предварительно отграничить следующим образом, если посягательство направлено исключительно на собственность, а компьютерная информация используется как способ совершения преступления, то квалификация по ст. 272 УК РФ не требуется, если же нарушается безопасность информационной системы вне зависимости от последующего использования данных, то следует квалифицировать действия лица по ст. 272 УК РФ.

Объективная сторона состава ст. 272 УК РФ включает в себя три элемента, во-первых, деяние в виде неправомерного доступа к компьютерной информации, во-вторых, последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования информации, в-третьих, причинную связь между ними. По конструкции состав явля-

ется материальным, что имеет решающее значение для разграничения со смежными составами.

Так, разграничивая с составом по ст. 273 УК РФ, можно отметить, что если создало программу, заведомо предназначенную для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации, но неправомерного доступа как такого не осуществляло, например, распространило компьютерный вирус через фишинговое письмо, и пользователь сам его активировал, то содеянное следует квалифицировать по ст. 272 УК РФ. Однако, если лицо активно преодолело систему защиты (подбор пароля, использование уязвимости) и затем совершило действия с информацией, то образуется совокупность преступлений по ст. ст. 272 и 273 УК РФ при наличии умысла на оба деяния.

При разграничении с хищением необходимо учитывать, что зачастую неправомерный доступ рассматривается как способ хищения. К примеру, Судом был вынесен приговор в отношении М., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 158, 272, 183 УК РФ. При этом в приговоре суд окончательно квалифицировал содеянное только по ст. 158, 183 УК РФ, исключив из обвинения ст. 272 УК РФ. В схожем случае суд также квалифицировал содеянное по ст. 158, 183 УК РФ, но при этом обвинение по ст. 272 УК РФ изначально не предъявлялось [3]. В другой ситуации государственный обвинитель поддержал обвинение только по ст. 158 УК РФ, посчитав, что «...неправомерный доступ к информации и перехват информации с карт о пин-кодах и информации с магнитной полосы путем копирования и другие обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, относящиеся к совершению преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, являются способом хищения денежных средств и не требуют дополнительной квалификации» [9].

Представляется, что объективным критерием в данном случае должна выступать моментальность и неизбежность перехода к хищению, то есть, если доступ к компьютерной информации и последующее копирование (модификация) являются необходимым и неразрывным этапом хищения, которое осуществляется практически одновременно, то квалификация только по ст. ст. 158 или 159 УК РФ допустима. Однако, если между доступом и хищением существует временной разрыв, доступ был осуществлен с целью не только хищения, но и, например, последующего блокирования информации, или же сам по себе доступ причинил вред (нарушил работу системы), то требуется квалификация по совокупности преступлений.

Говоря о характере последствий, следует отметить, что уничтожение и блокирование информации чаще всего не имеют смежного состава и квалифицируются по ст. 272 УК РФ. Модификация и копирование могут быть как самостоятельными преступлениями, так и этапом другого. Если копирование осуществлено без цели извлечения имущественной выгоды, например, из хулиганских побуждений, то действия будут квалифицированы по ст. 272 УК РФ, однако, если копирование преследует цель последующей

продажи данных, то здесь возникает конкуренция между ст. 183 УК РФ и ст. 272 УК РФ.

Наиболее значимым критерием отграничения ст. 272 УК РФ от смежных составов выступает субъективная сторона. В научной литературе и публикациях, анализирующих субъективную сторону неправомерного доступа к компьютерной информации, авторы высказывают в основном идентичные позиции по субъективным признакам данного преступления, считая, что оно может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Так, отдельные авторы полагают, что, «неправомерный доступ к компьютерной информации — это умышленное преступление, совершаемое как с прямым, так и с косвенным умыслом и предлагаем усилить на наказание за неправомерный доступ к компьютерной информации, совершенный с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» [10, с. 74]. Считаем необходимым согласиться с данной точкой зрения, поскольку, совершая деяние, предусмотренное ст. 272 УК РФ, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, невозможно допустить ситуацию, когда это произошло по неосторожности.

Характеризуя субъективную сторону ст. 272 УК РФ, следует заметить, что диспозиция нормы не содержит специальной цели или мотива в качестве обязательного признака, однако для разграничения со смежными составами данные элементы субъективной стороны приобретают решающее значение. В целом мотивы и цели совершения неправомерного доступа могут быть самыми различными: желание получить какую-либо информацию для личного пользования, повышение собственного знания, коммерческий шпионаж, стремление противопоставить себя обществу, решить сложную проблему, месть, корысть [5, с. 56].

Так, А. Н. Попов выделяет в качестве мотивов корысть, развлечение, месть [6]. К. Н. Евдокимов считает, что наиболее приемлема классификация мотивов и целей, ранее предложенная В. Б. Веховым, который выделил пять наиболее распространенных мотивов совершения компьютерных преступлений: «корыстные; политические; преступления, направленные на подрыв финансовой и денежно-кредитной политики правительства; дезорганизация валютной системы страны; подрыв рыночных отношений; исследовательский интерес; хулиганские побуждения и озорство; месть» [4, с. 76].

Представляется, что критерием разграничения должна служить поглощающая способность цели, поскольку если она корыстная и полностью охватывает и доступ, и последствия, то именно ради нее совершены все действия, предусмотренные ст. 272 УК РФ, и поэтому данный состав поглощает хищение. Однако, если наряду с корыстной целью имелась и иная цель, либо корыстная цель не была достигнута, но последствия в виде уничтожения или блокирования наступили, то необходима совокупность.

Таким образом, квалификация неправомерного доступа к компьютерной информации в современной пра-

воприменительной практике сопряжена с системными трудностями разграничения со смежными составами, прежде всего с хищениями, ст. 183 и 273 УК РФ. Объективные критерии (объект, предмет, характер последствий,

временной разрыв между доступом и использованием данных), субъективные критерии (цель, мотив, умысел) позволяет выстроить определенный «фундамент» квалификации деяния для целей отграничения от смежных.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2026. № 8. Ст. 773.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.
3. Апелляционное решение Ярославского районного суда Апелляционное постановление № 22–145/2022 от 2022 г. по делу № 1–59/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gZ8MVbNHN3H/> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Вехов В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия. М., 1996. 182 с.
5. Евдокимов К. Н. Субъективная сторона неправомерного доступа к компьютерной информации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 4 (12). С. 53–58.
6. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» / А. Н. Попов, Р. Д. Шарапов; под общ. ред. А. Н. Попова. СПб., 2024. 82 с.
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — февраль 2026 года // МВД России. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/82838935/> (дата обращения: 28.03.2026).
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года // МВД России. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 28.03.2026).
9. Приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 4 июля 2023 г. по делу № 1–603/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V4g3yQMdn96O/?ysclid=mnwj36fqvu363140211> (дата обращения: 01.04.2026).
10. Степанов-Егиянц В. Г. Субъективная сторона компьютерных преступлений // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 2. С. 72–74.
11. Шипулин Г. Ф. Объективные признаки преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 119–127.

Меры предварительной защиты в административном судопроизводстве: баланс публичных и частных интересов

Неверович Мария Сергеевна, студент

Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуются проблемы применения мер предварительной защиты в административном судопроизводстве Российской Федерации в контексте обеспечения баланса публичных и частных интересов. Анализируются положения действующего законодательства и правоприменительная практика, выявляется тенденция к ограничительному подходу судов, выражающаяся в завышении стандартов доказывания и формализации рассмотрения соответствующих ходатайств. На основе анализа судебной практики демонстрируется отсутствие единообразных критериев применения мер предварительной защиты. Рассматриваются основные подходы, сформировавшиеся в юридической науке, включая ограничительный, проактивный и компромиссный. Обосновывается необходимость формирования нормативного механизма достижения баланса интересов. В качестве основных направлений совершенствования предлагается закрепление принципа соразмерности в качестве критерия применения мер предварительной защиты, а также установление обязанности суда по мотивированному сопоставлению публичных и частных интересов при принятии соот-

ветствующих судебных актов. Сделан вывод о том, что реализация предложенных изменений позволит повысить эффективность судебной защиты и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Ключевые слова: административное судопроизводство, меры предварительной защиты, обеспечительные меры, баланс публичных и частных интересов, принцип соразмерности, судебная защита, правоприменительная практика.

Институт мер предварительной защиты в административном судопроизводстве выступает важнейшим процессуальным механизмом, направленным на обеспечение реальной эффективности судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Его назначение заключается в предотвращении причинения значительного вреда до разрешения дела по существу и в обеспечении исполнимости будущего судебного акта.

Меры предварительной защиты по административному иску находят свое отражение в главе 7 Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) [1] и активно используются судами общей юрисдикции. Вместе с тем практика применения указанных мер свидетельствует о наличии системной проблемы, связанной с отсутствием четко сформированного механизма достижения баланса между публичными и частными интересами. Это обуславливает ограничительное применение мер предварительной защиты и снижает их эффективность как инструмента судебной защиты.

Нормативная модель мер предварительной защиты предполагает их использование в качестве превентивного инструмента, направленного на предотвращение негативных последствий для заявителя. Однако действующее правовое регулирование не содержит четких критериев оценки допустимости их применения, включая такие категории, как «значительный вред» и «необходимость обеспечения исполнимости судебного акта».

В результате соответствующие вопросы решаются судами на основе усмотрения, что приводит к формированию неоднородной правоприменительной практики. При этом в большинстве случаев суды исходят из приоритета публичного интереса, устанавливая повышенные стандарты доказывания для заявителей.

Фактически это приводит к подмене превентивной функции мер предварительной защиты их использованием в качестве инструмента предварительной оценки спора по существу, что противоречит их процессуальной природе.

Характерной чертой современной практики является отсутствие единообразного подхода к применению мер предварительной защиты.

Характерным примером ограничительного подхода является Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2024 г. по делу № 66а-2057/2024, в котором суд отказал в применении мер предварительной защиты, указав на недоказанность заявителем опасности нарушения его прав и отсутствия оснований полагать, что их защита будет невозможна без принятия соответствующих мер [5]. Данный подход свидетельствует о возложении на заявителя повышенного

бремени доказывания и фактическом формировании строгого стандарта обоснования необходимости применения мер предварительной защиты.

В то же время судебная практика демонстрирует и иной подход, ориентированный на снижение стандарта доказывания. Так, в Кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2025 г. по делу № 8а-18656/2025 указано, что меры предварительной защиты носят ускоренный и предварительный характер, в связи с чем для их применения не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для разрешения спора по существу [6]. Суд подчеркнул, что достаточным является обоснование вероятности наступления неблагоприятных последствий, что фактически соответствует критерию предварительной (*prima facie*) обоснованности требований.

Сопоставление указанных судебных актов свидетельствует о формировании противоречивой практики, обусловленной отсутствием единых критериев применения мер предварительной защиты.

Проблема пределов применения мер предварительной защиты получила отражение в научной литературе, в рамках которой сформировались три основных подхода.

Представители ограничительного подхода исходят из приоритета публично-правовой природы административного судопроизводства. Так, Старилов Ю. Н. указывает на «недопустимость чрезмерного вмешательства суда в деятельность органов публичной власти и необходимость сохранения устойчивости публичного управления» [2, с. 112–118]. В этой связи меры предварительной защиты рассматриваются как исключительный инструмент, применение которого требует повышенного стандарта обоснования.

Сторонники противоположного подхода акцентируют внимание на необходимости обеспечения эффективной судебной защиты. В частности, Шакарян М. С. обосновывает, что «процессуальные механизмы должны гарантировать реальное восстановление нарушенных прав, а не ограничиваться формальным разрешением спора» [3, с. 198–205]. В этом контексте меры предварительной защиты рассматриваются как необходимый элемент судебной защиты, применение которого должно основываться на оценке вероятности нарушения права и риска наступления неблагоприятных последствий.

Компромиссный подход, получающий все большее распространение в современной юридической науке, основан на необходимости достижения баланса между публичными и частными интересами. Так, Ярков В. В. подчеркивает, что «применение обеспечительных мер должно осуществляться с учетом принципа соразмер-

ности и предполагает сопоставление последствий их применения для всех участников правоотношения» [4, с. 223–230]. Данный подход ориентирован на формирование сбалансированной модели судебной защиты, исключающей как формализм, так и чрезмерное вмешательство в публичное управление.

Таким образом, научная дискуссия отражает противоречие между необходимостью эффективной защиты прав и недопустимостью необоснованного вмешательства в сферу публичного управления.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ключевой проблемой применения мер предварительной защиты является отсутствие нормативно закреплённого механизма достижения баланса публичных и частных интересов.

В этой связи представляется обоснованным формирование комплексного подхода, основанного на внедрении принципа соразмерности и установлении процессуальных гарантий его реализации.

В целях устранения выявленных проблем представляется обоснованным внесение изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, направленных на нормативное закрепление механизма достижения баланса публичных и частных интересов.

Прежде всего, предлагается дополнить статью 85 КАС РФ положением, закрепляющим принцип соразмерности как обязательный критерий применения мер предварительной защиты. Данный принцип должен предполагать обязанность суда учитывать соотношение возможного вреда для административного истца и последствий вмешательства в публичную сферу, а также выбирать меру, достаточную для защиты прав, но не создающую чрезмерного ограничения публичных интересов.

Кроме того, целесообразно внести изменения в статью 87 КАС РФ, установив обязанность суда по мотивированному сопоставлению публичных и частных интересов при разрешении вопроса о применении мер предварительной защиты. Судебный акт должен содержать анализ последствий как применения, так и неприменения соответствующих мер, а отсутствие такой мотивировки должно рассматриваться как существенное нарушение процессуальных требований.

Реализация указанных предложений позволит сформировать единый подход к применению мер предварительной защиты и обеспечит повышение качества судебного контроля в административном судопроизводстве.

Подытожив рассмотрение вопроса учета публичных и частных интересов в аспекте применения мер предварительной защиты в административном судопроизводстве, можем отметить, что меры предварительной защиты играют ключевую роль в обеспечении эффективности судебной защиты в административном судопроизводстве. Однако их современное применение характеризуется ограничительным подходом и отсутствием единообразия, что обусловлено недостаточной определенностью правового регулирования.

Научный анализ и судебная практика свидетельствуют о необходимости формирования сбалансированной модели применения данных мер, обеспечивающей учет как публичных, так и частных интересов. Внедрение принципа соразмерности и установление обязанности суда по мотивированному сопоставлению интересов участников правоотношения представляются ключевыми направлениями совершенствования правового регулирования, способными обеспечить повышение эффективности административного судопроизводства.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 10. — ст. 1391.
2. Старилов, Ю. Н. Административное судопроизводство в Российской Федерации: учебник / Ю. Н. Старилов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2022. — 704 с.
3. Шакарян, М. С. Гражданский процесс: учебник / М. С. Шакарян. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2021. — 784 с.
4. Янков, В. В. Гражданский процесс: учебник / В. В. Янков. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2020. — 768 с.
5. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2024 г. по делу № 66а-2057/2024 // ЭПС ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/343331904/> (дата обращения: 08.04.2026).
6. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2025 г. по делу № 8а-18656/2025 [88а-21310/2025] // ЭПС ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/347348022/> (дата обращения: 08.04.2026).

Распространение радикальной религиозной идеологии в исправительных учреждениях

Омаров Куандык Мейрамгалиевич, студент магистратуры
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан)

Куспаев Мержан Галымжанулы, студент
Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова (г. Актюбе, Казахстан)

В статье было рассмотрено, почему именно исправительные учреждения нередко становятся средой, в которой радикальная религиозная идеология получает дополнительный импульс к распространению. Показано, что проблема связана не столько с самой религией, сколько с сочетанием изоляции, психологической уязвимости, дефицита доверия, влияния тюремной субкультуры, неформальной иерархии и активности лиц, использующих религиозную риторику как инструмент давления, самоутверждения и вербовки.

Ключевые слова: исправительные учреждения, религиозная идеология, радикализация, осужденные, пенитенциарная система, профилактика экстремизма, ресоциализация.

Исправительное учреждение традиционно воспринимается как пространство изоляции, контроля и исполнения наказания. Однако на практике оно выступает еще и сложной социальной средой, где постоянно происходят процессы адаптации, соперничества, поиска защиты и переосмысления личной идентичности. В такой обстановке любые идеи, обещающие простое объяснение жизненных неудач, разделение мира на «своих» и «чужих», ощущение избранности и принадлежности к «правильной» группе, получают повышенную притягательность. По этой причине разговор о распространении радикальной религиозной идеологии в местах лишения свободы имеет не отвлеченный, а вполне прикладной характер.

Сама по себе религиозность осужденных не представляет угрозы. Напротив, обращение к традиционным формам веры нередко становится для человека способом внутренней стабилизации, отказа от агрессии и возвращения к нравственным ограничениям. Опасность возникает в тот момент, когда религиозные понятия начинают использоваться как оболочка для оправдания ненависти, насилия, тюремной консолидации и противопоставления личности обществу и государству. В этом случае речь идет уже не о духовной поддержке, а об идеологической переработке сознания. Именно поэтому в правовом поле отдельно подчеркивается необходимость различать свободу вероисповедания и экстремистскую активность.

Пенитенциарная среда создает для радикализации целый комплекс благоприятных условий. Во-первых, лишение свободы почти всегда сопровождается кризисом идентичности. Человек теряет привычный социальный статус, круг общения, бытовую автономию, ощущение контроля над собственной жизнью. На этом фоне особенно востребованными становятся группы, предлагающие ясные правила, жесткую дисциплину и эмоциональную поддержку. Во-вторых, в колонии или тюрьме резко возрастает ценность коллективной защиты. Осужденный, оказавшийся в уязвимом положении, легче принимает чужую идеологию, если вместе с ней получает

безопасность, еду, связи, помощь в конфликтах или чувство принадлежности. В-третьих, в изолированной среде слухи, символы, простые лозунги и полужанглы распространяются быстрее, чем взвешенные разъяснения. Подобные риски усиливаются там, где сохраняются дефицит ресурсов, слабая воспитательная работа и формальный подход к безопасности.

Существенную роль играет и тюремная субкультура. Радикальная религиозная риторика нередко адаптируется под уже существующие механизмы неформального влияния. В результате возникает опасный синтез: внешне религиозная лексика соединяется с жесткой групповой дисциплиной, запретом на инакомыслие, культом силы и презрением к «чужим». В таких условиях вера перестает быть личным духовным выбором и превращается в маркер лояльности группе. Для части осужденных это особенно привлекательно, потому что дает новый статус, новую роль и возможность дистанцироваться от прежней биографии через образ «идеологически просветленного» человека.

Отдельной уязвимой категорией выступают неофиты, то есть лица, недавно обратившиеся к религии или начавшие активно интересоваться ею уже в заключении. У них часто отсутствует системное знание вероучения, зато выражена потребность в быстрых и четких ответах. Именно на такой аудитории лучше всего работают упрощенные, агрессивные и эмоционально заряженные трактовки. Радикальный проповедник или авторитетный осужденный предлагает не сложную богословскую картину, а удобный набор формул: мир враждебен, страдание оправдывает жесткость, истина принадлежит только «своим». Вследствие этого религиозная неграмотность становится одним из важных факторов риска.

Нельзя игнорировать и организационную сторону проблемы. Распространение радикальной идеологии в исправительных учреждениях поддерживается не только личным общением, но и каналами передачи литературы, переписки, запрещенных средств связи, визуальной сим-

волики, а иногда и через давление на осужденных со стороны уже сформированных микрогрупп. Чем слабее контроль за неформальными лидерами и чем формальнее профилактическая работа, тем выше вероятность того, что экстремистская повестка будет маскироваться под обычную религиозную активность. Здесь особенно заметна тонкая грань: грубое ограничение законной религиозной жизни ведет к росту напряженности, но бездействие создает пространство для скрытой вербовки.

Проблема осложняется тем, что радикализация в местах лишения свободы редко начинается с прямых призывов к насилию. Чаще она развивается поэтапно. Сначала человеку внушается мысль о собственной униженности и несправедливости мира. Затем формируется образ врага: администрация, государство, представители других конфессий, «неверные», «предатели», «отступники». После этого вводится идея групповой исключительности и морального превосходства. И только на завершающей стадии возможно оправдание агрессии как будто бы допустимого действия. Такая постепенность делает радикализацию трудноуловимой, особенно если персонал не обладает достаточной религиозоведческой и психологической подготовкой. Этот вывод представляет собой обобщение профильной литературы и практических руководств для пенитенциарных служб.

Правовой аспект в данной теме имеет принципиальное значение. Российское и казахстанское уголовно-исполнительное законодательство закрепляет право осужденных на свободу совести и вероисповедания. Одновременно антиэкстремистские нормы требуют пресечения деятельности, связанной с пропагандой ненависти, вовлечением в запрещенные организации и распространением насильственной идеологии. Из этого следует важный вывод: задача администрации состоит не в борьбе с религией, а в отделении законной религиозной практики от идеологий,

разрушающих безопасность учреждения и создающих угрозу обществу после освобождения. Подмена одного другим опасна в обе стороны: либо появляется пространство для экстремизма, либо под удар попадает законное право человека на исповедание веры.

В научной литературе нередко подчеркивается, что одной силовой реакцией эту проблему решить невозможно. Изоляция наиболее активных проповедников, оперативный контроль и пресечение запрещенной коммуникации необходимы, но они дают ограниченный эффект, если внутри учреждения сохраняются унижение, недоверие, пустота смыслов и ощущение полной безысходности. В подобных условиях радикальная идеология вновь находит питательную среду. Поэтому значимую роль приобретают программы ресоциализации, индивидуальная психологическая работа, участие подготовленных теологов и представителей традиционных конфессий, образование, трудовая занятость и снижение влияния криминальной иерархии. Чем больше у осужденного законных способов восстановить чувство достоинства и полезности, тем меньше привлекательность разрушительных идеологий. Особое значение имеет личность сотрудника учреждения. Если профилактика сводится к формальным беседам и проверкам, осужденные быстро считают эту искусственность. Доверие в таких вопросах невозможно имитировать. Поэтому в статье важно подчеркнуть, что профессиональная подготовка персонала должна включать не только знание норм права, но и понимание базовых признаков радикализации, различий между традиционной религиозной практикой и экстремистской интерпретацией, навыки деэскалации конфликтов и работы с уязвимыми группами. Без этого сотрудники рискуют либо пропустить опасный процесс, либо ошибочно воспринимать любую выраженную религиозность как угрозу.

Литература:

1. Аюбаев М. А., Сматлаев Б. М., Мадиев К. С. Работа с осужденными за преступления экстремистской и террористической направленности: фундаментальные вопросы совместных реабилитационных мероприятий // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Право. 2024. № 2(147). С. 114–124.
2. Бакулина Л. В., Халилов Р. Н., Мустафина А. Р. Экстремизм в местах лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 144–149.
3. Ештокин А. П. Политика противодействия экстремизму в местах лишения свободы как составная часть стратегии национальной безопасности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2(38). С. 101–106.
4. Игнатов А. Н., Абисова К. С. Религиозная радикализация мест принудительного содержания как фактор экстремизма и терроризма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 136–144.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (619) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 29.04.2026. Дата выхода в свет: 06.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.